

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

ISSN: 3034-3666

2025 • Том 2 • № 4

2025 • Vol. 2 • no.4

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

EXTREME PSYCHOLOGY AND PERSONAL SAFETY

Экстремальная психология и безопасность личности

2025. Том 2. № 4

Extreme Psychology and Personal Safety

2025. Vol. 2, no. 4

Экстремальная психология и безопасность личности

Сетевой научный журнал

«Экстремальная психология и безопасность
личности»

Редакционная коллегия

Бережина Т.Н. (Россия) – главный редактор

Баева И.А. (Россия), Балан И.С. (США), Каплан В.
(Турция), Барабанщикова В.В. (Россия), Бриль М.С.
(Россия), Горностаев С.В. (Россия), Деулин Д.В.
(Россия), Екимова В.И. (Россия), Караяни А.Г.
(Россия),
Носс И.Н. (Россия), Пергаменщик Л.А. (Беларусь),
Петровский В.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия),
Розенова М.И. (Россия), Селиванов В.В. (Россия),
Федотов А.Ю. (Россия), Харламенкова Н.Е.
(Россия), Цветков В.Л. (Россия), Шаранов Ю.А.
(Россия), Марьин М.И. (Россия), Рыбцов С.А.
(Россия), Стельмах С.А. (Казахстан)

Ответственный секретарь

Пахалкова А.А.

Редактор и корректор

Муратханов В.А.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ФГБОУ ВО

«Московский государственный психолого-
педагогический университет»

Адрес редакции

Россия, 123290, Москва, Шелепихинская
набережная, д.2А, строение 3, кабинет 207
Телефон: +7 (499) 244-07-10

Е-mail: epsyps@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/journals/epps/contacts>

Издается с 2024 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

серия Эл № ФС77-86694 от 22 января 2024 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом. Перепечатка материалов
журнала и использование иллюстраций допускается
только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2025

Extreme Psychology and Personal Safety

Electronic Scientific Journal

“Extreme Psychology and Personal Safety”

Editorial board

Berezina T.N. (Russia) – **editor-in-chief**

Baeva I.A. (Russia), Balan I.S. (USA), Kaplan, V.
(Türkiye), Barabanshchikova V.V. (Russia), Bril M.S.
(Russia),
Gornostaev S.V. (Russia), Deulin D.V. (Russia),
Ekimova V.I. (Russia), Karayani A.G. (Russia),
Noss I.N. (Russia), Pergamenshchik L.A. (Belarus),
Petrowskiy V.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia),
Rosenova M.I. (Russia), Selivanov V.V. (Russia),
Fedotov A.Y. (Russia), Kharlamenkova N.E. (Russia),
Tsvetkov V.L. (Russia), Sharanov Y.A. (Russia),
Maryin M.I. (Russia), Rybtsov S.A. (Russia),
Stelmakh S.A. (Kazakhstan)

Executive secretary

Pakhalkova A.A.

Editor and proofreader

Muratkhanov V.A.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education
(MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, building 3, office
207, Moscow, Russia, 123290
Phone: +7 (499) 244-07-10

Е-mail: epsyps@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/journals/epps/contacts>

Published quarterly since 2024

The mass medium registration certificate:

EL № FS77-86694, registry date 22.01.2024

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text
and images are the property of MSUPE and
copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed
only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2025

Содержание журнала
«Экстремальная психология и безопасность личности»
2025. Том 2. № 4.

**Тематический выпуск: «Психолого-педагогическая профилактика и коррекция
экстремизма в условиях образовательной среды»**

<i>Рубрики, авторы, статьи</i>	<i>Страницы</i>
ОТ РЕДАКЦИИ	
Деулин Д.В.	
Вступительное слово тематического редактора	7–10
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ	
Клейберг Ю.А.	
Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма	11—24
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н.	
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)	25—40
Литвинова А.В.	
Психологические условия проявления склонности к экстремизму у студентов	41—51
СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ	
Полушина М.Д.	
Социально-психологические предикторы формирования склонности к экстремистским установкам у молодёжи	52—68
Каплан В.	
Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями	69—85
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ ОСОБОГО РИСКА	
Котенев И.О., Сорокина А.В.	
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате	86—101
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Галин К.О., Петров В.Е.	
Цифровые технологии как безопасная среда социализации подростков	102—118

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Дутикова Г.В.

Особенности эмоционального интеллекта студентов колледжа с отклоняющимся поведением 119—132

Камнева Е.В., Симонова М.М

Черты личности как предиктор кибервиктимности (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного поведения) 133—149

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Авилова А.-М.И.

Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте 150—162

**Contents of the e-journal
“Extreme Psychology and Personal Safety”**

Vol. 2, #4—2025

Thematic section: “Psychological and pedagogical prevention and correction of extremism in an educational environment”

<i>Columns, manuscripts, authors</i>	<i>Pages</i>
FROM THE EDITOR	
Deulin D.V.	
Foreword of Thematic Editor	7—10
PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN AGE-RELATED PSYCHOLOGY	
Kleyberg, Yu.A.	
Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism	11—24
LEGAL PSYCHOLOGY	
Naletova N.V., Dvoryanchikov D.A., Dvoryanchikova K.N.	
Possibilities of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth within the framework of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical verification)	25—40
Litvinova A.V.	
Psychological conditions for the manifestation of a tendency towards extremism in students	41—51
SOCIAL AND POLITICAL PSYCHOLOGY OF SECURITY	
Polushina M.D.	
Socio-psychological predictors of the formation of extremist attitudes among young people	52—68
Kaplan V.	
The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships	69—85
PSYCHOLOGY OF SPECIAL RISK PROFESSIONS	
Kotenev, I.O., Sorokina, A.V.	
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely	86—101
PSYCHOLOGICAL SAFETY OF DIGITAL TECHNOLOGIES	
Galin K.O., Petrov V.E.	
Digital technologies as a safe environment for adolescent socialization	102—118
GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY SAFETY OF THE PERSONALITY	
Dutikova G.V.	
Emotional intelligence characteristics of college students with deviant behavior	119—132
Kamneva E.V., Simonova M.M.	

Personality traits as predictors of cybervictimization (a study of the correlation between the Big Five traits and cybervictim behavior) 133—149

PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN EXTREME SITUATIONS

Avilova A.-M.I.

Using the effect of gestalt completion in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence 150—162

Вступительное слово тематического редактора

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию новый тематический выпуск нашего журнала, тема выпуска — *«Психолого-педагогическая профилактика и коррекция экстремизма в условиях образовательной среды»*.

Актуальность проблемы психолого-педагогической профилактики и коррекции экстремизма в условиях образовательной среды продиктована статистикой совершения преступлений экстремистской и террористической направленности с участием несовершеннолетних. Важность заданной темы определяется и Указом Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». Согласно нормативному правовому документу экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации, основам конституционного строя Российской Федерации, а также межнациональному (межэтническому), межконфессиональному единству и гражданскому единению, культурному развитию, политической и социальной стабильности.

Выпуск направлен на психологическое исследование проблем экстремистской деятельности и смежных явлений в общественной жизни. Выпуск открывает теоретико-методологическая статья Ю.А. Клейберга «Маргинализация топоса как детерминанта общего благополучия подростково-молодежного экстремизма». Подростково-молодежный экстремизм является тревожной и агрессивной составляющей современного топоса. Первостепенная особенность подростково-молодежного экстремизма — духовная незрелость подростков и молодежи, несформированность восприятия целостности мировоззрения и ценностных ориентиров, спровоцированные проблемой межпоколенческого отчуждения (конфликт поколений) современной молодежи, маргинализацией общества, неспособностью всесторонне оценивать ситуацию. Маргинальный статус становится нормой бытия миллионов людей, маргинальность — механизмом и условием самоидентификации. В статье выявляются предикторы маргинального топоса, способствующие появлению молодежного экстремизма. Результаты проведенного исследования показали, что информированность студентов-психологов о молодежном экстремизме изменила их отношение к данному феномену. Абсолютное большинство респондентов (90%) осуждает проявления экстремизма и терроризма, а также молодежь, совершающую преступления на этой почве. Респонденты полагают, что следует ужесточить наказание (92%), столько же выступают за ужесточение миграционной политики государства. Интервьюирование экспертов и опрос студентов-психологов указывают на то, что увеличение количества экстремистски настроенных подростков и молодежи зависит от политической активности государства и общества, связанной в последнее время со специальной военной операцией (СВО). Исследование

указывает на необходимость проведения регулярного мониторинга проблемы молодежного экстремизма, а также терроризма и других деструктивных проявлений.

Исследованию возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде через призму теории неопределенности-идентичности М. Хогга посвящена статья Д.А. Налетовой, Н.В. Дворянчикова и К.Н. Дворянчиковой «Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)». Авторами выявлены значимые связи между степенью выраженности социальной идентичности у учеников и студентов и степенью выраженности энтитативности групп, в которых они состоят, а также желательных с их точки зрения групп. Не выявлена связь между степенью выраженности социальной идентичности у учеников и степенью выраженности энтитативности нежелательной группы, в отличие от студентов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что степень социальной идентичности влияет на восприятие сплоченности значимых и желательных групп. Отсутствие аналогичной связи для нежелательных групп у школьников в сравнении со студентами требует дальнейшего изучения с учетом возрастных и психологических особенностей.

А.В. Литвиновой в статье «Психологические условия проявления склонности к экстремизму у студентов» было установлено, что психологическими условиями проявления склонности к экстремизму являются делинквентное, аддиктивное ситуативное поведение, а также наличие вредных привычек у студентов. Проявления «деструктивности и цинизма», «нормативного нигилизма» значимо связаны с делинквентным и аддиктивным ситуативным поведением. Конвенциональное принуждение отличает студентов с вредными привычками. Результаты проведенного исследования расширяют представления о проявлениях склонности к экстремизму у нормотипичных студентов. В целях профилактики экстремизма необходима разработка и проведение профилактических и психокоррекционных программ, мишенью которых являются ситуативно проявляемые формы деструктивного поведения и вредные привычки студентов.

В научной статье М.Д. Полушиной «Социально-психологические предикторы формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи» показано, что личность экстремиста культурно-исторически определена, текущее наполнение понятий включает прежние, уже изменившиеся обстоятельства, отражение актуальной ситуации и проявления индивидуальных особенностей. Теоретической основой исследования послужила теория межинституциональной обусловленности индивидуальной экстремальной деятельности. Автор проводит мониторинг актуального социально-психологического состояния молодежи Северного Кавказа, направленный на сопоставление особенностей текущего состояния и факторов формирования экстремистских идей. В исследовании констатируется, что риск подверженности влиянию экстремистских идей выше для тех, у кого уровень идентичности ниже оптимального, использование агрессии для достижения целей и неадаптивных способов для выражения недовольства допустимы, а внешний мир представляется угрожающим.

Зарубежный исследователь В. Каплан в материалах научной статьи «Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями» демонстрирует уязвимость подросткового возраста перед различного рода угрозами. Автор показывает, что

уровень созависимости у подростков значительно различается в зависимости от пола, уровня образования родителей, экономического положения и предполагаемого уровня отношений между семьей и друзьями. У девочек-учениц уровень созависимости был выше, чем у мальчиков, и по мере повышения уровня образования и экономического положения родителей показатели созависимости снижались. Автором была обнаружена отрицательно значимая корреляция между общим баллом по шкале созависимости и баллом по шкале семейных отношений. Результаты свидетельствуют о том, что семейное общение и стили воспитания играют решающую роль в поддержке психосоциального развития подростков. Исследование этой проблемы может более глубоко вскрывать «этиологию и патогенез» экстремистской деятельности.

И.О. Котенев и А.В. Сорокина в статье «Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате» показали, что работа в условиях высокой эмоциональной нагрузки и экстренных ситуациях приводит к значительным изменениям в психоэмоциональном состоянии работников. У психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, по сравнению с их коллегами, осуществляющими деятельность иного плана, наблюдаются более выраженные негативные психологические состояния (симптомы вторичной травматизации, профессионального выгорания, агрессивность, тревожность, депрессия). Данные негативные психологические состояния отрицательно влияют на удовлетворенность профессиональной деятельностью, могут приводить к снижению работоспособности, что указывает на необходимость разработки и реализации целенаправленных программ их психологической профилактики.

К.О. Галин и В.Е. Петров в своей работе «Цифровые технологии как безопасная среда социализации подростков» рассказывают, как происходит формирование идентичности и социальных связей у подростков в цифровой среде, что требует научного осмысления и педагогического сопровождения процесса социализации в виртуальном мире. Это важная проблема интересна в разрезе изучения преступлений экстремистской направленности тем, что большинство таких преступлений «цифровизируется». Важность понимания механизмов и последствий «технологической миграции» подростков открывает простор для коррекции склонности к экстремизму в образовании.

Завершает выпуск статья А.-М.И. Авиловой «Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте». Предложенное исследование отличается высокой степенью актуальности, ведь «суицидальная статистика» с каждым годом имеет негативные тенденции к увеличению, особенно среди молодежи. Поэтому у специалистов возникает потребность в разработке более эффективных средств психолого-педагогической профилактики данного явления. Автор предполагает, что после проигрывания опасной для жизни ситуации и смерти в виртуальной реальности суицидальные мысли и желания исчезнут, так как потенциально опасная для жизни ситуация была прожита и тем самым завершился гештальт. Выборку составили юноши и девушки, средний возраст которых 19 лет. Автор использовал вполне обоснованные научные методы и статистические критерии для психологической диагностики «склонности к суициду» и математической верификации результатов исследования. Основным выводом является

Деулин Д.В. (2025)
Вступительное слово тематического редактора
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 7—10.

Deulin D.V. (2025)
Introductory remarks by the thematic editor
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 7—10.

статистически существенное снижения уровня депрессии у участников формирующего эксперимента. Авторская технология показала свою высокую эффективность в купировании суицидальных рисков.

В заключение отметим, что к преступлениям экстремистской направленности относится большое количество составов преступлений, а степень их общественно-опасных последствий может создавать угрозы национальной безопасности государства. В этой связи мы осознаем важность продолжения подобных исследований и приглашаем широкую аудиторию к обсуждению данных проблем. Каждый заинтересованный автор может поделиться результатами своих исследований на страницах журнала «Экстремальная психология и безопасность личности».

Тематический редактор:
Дмитрий Владимирович Деулин, кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета «Экстремальная психология» МГППУ

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ | PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Маргинализация топоса как детерминанта подростково- молодежного экстремизма

Ю.А. Клейберг¹✉

¹ АНО «Академия национального образования и науки», Тверь, Российская Федерация
✉ yury.kleyberg@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Подростково-молодежный экстремизм — одна из тревожных и агрессивных характеристик современного топоса — имеет важные репрезентативные особенности. Первостепенная особенность подростково-молодежного экстремизма — духовная незрелость подростков и молодежи, несформированность восприятия целостности, спровоцированные проблемой межгенерационного отчуждения (конфликт поколений) современной молодежи, маргинализацией общества, неспособностью всесторонне оценивать ситуацию. Маргинальный статус становится нормой бытия миллионов людей, маргинальность — механизмом и условием самоидентификации. **Цель:** выявить предикторы маргинального топоса, способствующие появлению молодежного экстремизма. **Методы исследования.** В качестве инструментария использовался метод фокус-групп для выявления общественного мнения о проблеме межнациональных конфликтов и проявлений экстремизма среди студентов. Объем выборочной совокупности составляет 160 респондентов из числа студентов-психологов (ТГУ) с 1-го по 4-й курсы и 20 экспертов с использованием полустандартизированного интервью с целью получения данных об информированности респондентов об экстремизме. Проведено два комплексных исследования (2023–2025 гг.). Опрос экспертов осуществлялся с помощью метода формализованного интервью. **Результаты.** Результаты проведенного исследования показали, что информированность студентов-психологов о молодежном экстремизме изменила их отношение к данному феномену. Абсолютное большинство респондентов (90%) осуждают проявления экстремизма и терроризма, а также молодежь, их совершающую. Респонденты полагают, что следует ужесточить наказание (92%), столько же

Клейберг Ю.А. (2025)
Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
Marginalization of topos as a determinant of
adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

выступают за ужесточение миграционной политики государства. Интервьюирование экспертов и опрос студентов-психологов указывают на то, что увеличение количества экстремистски настроенных подростков и молодежи зависит от политической активности государства и общества, связанной в последнее время со специальной военной операцией (СВО). **Выводы.** Исследование указало на необходимость: а) проведения регулярного мониторинга проблемы молодежного экстремизма, а также терроризма и других деструктивных проявлений; б) своевременного выявления, по данным мониторинга, проблемных социальных групп и их экстремистски ориентированных лидеров — носителей экстремистского потенциала; в) создания для подростков и молодежи привлекательных условий для творческой, созидательной деятельности, способствующей позитивной социализации и меняющей сознание юной личности.

Ключевые слова: молодежь, топос, детерминанта, IT- и медиаиндустрия, современный экстремизм, маргинализация общества

Для цитирования: Клейберг, Ю.А. (2025). Маргинализация топоса как детерминанта подростково-молодежного экстремизма. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 11—24. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020401>

Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism

Yu.A. Kleyberg¹✉

¹ ANO “Academy of National Education and Science”, Tver, Russian Federation

✉ yury.kleyberg@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Adolescent and youth extremism is one of the alarming and aggressive characteristics of the modern topos and has important representative features. The primary feature of adolescent and youth extremism is the spiritual immaturity of adolescents and youth, the lack of formation of the perception of integrity, provoked by the problem of intergenerational alienation (generational conflict) of modern youth, the marginalization of society, being unable to comprehensively assess the situation. Marginal status is becoming the norm of existence for millions of people; marginality is a mechanism and condition of self-identification. **Objective:** the goal is to identify predictors of marginal topos that contribute to the emergence of youth extremism. **Methods and materials.** Two comprehensive studies were conducted: one involving 160 psychology students from TSU in their 1st to 4th years, and another involving 20 experts who were interviewed using a semi-standardized method to obtain data on respondents' awareness of extremism. The experts were surveyed using a formalized interview method. The studies were conducted twice: in 2023 and 2025. **Results.** The results of the study

showed that psychology students' awareness of youth extremism influenced their attitudes toward this phenomenon. The vast majority of respondents (90%) condemned manifestations of extremism and terrorism, as well as the youth who commit them. Respondents believe that penalties should be increased (92%), and the same number support tightening the country's migration policy. Interviews with experts and surveys of psychology students indicate that a possible increase in extremist sentiments among young people depends on the political activity of the state and society related to the special military operation (SMO). **Conclusions.** The study indicated: a) the need for regular monitoring of youth extremism, as well as terrorism and other destructive manifestations; b) based on monitoring data, the timely identification of problematic social groups and their extremist-oriented leaders — carriers of extremist potential; c) creating attractive conditions for adolescents and youth for creative, constructive activities that promote positive socialization and help change young people's consciousness.

Keywords: youth, topos, determinant, IT and media industry, modern extremism, marginalization of society

For citation: Kleyberg, Yu.A. (2025). Marginalization of topos as a determinant of adolescent and youth extremism. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 11—24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020401>

Введение

В различных социально-политических исследованиях вторая половина XX — начало XXI века характеризуется нестабильностью, высоким градусом социально-политической напряженности, военными конфликтами, идеологическим противостоянием и др. Это создает благоприятный социальный гумус для возникновения и транслирования деструктивных идеологических установок экстремистского толка в подростково-молодежной среде, что негативно отражается на психике юной личности. (Каплан и др., 2025; Петров, 2025, Финогонова, Берко, 2024).

Молодежный экстремизм и интолерантное отношение к окружению стали уже одними из трудно устранимых и наиболее опасных признаков современного топоса, общественной жизни в целом. Как отмечает И.М. Ильинский, важно устранить неуверенность и тревогу молодежи за собственное будущее, стремление преодолеть которые вызывает мощную стихийную или организованную социальную агрессию (Ильинский, 2001), и, добавим, в целом — деструктивную социальную активность подростков и молодежи.

Следует заметить, что подростково-молодежный экстремизм берет начало в экстремизме взрослом, однако имеет существенные отличительные особенности: он стихийен и менее организован; идеология поверхностна, примитивна и бескомпромиссна. Взрослые же экстремисты при возникновении критических ситуаций могут пойти на компромисс, изменить свою тактику и пойти на некоторые уступки. По мнению А.В. Серикова, многие молодые экстремисты малоопытны для проведения своих манифестаций и интенций, поэтому их экстремистские поступки и действия не достигают своих целей, являются неэффективными и безрезультатными. А.В. Сериков объясняет это возрастными

особенностями молодых людей. В отличие от взрослых, подростки и молодежь менее подвержены страху тюремного заключения и смерти, физических травм, поэтому готовы на самые абсурдные и рискованные действия (Сериков, 2005, с. 228).

Однако как раз нравственно-духовная незрелость и является основным объектом подростково-молодежного экстремизма. Влияние окружающей социальной среды, топоса существенно для подростково-юношеского возраста, поскольку этот период характеризуется активным развитием базовых свойств личности — ее потребностей, ценностных ориентаций, установок и мотивации поведения и др. Мы склонны считать, что ценностно-нормативная «сшибка» в юном сознании, личностные проблемы становятся реальным основанием для протестных, аутодеструктивных (самоповреждения, суицидомания, «бодивандализм» — термин Ю.А. Клейберга) и асоциальных форм поведения.

С.И. Левикова считает, что основная причина молодежного экстремизма в современной России — это чувство социальной ущербности, имеющее как экономическую природу (резкая дифференциация общества на богатых и бедных, включенных (included) и исключенных (excluded) и т. п.), так и духовно-нравственную основу (девальвация, разрушение традиционной системы ценностей и идей патриотизма и др.). Как отмечает С.И. Левикова, «у молодых людей ощущение обделенности является потенциальной возможностью формирования экстремизма и антипатриотизма в молодежной среде. <...>. Когда же социальная обделенность перестает быть единичным случаем отдельно взятого молодого человека и приобретает объективный характер, это несет угрозу обществу» (Левикова, 2010).

Материалы и методы

Проведено два комплексных исследования, в рамках которых было опрошено 160 студентов-психологов (ТГУ) с 1-го по 4-й курсы (юношей и девушек поровну — по 80 человек) и 20 экспертов. Было использовано полустандартизированное интервью с целью получения данных об информированности респондентов об экстремизме. Опрос экспертов осуществлялся с помощью метода формализованного интервью. Задачей данного опроса являлся анализ информированности респондентов о подростково-молодежном экстремизме как социальном явлении. Исследование осуществлялось в Твери в 2023 и 2025 гг. и включало в себя соответственно два этапа. На первом этапе проводился скрининг респондентов с заполнением разработанной нами анкеты. Экспертами выступили представители сферы образования и науки, общественных организаций, силовых структур и СМИ. В задачу данного исследования входило аккумулирование характеристик подростково-молодежного экстремизма, маргинального топоса, а также наличие профессионального и жизненного опыта респондентов, получение экспертной оценки по проблеме подростково-молодежного экстремизма. Второй этап был посвящен проведению анкетирования студентов-психологов и опросу экспертов, анализу и интерпретации полученных данных.

В исследовании 2025-го, как и в исследовании 2023 года, нами был применен комплексный подход, с помощью которого осуществлено интегрирование качественных (интервью, подготовка материалов для анкетирования) и количественных (анкетный опрос студентов и экспертов) методик исследования.

Результаты

В последнее время отчетливо проявился в обществе временной разлад между появлением новой разновидности культуры и личным целостным восприятием пространства, в котором осуществляется жизнедеятельность (в широком смысле слова) индивидуумов. Наши предыдущие исследования (Клейберг, 2009, 2016, 2023), в частности касающиеся проблемы подростково-молодежного экстремизма, позволяют утверждать, что поколение молодых людей от 16 до 25 лет является для общества и государства потерянными с точки зрения воспитания и позитивной патриотической социализации.

По экспертным оценкам и нашим данным, в последние годы отмечается усиление влияния экстремистской идеологии, экстремистских организаций и движений, которые вовлекают в свою деструктивную и асоциальную деятельность подростков и молодых людей. По экспертным оценкам, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица в возрасте до 30 лет. Эта ситуация актуализирует проблему подростково-молодежного экстремизма, терроризма и антипатриотизма — молодежь, к сожалению, не чувствует себя «субъектом общества, а только частью его окружающей среды» (Н. Луман) и, как следствие, отказывается понимать и принимать традиционную культуру. Отсюда — нарастающая тенденция к маргинализации топоса, которая приводит к проявлению агрессивного, деструктивного и асоциального поведения в подростково-молодежной среде, с усилением признаков не просто когнитивного, а нормативно-ценностного диссонанса.

В ситуации системного кризиса у молодых людей блокируется личностная самоидентификация (self-identification), доминируют эмоционально-поведенческие стереотипы и паттерны, детерминирующие деперсонализацию личностных установок. Подобная социальная индифферентность подростков и молодежи чревата увлечением идеологией радикального экстремизма.

Конфликт поколений (или межгенерационное отчуждение) выступает специфическим драйвером, порождающим враждебность, от разрушения внутрисемейных контактов до противопоставления экстремистов всему обществу, государству, включая историю и культуру. Важным контркультурным (субкультурным) элементом, по нашему мнению, является досуг подростков и молодежи как основная сфера их жизнедеятельности, где культурно-досуговый вакуум успешно заполняется содержанием экстремистской идеологии. Социальный и культурный конформизм отмечается только в рамках подростково-молодежной субкультуры, в которой осуществляется неформальное общение, все иные ценности и стереотипы игнорируются, пренебрегаются и даже презируются. В жесткой форме с четко выстроенной регламентацией ролей и статусов эта тенденция характерна для формализованных криминальных экстремистских группировок (Клейберг, 2016).

Развал советской идеологии и ценностно-нормативной системы, которые на протяжении десятилетий служили духовно-нравственной скрепой культурного пространства страны, на фоне отсутствия сегодня какой-либо альтернативы, стали одним из ведущих факторов-мотивов принятия иных ценностных ориентиров и программ. По мнению многих российских ученых, патриотическое воспитание в России, внутренняя идеологическая мотивация, на сегодняшний день находится на самом низком уровне (Зубок, Чупров, 2009; Сериков, 2005).

Клейберг Ю.А. (2025)
Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
Marginalization of topos as a determinant of
adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

В этих условиях действенным буфером между экстремизмом и молодежью должны стать национальные стратегические инициативы, национальная культура, имеющие значительный идентификационный и аутентифицирующий потенциалы для юного сознания, что требует внимания на всех уровнях системы образования, воспитания и власти.

Специфика проявления экстремизма в подростково-молодежном топосе обусловлена прежде всего индивидуально-психологическими особенностями самой молодежи — незаконченностью процессов духовно-нравственной социализации, мировоззренческой изменчивостью и ненадежностью, незавершенной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием противоречивости социального бытия, склонностью к проявлению различных форм максимализма, эгоизма и чрезмерностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей, а также развалом системы приоритетных духовных ценностей, ослаблением регулирующей роли государства и нарастанием девиантогенных и криминогенных тенденций в обществе.

Названные факторы выступают объективными условиями проявления в сознании и поведении молодых людей негативных тенденций субъективного порядка — завышенных социальных ожиданий, склонности к максимализму, радикализму, нигилизму, насилию, деструктивности, крайним средствам и способам достижения целей.

Однако в любом типе социального поведения проявляются социальные и личностные качества человека, особенности его психики, уровень культуры, мотивы, потребности, интересы, ценности. Содержание этих компонентов может характеризовать или не характеризовать субъекта поведения как человека культурного, социально и личностно ответственного. Любой вид экстремистского поведения носит, безусловно, асоциальный и агрессивно-эгоистический характер, отрицает права другой личности и ее самооценку (Клейберг, 2016). По субъекту экстремистское поведение характеризуется как властное и невластное; по степени организации — как стихийное и организованное; по форме — как активное и пассивное; по цели — как конструктивное (созидательное) и деструктивное (разрушительное); по характеру взаимодействия — как сотрудничество и противостояние; по общности — как индивидуальное, групповое и массовое (схема 1).

Схема 1 / Scheme 1

Виды экстремистского поведения (Клейберг, 2016)
Types of extremist behavior (Kleyberg, 2016)

По сути, во всех формах проявления экстремизма (разумеется, с учетом имеющихся различий), можно выделить нечто общее: а) приверженность к маргинальным взглядам, решительным действиям, формам поведения, жизненной стратегии; б) склонность к использованию агрессивных, силовых, насильственных методов и средств достижения цели. Исследования личности экстремиста (Зубок, Чупров, 2009; Клейберг, 2009, 2016, 2023; Сериков, 2005) в большинстве случаев характеризуют его как дезадаптированного маргинала с устойчивой экстремистской интенцией, пренебрегающего правовыми и нравственными нормами.

Наши исследования позволили оценить понимание современными подростками и молодежью своей гражданской позиции. Так, респонденты связывают данное понятие со способностью защитить свои права и свободы (64,8%). При этом равнодушных к происходящим процессам оказалось 24,8%. 58,6% юных респондентов отметили, что у них есть своя гражданская позиция, 27,4% своей гражданской позиции не имеют, затруднились дать ответ 14,0% (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Понимание современными подростками и молодежью своей гражданской позиции (N = 160)

Understanding of modern adolescents and youth of their civic position (N = 160)

Гражданская позиция / Civic position	2023/2025, %
Есть своя гражданская позиция / There is a civic position	56,8/58,6
Нет своей гражданской позиции / There is no civic position	23,2/27,4
Затруднились ответить / Found it difficult to answer	20,0/14,0
Σ	100/100

Патриотами, которые гордятся своей Родиной, считают себя 82,4% молодых людей. При этом плохо знают историю своего Отечества и не испытывают интереса к ней 7,3%, плохо знают русскую и современную литературу 10,3% (табл. 2). Над этими показателями есть смысл задуматься школе, семье, обществу и государству, так как они красноречиво свидетельствуют об ущербности и примитивности подростков и семейного воспитания и образования.

Таблица 2 / Table 2

Отношение молодежи к патриотизму (N = 160) / The attitude of young people towards patriotism (N = 160)

Патриотическая позиция / Patriotic position	2023/2025, %
Считают себя патриотами / They consider themselves patriots	81,8/82,4
Не испытывают интереса к истории Отечества / They have no interest in the history of the Fatherland	6,8/7,3
Плохо знают русскую литературу / They don't know Russian literature well	11,4/10,3
Σ	100/100

Что касается отношения подростков и молодежи к соблюдению законов, правовых и нравственных норм, то значительная часть опрошенных (2023 — 56,8; 2025 — 64,2%) считает для себя возможным проявление девиантного поведения, асоциальной активности (агрессия, применение силы, интолерантность в отношении «нерусских» и т. п.). Это, на наш взгляд, указывает на социальную и гражданскую деградацию молодежи, упущения в воспитании подрастающего поколения в целом как на уровне семьи, так и на уровне других институтов социализации подростков и молодежи, призванных формировать у них принципы позитивного социального поведения, а не создавать условия для контрпродуктивного поведения — несанкционированных протестов, митингов, демонстраций, в которых проявляется негативное отношение к власти, чиновничьему и олигархическому произволу, — а также участия в террористических актах.

Ответы респондентов на вопросы нашей анкеты распределились следующим образом (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Анкета оценки значимого отношения к экстремизму в подростково-молодежной среде / Questionnaire for assessing significant attitudes towards extremism among adolescents and

Клейберг Ю.А. (2025)
 Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
 молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
 Marginalization of topos as a determinant of
 adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 11—24.

young people (N = 160)

№ п/п	Вопросы и варианты ответов / Questions and answers	2023/2025, %
1.	Испытываете ли Вы чувство неприязни к представителям какой-либо национальности? / Do you feel hostility towards representatives of any nationality? - Да, испытывал (испытываю) / Yes, I did (I do) - Нет / No, I didn't (don't)	24,0/25,0 76,0/75,0
2.	Ваше отношение к традициям и культуре других наций / What is your attitude towards traditions and culture of other nations? - Положительное / Positive - Нейтральное / Neutral - Отрицательное / Negative	49,2/50,0 41,6/42,8 9,2/7,2
3.	Приходилось ли Вам участвовать в межнациональных конфликтах на религиозной почве, либо на почве принадлежности к какой-либо субкультуре? / Have you ever been involved in interethnic conflicts on religious grounds or on the grounds of belonging to a certain subculture? - Да, приходилось / Yes, I have - Нет, не приходилось / No, I have not	15,8/14,5 84,2/85,5
4.	Какие причины характерны для межнациональных конфликтов? / What are the typical causes of interethnic conflicts? - Оскорбление чести и достоинства / Insult to honor and dignity - Бытовые предрассудки и стереотипы сознания / Everyday prejudices and stereotypes of consciousness - Все перечисленные / All of the above	80,1/77,6 9,4/7,2 10,5/15,2
5.	Знаете ли Вы, что такое экстремизм? / Do you know what extremism is? - Да, знаю / Yes, I do - Нет, не знаю / No, I don't	90,4/92,4 9,6/7,6
6.	Готовы ли Вы стать волонтером (добровольцем) по профилактике экстремизма в подростково-молодежной среде? / Are you ready to become a volunteer for the prevention of extremism among teenagers and young people? - Да, готов / Yes, I am ready - Нет, не готов / No, I am not ready - Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	48,8/52,4 34,2/31,8 17,0/15,8
7.	Считаете ли Вы, что экстремистские настроения в молодежной среде усилились за последнее время? / Do you think that extremist sentiments among young people have increased recently? - Да / Yes, I do - Нет / No, I don't	85,6/80,0 14,4/20,0
8.	Откуда, по Вашему мнению, исходит основная информация об	

	экстремизме? (Можно выбрать ОДИН вариант ответа) / Where do you think the main sources of information about extremism come from? (You can choose ONE answer)	
	- В основном Интернет (публичные сообщества) / Mainly the Internet (public communities)	84,0/85,0
	- В основном средства массовой информации / Mainly the media	16,0/15,0
9.	Как Вы относитесь к действиям представителей экстремистских организаций? / How do you feel about the actions of representatives of extremist organizations?	
	- Осуждаю подобные действия / I condemn such actions	90,2/92,0
	- Одобряю подобные действия / I approve of such actions	5,1/6,2
	- Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	4,7/1,8
10.	Если бы Вам предложили большой гонорар за совершение экстремистского действия (террористического акта), что бы Вы выбрали? / If you were offered a large fee for committing an extremist act (terrorist act), what would you choose?	
	- Согласился / Agreed	4,6/2,6
	- Отказался / Refused	90,0/96,0
	- Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	5,4/1,4

Таким образом, сказанное выше означает только одно и главное: государству необходимо совершенствовать направления молодежной политики в части формирования у юной личности таких положительных качеств, как гражданственность, патриотизм, позитивная социально-политическая активность, толерантность, милосердие, гуманность и др.

Своим исследованием мы попытались показать, что отношения в социальной группе или субкультуре при определенных условиях (ситуации) могут нести потенциальную опасность. К таким факторам риска следует отнести также и семьи, если отношения, которые в них складываются, угрожают физическому и/или духовному развитию несовершеннолетнего. Федеральный Закон РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в статье 1 как раз указывает на этот фактор: «семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними»¹.

Обсуждение результатов

Данные проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что подростково-молодежный экстремизм как социальное явление расходится с индивидуальной культурой, культурным развитием личности. Существенными признаками экстремистского поведения являются легкомысленное и безответственное отношение индивида к себе, людям, обществу, правовая и гражданская инфантильность, нравственная деградация, своеволие и пр. Наконец,

¹ Федеральный закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями).

экстремистское поведение направлено на эмоционально-аффективную сферу, минуя сознание, носит эпатажный, конфликтный, вызывающий характер, что особенно актуально для подростков и молодежи и среды их взаимодействия.

Следует также добавить, что дефицит социального опыта, примитивная социальная адаптация подростков и молодежи, высокая эмоциональность, доверчивость, при неудовлетворительном самоконтроле и отсутствии личной ответственности, часто делают экстремистски настроенных подростков и молодежь заложниками сторонних (внешних) политических и иных сил, которые используют их в своих корыстных целях.

Молодежь по своим возрастным особенностям и низкому социальному статусу входит в группу социального риска и может иметь определенные предпосылки к экстремизму. К таким предпосылкам можно, в частности, отнести: подростково-юношеский нигилизм, подмену жизненных ценностей, неустойчивость психики и мировоззрения, максималистский тип сознания и др. Кроме того, именно молодежь является категорией, социальное положение которой характеризуется маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций (Клейберг, 2023; Зубок, Чупров, 2009), а значит и крайней уязвимостью к разным видам дискриминации.

Таким образом, подростково-молодежный экстремизм включает в себя три основных элемента: а) экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; б) экстремистскую деятельность, являющуюся реализацией экстремистской идеологии; в) экстремистскую организацию, являющуюся формой осуществления экстремистской деятельности².

Практически все виды и формы подростково-молодежного экстремизма имеют определенные общие черты: насилие или его угроза; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы и взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов и инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам либо игнорирование их. Экстремизм сходится с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом, вождизмом³.

Заключение

Наше исследование позволило выявить предикторы маргинального топоса, способствующие появлению молодежного экстремизма. Исследование также указало на необходимость:

- а) проведения регулярного мониторинга проблемы молодежного экстремизма, а также терроризма и других деструктивных проявлений;
- б) своевременного выявления с помощью мониторинга проблемных социальных групп, экстремистски ориентированных лидеров — носителей экстремистского потенциала;
- в) создание для подростков и молодежи привлекательных условий для творческой,

² Волынская, Ю.Ю., Волынский, Ю.Р. (2017). Экстремизм и коррупция — угроза общественной безопасности. В: *Современные тренды в профессиональном образовании и развитии государственных и муниципальных служащих в Российской Федерации* (с. 13—17). Тверь: Триада.

³ Экстремизм — возврат к фашизму (05.10.2020). URL: <http://mo-tyarlevo.ru/?p=11430> (дата обращения: 15.08.2025).

Клейберг Ю.А. (2025)
Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
Marginalization of topos as a determinant of
adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

созидательной деятельности, способствующей позитивной социализации и меняющей сознание юной личности.

Актуальной для исследований является также проблема миграции подростково-молодежного экстремизма в пространство IT-технологий, когда исследуемое явление проявляется в сложном взаимодействии с такими видами экстремизма, как информационный и досуговый. Таким образом, возникает проблема выявления и противодействия экстремизму в телекоммуникационной сети Интернет.

По нашему предположению, подростково-молодежный экстремизм — это только верхушка айсберга, целого комплекса проблем, связанных главным образом с тотальной экзистенциальной растерянностью подростков и молодежи.

Список источников / References

1. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) (2014). / Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова, В.Н. Рачков и др. / Колл. монография под ред. Т.А. Хагурова. М.: ИС РАН. Deviant Behavior in Contemporary Russia: Alcohol, Drugs, and Youth Extremism (Concepts and Research) (2014). / T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova, V.N. Rachkov, et al. / Collective monograph edited by T.A. Khagurov. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2009). *Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции*. М. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2009). *Youth extremism: essence, forms of manifestation, tendencies*. Moscow. (In Russ.)
3. Ильинский, И.М. (2001). *Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория*. М.: Голос. Pyinsky, I.M. (2001). *Youth and youth policy. Philosophy. History. Theory*. Moscow: Golos. (In Russ.)
4. Каплан, В., Меликоглу, Я., Паса, М. (2025). Психологическое воздействие пространственных изменений после миграции на уязвимые группы населения. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 82–99. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020205>
Kaplan, V., Melikoğlu, Ya., Paça, M. (2025). Psychological impact of post-migration spatial change on vulnerable groups. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 82–99. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020205>
5. Клейберг, Ю.А. (2023). *Криминальная психология молодежных субкультур: учебное пособие для гуманитарных вузов и колледжей*. Алматы: Лантар books. Kleyberg, Yu.A. (2023). *Criminal psychology of youth subcultures: a textbook for humanitarian universities and colleges*. Almaty: Lantar books. (In Russ.)
6. Клейберг, Ю.А. (2016). *Девиантология терроризма и экстремизма. Монография*. М.: Изд-во МПСУ. Kleyberg, Yu.A. (2016). *Deviantology of terrorism and extremism. Monograph*. Moscow: Publishing house of MPSU. (In Russ.)

Клейберг Ю.А. (2025)
Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
Marginalization of topos as a determinant of
adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

7. Клейберг, Ю.А., Шогенов, М.З. (2009). *Семейное неблагополучие. Социальные отклонения. Молодежный экстремизм: монография* / под ред. Ю.А. Клейберга. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. Kleyberg, Yu.A., Shogenov, M.Z. (2009). Family dysfunction. Social deviations. Youth extremism: monograph / edited by Yu.A. Kleyberg. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov. (In Russ.)
8. Левикова, С.И. (2010). Основания молодежного экстремизма. В: Л.В. Карнаушенко (отв. ред.), *Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия: материалы конференции 9—10 дек. 2010 г.* (с. 132—136). Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России. Levikova, S.I. (2010). The Foundations of Youth Extremism. In: L.V. Karnaushenko (Ed.), *The Phenomenon of Extremism and Xenophobia in Modern Russia: Genesis Factors, Ways and Means of Counteraction: Conference Proceedings, December 9—10, 2010* (pp. 132—136). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.)
9. Малер, М., Пайн, Ф., Бергман, А. (2018). *Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация* / пер. с англ. М.: Когито-Центр. Mahler, M., Pine, F., Bergman, A. (2018). *The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation* / transl. from Engl. Moscow: Cogito-Center. (In Russ.)
10. Петров, В.Е. (2025). Влияние личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(1), 75—88. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020106>
Petrov, V.E. (2025). The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(1), 75—88. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020106>
11. Римский, А.В., Артюх, А.В. (2009). Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. *Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 10(16). Rimsky, A.V., Artyukh, A.V. (2009). Extremism and terrorism: concept and main forms of manifestation. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 10(16). (In Russ.)
12. Сериков, А.В. (2005). *Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов: Дис. ... канд. социологических наук.* Ростов-на-Дону. Serikov, A.V. (2005). *Youth extremism in modern Russia: dynamics and reflection in public opinion of students: Diss. ... Cand. Sci. (Sociol.).* Rostov-on-Don. (In Russ.)
13. Сокол, В.Ю. (2005). *Современный экстремизм: сущность, проблемы, противоречия.* Краснодар: Краснодарский университет МВД России. Sokol, V.Yu. (2005). *Modern Extremism: Essence, Problems, and Contradictions.* Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.)

Клейберг Ю.А. (2025)
Маргинализация топоса как детерминанта подростково-
молодежного экстремизма
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 11—24.

Kleyberg Yu. A. (2025)
Marginalization of topos as a determinant of
adolescent and youth extremism
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 11—24.

14. Финогенова, Т.А., Берко, А.А. (2024). Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(2), 61–75. <https://doi.org/10.17759/epps.2024010205>
Finogenova, T.A., Berko, A.A. (2024). The Impact of Traumatic Experiences on the Psychological Safety of Students in the Context of the Terrorist Threat. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 1(2), 61–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2024010205>
15. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи (2017) / В.В. Брюно и др.; отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. М.: ФНИСЦ РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
Extremeness and Extremism in the Social Practices of Russian Youth (2017) / V.V. Bruno et al.; edited by T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. Moscow: FNISC RAS; Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)

Информация об авторе

Юрий Александрович Клейберг, академик РАН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, президент-ректор автономной некоммерческой организации «Академия национального образования и науки» (АНО АНОН), Тверь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6757-0102>; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Information about the author

Yury A. Kleyberg, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Grand PhD in Psychology, Grand PhD in Pedagogy, Professor, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Education, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, President-Rector of the Autonomous Non-Commercial Organization “Academy of National Education and Science” (ANO ANON), Tver, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6757-0102>; e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 18.09.2025
Поступила после рецензирования 11.11.2025
Принята к публикации 20.11.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.18
Revised 2025.11.11
Accepted 2025.11.20
Published 2025.12.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)

Д.А. Налетова^{1, 2}✉, Н.В. Дворянчиков², К.Н. Дворянчикова²

¹ Московский исследовательский центр, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ darenka868@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Данная работа посвящена исследованию возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде через призму теории неопределенности-идентичности М. Хогга. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления факторов-маркеров, позволяющих прогнозировать риск вступления в экстремистские и террористические группировки. **Цель:** изучение связи степени выраженности социальной идентичности у учеников и студентов и степени выраженности энтитативности различных выбранных ими групп. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие учащиеся школ г. Москвы и студенты вузов г. Москвы. Всего в исследовании было задействовано 867 респондентов, из них учеников 543 человек, студентов — 324. Социальная идентичность оценивалась с помощью методики М. Куна — Т. Макпартленда «Кто я?», а также была составлена категориальная сетка на основе работы Robert J. Roman совместно с его коллегами. Энтитативность различных групп оценивалась по опроснику из 30 шкал, разработанному Н.В. Дворянчиковым, И.Б. Бовиной и Д.В. Мельниковой. **Результаты.** В результате полученных данных были выявлены значимые связи между степенью выраженности социальной идентичности у учеников и студентов и степенью выраженности энтитативности групп, в которых они состоят, а также желательных для них групп. Не выявлена связь между степенью выраженности социальной идентичности у учеников и степенью выраженности энтитативности нежелательной группы, в отличие от студентов. **Выводы.** Полученные данные свидетельствуют о том, что степень социальной идентичности влияет на восприятие сплоченности значимых и желательных групп. Отсутствие аналогичной связи для нежелательных групп у школьников в сравнении со

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

студентами требует дальнейшего изучения с учетом возрастных и
психологических особенностей.

Ключевые слова: радикализация, социальная идентичность, теория
неопределенности-идентичности, подростково-молодежная среда

Для цитирования: Налетова, Д.А., Дворянчиков, Н.В., Дворянчикова, К.Н. (2025).
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках
теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка). *Экстремальная
психология и безопасность личности*, 2(4), 25—40. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020402>

Possibilities of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth within the framework of M. Hogg's theory of uncertainty- identity (empirical verification)

D.A. Naletova^{1, 2}✉, N.V. Dvoryanchikov², K.N. Dvoryanchikova²

¹ Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ darenka868@gmail.com

Abstract

Context and relevance. This work is devoted to the study of the possibility of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth through the prism of M. Hogg's theory of uncertainty-identity. The relevance of the study is due to the need to identify marker factors that can predict the risk of joining extremist and terrorist groups. **Objective:** the study of the relationship between the degree of entitativity of social identity among schoolchildren and students, and that of various selected groups. **Methods and materials.** The study involved pupils from schools in Moscow and university students of Moscow. A total of 867 respondents participated in the study, of which 543 schoolchildren and 324 students. Social identity was assessed using the M. Kuhn — T. McPartland's methodology “Who am I?”, and a categorical grid was compiled based on the work of Robert J. Roman and his colleagues. The entitativity of various groups was assessed using a questionnaire consisting of 30 scales developed by N.V. Dvoryanchikov, I.B. Bovina and D.V. Melnikova. **Results.** Based on the obtained data, significant relationships were found between the degree of entitativity of social identity among schoolchildren and students, as well as the entitativity of the groups to which they belong and the groups they aspire to join. No correlation was found between the degree of entitativity of social identity among schoolchildren and the undesirability of certain groups, unlike among students. **Conclusions.** The data obtained indicate that the degree of social identity affects the perception of cohesion of significant and desirable groups. The lack of a similar

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

relationship for undesirable groups among schoolchildren in comparison with students requires further study, taking into account age and psychological characteristics.

Keywords: radicalization, social identity, theory of uncertainty-identity, adolescent and youth environment

For citation: Naletova, N.V., Dvoryanchikov, D.A., Dvoryanchikova, K.N. (2025). Possibilities of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth within the framework of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical verification). *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 25—40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020402>

Введение

Одно из важных направлений науки — изучение механизмов процесса радикализации. При этом ошибочно полагать, что процесс радикализации приводит исключительно к совершению насильственных действий. Радикализм не тождествен терроризму. Большинство людей, придерживающихся радикальных идей, не занимаются терроризмом, а многие террористы — даже те, кто претендует на «дело», — не являются глубоко идеологическими и не могут «радикализироваться» в каком-либо традиционном смысле (Borum, 2012). Исходя из этого, исследовательский интерес представляет понимание того, почему и как человек приходит к радикальным взглядам, в том числе и с готовностью применения насилия.

Разработанные концептуальные модели процесса радикализации выделяют различные причины и механизмы этого социального феномена, но ни одна из них не имеет прочной социально-научной основы (Тихонова и др., 2017). Многие исследования подтверждают положение о невозможности существования единого пути изучения и концепции, применимых ко всем группам и людям. Мы же придерживаемся теории неопределенности-идентичности М. Хогга, которая прошла многократную эмпирическую проверку.

Более широкий вопрос заключается в том, как прогнозировать процесс радикализации на ранних стадиях. Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие модели оценки риска радикализации, которые в основном используются в пенитенциарных системах, направлены только на лиц, которые уже вовлечены в экстремистские организации. Поэтому возникает большая потребность в том, как выявить и предотвратить радикализацию на ранних стадиях, когда человек еще не вовлечен в группировку. В частности, большую группу риска вовлечения в экстремистские и террористические организации составляют подростки и молодежь. Это связано с тем, что в подростковом возрасте происходит поиск и формирование целостного представления о себе (Erikson, 1968). В свою очередь, в период кризиса юношеского возраста происходит переосмысление прежних представлений о себе и окружающем мире, требующих нового самоопределения (Данилов, 2007).

Состояние разработанности проблемы исследования. На данный момент существуют научные работы, посвященные разработке описательных моделей процесса радикализации, таких авторов, как Д. Веббер и А. Круглански, изучение концептуальных моделей, которые

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

предлагают Р. Борем, М. Сейджман, М. Силбер и А. Батт, А. Ш. Тхостов, К. Маккали и С. Москаленко, А. Шмид, и др, а также изучение радикального исламизма Maeco Goli и Shahamak Rezaei. Работы по радикализму в контексте социального движения Remy Cross и David A. Snow, Scott Decker и David Pyrooz.

Теория неопределенности-идентичности, разработанная социальным психологом М. Хоггом, представляет собой одну из ключевых концепций в изучении формирования и функционирования социальной идентичности (Hogg, 2007). Эта теория подробно рассматривает роль неопределенности, связанной с представлениями о собственном «Я», и объясняет, каким образом индивиды стремятся снизить внутренние противоречия через принадлежность к социальным группам (Hogg, 2007). Она основывается на теории социальной идентичности, разработанной Г. Тэшфелом (Tajfel, Turner, 1986), и на теории самокатегоризации Дж. Тернера (Turner, Hogg, 1987).

Основной постулат теории заключается в том, что индивид, испытывая нестабильность, чувство тревоги, будет стремиться к снижению неопределенности, но только к той, которая затрагивает «Я» и является значимой для него (Hogg, 2007). Групповая принадлежность выступает как механизм уменьшения неопределенности, поскольку социальные группы предоставляют четкие категории, нормы и ценности, которые помогают определить и структурировать «Я» человека (Hogg, 2018, 1988).

Однако стоит отметить, что индивид будет искать не любую группу, а лишь ту, которая будет строго иерархична, тоталитарна. Проведенные исследования на студенческих группах показали, что студенты поддерживали высокопоставленного студенческого лидера больше, чем малозаметного (Hogg, 2013; Hogg, Terry, 2000). Поэтому для снижения чувства неопределенности, человек будет идентифицировать себя с более влиятельной группой. Чаще всего такие группы представляют собой определенную иерархию с четкими правилами и крайними взглядами, где будет выражена роль и функция всех участников организации, стремящихся к ярко выраженному выделению «МЫ», противопоставляя себя другим группам.

Donald T. Campbell вводит термин «энтитативность», обозначающий степень, в которой группа воспринимается как единое целое, имеющее четкие границы, внутреннее единство и стабильность (Campbell, 1958). Понятие энтитативности группы заключается в том, что чем выше степень выраженности, тем более группа воспринимается ее членами и окружающими как целостная, устойчивая, обладающая общими правилами, нормами и целями.

В подростковом и юношеском возрасте идентичность находится в процессе активного конструирования и переосмысления. Согласно теории М. Хогга, неопределенность идентичности ведет к чувству тревоги и поиску устойчивых связей, помогающих снизить внутреннее напряжение (Hogg, 2007). Соответственно, группы сверстников, молодежные сообщества и субкультуры играют важную роль в обеспечении поддержки и формирования чувства принадлежности (Hogg, 2007).

Важным аспектом подросткового возраста является становление социальной идентичности — осознание своего места и роли в обществе.

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

Значительный вклад в изучение идентичности внес Э. Эриксон, который ввел понятие «кризиса идентичности» как ключевого этапа развития подростка, когда происходит поиск и формирование цельного представления о себе (Erikson, 1968). Согласно его теории, успешное разрешение данного кризиса способствует развитию устойчивого чувства собственного «Я» и социальной интеграции.

Э. Эриксон разработал теорию психосоциальных кризисов. Он определял юношеский возраст как период «кризиса идентичности против ролевой путаницы», когда молодой человек стремится сформировать целостное чувство собственного «Я» и понять свое место в обществе (Erikson, 1968). Неудачное разрешение этого кризиса может привести к затруднениям в социальном функционировании и личностном развитии.

Цель: изучение связи степени выраженности социальной идентичности у учеников и студентов и степени выраженности энтитативности различных групп.

Объект: оценка риска радикализации.

Предмет: модель оценки риска радикализации.

Гипотезы исследования:

1. Респонденты, имеющие слабую степень выраженности социальной идентичности, состоят в группах с более сильной степенью выраженности энтитативности.
2. Респонденты, имеющие слабую степень выраженности социальной идентичности, выделяют желательную группу с более сильной степенью выраженности энтитативности.
3. Респонденты, имеющие сильную степень выраженности социальной идентичности, выделяют нежелательную группу с более сильной степенью выраженности энтитативности.

Материалы и методы

Выборку составили учащиеся школ г. Москвы и студенты вузов г. Москвы. Всего в исследовании приняли участие 869 респондентов, из них учеников 543 человек, студентов — 324.

Респондентам предлагалось пройти опрос в форме анкеты, разработанной Н.В. Дворянчиковым, И.Б. Бовиной и Д.В. Мельниковой.

Первая часть опроса была основана на методике М. Куна — Т. Макпартленда «Кто я?»: респондентов просили дать 20 ответов на вопрос «Кто я?» для измерения множественности и изучения особенностей социальной идентичности у учеников и студентов (Дворянчиков, Бовин, Мельникова, Белова, 2023).

Во второй части опросника респондентам предлагалось указать три группы, к которым они принадлежат, а также указать желательную и нежелательную для них группы и оценить их по 30 шкалам, позволяющим оценивать энтитативность группы (Borum, 2012).

Третья часть состояла из биографических вопросов.

Результаты

Был проведен анализ взаимосвязи между степенью выраженности социальной идентичности учеников и степенью выраженности энтитативности различных групп с

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

использованием статистического критерия Фишера для выявления статистической значимой связи между двумя этими переменными.

В табл. 1 указана связь между степенью выраженности идентичности и группами, к которым ученики принадлежат. Результаты анализа с использованием критерия Фишера показывают статистически значимую взаимосвязь между этими переменными (статистика критерия Фишера = 24,870, знач. = 0,000).

Ученики с сильной степенью выраженности идентичности воспринимают выбранные ими группы как обладающие сильной степенью энтитативности — 76 человек, или средней — 44 человека. Ни один респондент с сильной степенью выраженности социальной идентичности не воспринял свои группы как обладающие слабой степенью энтитативности.

Среди учеников со средней степенью выраженности идентичности воспринимают свою группу как группу со средней степенью выраженности энтитативности 160 человек, как группу с сильной степенью энтитативности — 146 человек, и наименьшее количество респондентов — 30 — оценили свою группу как группу со слабой степенью энтитативности.

У учеников со слабой степенью выраженности идентичности разделение по данному признаку менее выражено, но большинство из них — 41 человек — воспринимают свои группы как имеющие высокие показатели энтитативности.

Таблица 1 / Table 1

Связь социальной идентичности с группами, к которым принадлежат ученики
The relationship of social identity with the group to which schoolchildren belong

		Восприятие энтитативности группы/ Perception of the group's entitativity			Всего/ Total	Статистика критерия Фишера/ Fischer Criterion statistics	Знач./ Meaning
		Сильная/ Strong	Средняя/ Average	Слабая/ Weak			
Выраженность идентичности / Expression of identity	Сильная/ Strong	76	44	0	120	24,870	0,000
	Средняя/ Average	146	160	30	336		
	Слабая/ Weak	41	38	8	87		
Всего/Total		263	242	38	543		

В табл. 2 указана связь между степенью выраженности идентичности и группой, к которой ученики хотели бы принадлежать. Анализ показывает статистически значимую взаимосвязь (статистика критерия Фишера = 12,904, знач. = 0,011).

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

Ученики с сильной степенью выраженности идентичности чаще воспринимают в качестве желаемой группу со средней степенью выраженности идентичности — 68 человек. В группу с сильной степенью энтитативности хотели бы входить 48 человек, с низкой — 4.

Ученики со средней степенью выраженности идентичности чаще воспринимают как желательную группу со средней степенью выраженности энтитативности — 171 человек. Также многие воспринимают как желательную группу с сильной степенью энтитативности — 141 человек. Группу со слабой степенью энтитативности группы — 24 человека.

41 ученик со слабой степенью выраженности идентичности воспринимает в качестве желательной группу со средней степенью выраженности энтитативности, группу с сильной степенью выраженности энтитативности — 31 человек, со слабой — 15.

Таблица 2 / Table 2

Связь социальной идентичности с энтитативностью желательной группы у учеников
The relationship of social identity with the entitativity of a desirable group in schoolchildren

		Энтитативность желательной группы/ The entitativity of the desired group			Всего/ Total	Статистика критерия Фишера/ Fischer Criterion statistics	Знач./ Meaning
		Сильная/ Strong	Средняя/ Average	Слабая/ Weak			
Выраженность идентичности/ Expression of identity	Сильная/ Strong	48	68	4	120	12,904	0,011
	Средняя/ Average	141	171	24	336		
	Слабая/ Weak	31	41	15	87		
Всего/Total		220	280	43	543		

В табл. 3 охарактеризована с точки зрения энтитативности группа, к которой ученики не хотели бы принадлежать. Результаты анализа с использованием критерия Фишера показывают, что взаимосвязь между этими переменными не является статистически значимой (статистика критерия Фишера = 5,556, знач. = 0,233).

Для всех степеней выраженности идентичности наиболее часто воспринимается как нежелательная группа, обладающая сильной степенью энтитативности (61 ученик с сильной степенью выраженности идентичности, 159 учеников — со средней и 38 — со слабой). Группа, обладающая средней степенью выраженности энтитативности, — оказалась нежелательной для 53 учеников с сильной степенью выраженности идентичности, для 140 — со средней степенью и 37 — со слабой. Группа со слабой степенью выраженности энтитативности нежелательна для 6 учеников с сильной степенью выраженности социальной идентичности, для 37 учеников со средней степенью и для 12 — со слабой.

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
 Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
 молодежной среде в рамках теории неопределенности-
 идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
 K.N. (2025)
 Possibilities of assessing the risk of radicalization in
 adolescents and youth within the framework of M.
 Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
 verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 25—40.

Таблица 3/ Table 3

**Связь социальной идентичности с энтитативностью нежелательной группы у
 учеников**
**The connection of social identity with the entitativity of an undesirable group in
 schoolchildren**

		Энтитативность нежелательной группы/ The entitativity of the undesirable group			Всего/ Total	Статистика критерия Фишера/ Fischer Criterion statistics	Знач./ Meaning
		Сильная/ Strong	Средняя/ Average	Слабая/ Weak			
Выраженность идентичности/ Expression of identity	Сильная/ Strong	61	53	6	120	5,556	0,233
	Средняя/ Average	159	140	37	336		
	Слабая/ Weak	38	37	12	87		
Всего/Total		258	230	55	543		

В табл. 4 указана связь между степенью выраженности идентичности и группами, к которым студенты принадлежат. Анализ данных по степени выраженности энтитативности групп, в которых состоят студенты, показал наличие статистически значимой взаимосвязи с выраженностью их социальной идентичности (критерий Фишера = 29,207, $p = 0,000$). Студенты с сильной степенью выраженности идентичности склонны воспринимать группы, в которых они состоят, как обладающие высокой степенью энтитативности – таковых оказалось 40. Как группу со средней степенью выраженности энтитативности воспринимают свою– группу 34 человека. Ни один студент с сильной степенью выраженности социальной идентичности не воспринимает свою группу как имеющую слабую степень энтитативности.

Большая часть студентов со средней степенью выраженности социальной идентичности — 91 — воспринимают свои группы как группы со средней степенью энтитативности. Чуть меньше студентов — 87 человек — воспринимают выбранные ими группы как группы с сильной степенью энтитативности. Как группы со слабой степенью выраженности энтитативности определяют свои группы всего 4 студента со средней степенью выраженности социальной идентичности.

Студенты со слабой степенью выраженности идентичности, напротив, чаще по сравнению с другими категориями воспринимают свои группы как обладающие низкой степенью энтитативности. При этом они реже, чем студенты с сильной и средней выраженностью социальной идентичности, воспринимают их как группы с сильной степенью энтитативности.

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

Таблица 4 / Table 4

Связь социальной идентичности с группами, к которым принадлежат студенты
The relationship of social identity with the groups to which students belong

		Восприятие энтитативности группы / Perception of the group's entitativity			Всего/ Total	Статистика критерия Фишера/ Fischer Criterion statistics	Знач./ Meaning
		Сильная/ Strong	Средняя/ Average	Слабая/ Weak			
Выраженность идентичности/ Expression of identity	Сильная/ Strong	40	34	0	74	29,207	0,000
	Средняя/ Average	87	91	4	182		
	Слабая/ Weak	29	25	14	68		
Всего/Total		156	150	18	324		

В табл. 5 указана связь между степенью выраженности идентичности и группой, к которой студент хотел бы принадлежать. Анализ показывает статистически значимую взаимосвязь (статистика критерия Фишера = 24,884, знач. = 0,000).

Студенты с сильной степенью выраженности идентичности преимущественно склонны воспринимать как желательную группу со средней степенью выраженности энтитативности — таковых в выборке 42 человека, намного реже — со слабой степенью выраженности энтитативности: всего 3 человека.

Большее количество студентов со средней степенью выраженности идентичности воспринимают в качестве желательной группу со средней степенью выраженности энтитативности — 87 респондентов. Группа с сильной степенью выраженности энтитативности представляется желательной 65 респондентам, со слабой степенью — 30.

Студенты со слабой степенью выраженности социальной идентичности значительно чаще, чем студенты с сильной степенью выраженности идентичности, воспринимают как желательную группу со слабой степенью выраженности энтитативности — 22 человека. Они реже других воспринимают как желательную группу с сильной степенью энтитативности — 12 человек.

Таблица 5 / Table 5

Взаимосвязь социальной идентичности с энтитативностью желательной группы у студентов

The relationship of social identity with the entitativity of a desirable group in students

	Энтитативность желательной группы /The entitativity of the desirable group		Статистика критерия Фишера/ Fischer	Знач./ Meaning
--	---	--	--	-------------------

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

		Сильная/ Strong	Средняя/ Average	Слабая/ Weak	Всего/ Total	Criterion statistics	
Выраженность идентичности / Expression of identity	Сильная/ Strong	29	42	3	74	24,884	0,000
	Средняя/ Average	65	87	30	182		
	Слабая/ Weak	12	34	22	68		
Всего/Total		106	163	55	324		

В табл. 6 охарактеризована с точки зрения энтитативности группа, к которой студенты не хотели бы принадлежать. Анализ показывает статистически значимую взаимосвязь (статистика критерия Фишера = 23,057, знач. = 0,000).

Студенты с сильной степенью выраженности идентичности преимущественно воспринимают в качестве нежелательной группу с сильной степенью энтитативности — 38 человек; со средней степенью энтитативности — 30 человек. Меньше всего представителей этой категории студентов воспринимает как нежелательную группу со слабой степенью энтитативности — 6 человек.

Большая часть студентов со средней степенью выраженности идентичности воспринимает как нежелательную группу с сильной степенью энтитативности — 79 человек. Группа со средней степенью выраженности энтитативности видится нежелательной 65 респондентам, со слабой — 38.

28 студентов со слабой степенью выраженности идентичности воспринимают как нежелательную группу с сильной степенью выраженности энтитативности. Практически столько же — 27 студентов этой категории — считают нежелательной группу с низкой степенью выраженности энтитативности. Студентов, воспринимающих как нежелательную группу со средней степенью выраженности энтитативности,— в данной категории насчитывается 13.

Таблица 6 / Table 6

**Связь социальной идентичности с энтитативностью нежелательной группы у
студентов**

The connection of social identity with the entitativity of an undesirable group in students

		Энтитативность нежелательной группы / The entitativity of the undesirable group			Всего Total	Статистика критерия Фишера/ Fischer Criterion statistics	Знач./ Meaning
		Сильная/ Strong	Средняя/ Average	Слабая/ Weak			
Выраженность идентичности	Сильная/ Strong	38	30	6	74	23,057	0,000

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

Expression of identity	Средняя/ Average	79	65	38	182		
	Слабая/ Weak	28	13	27	68		
Всего/ Total		145	108	71	324		

Обсуждение результатов

В результате полученных данных были выявлены значимые связи между степенью выраженности социальной идентичности и степенью выраженности энтитативности групп. Восприятие группы как единого целого может укреплять чувство принадлежности (Tajfel, Turner, 1986).

Также существует статистически значимая связь между средней и сильной степенью выраженности социальной идентичности у учеников — и их желанием принадлежать к группе с сильной степенью выраженности энтитативности. Такие группы могут быть более привлекательными, поскольку они предлагают четкие границы, сильное чувство принадлежности и потенциально более ясную основу для самоопределения через членство (Turner, 1985).

Исходя из полученных данных, для учеников сильная выраженность социальной идентичности тесно связана с тяготением к более четким и интегрированным группам. В силу особенностей данного возраста подростки находятся в поиске устойчивой социальной идентичности, и это приводит к тому, что они выбирают более целостные, понятные и нормативно устойчивые группы для собственной самоидентификации и социальной поддержки. Согласно М. Хоггу (Hogg, 2020) множественная социальная идентичность обеспечивает подросткам больше социальных возможностей и поддержки. Также она выступает адаптационным механизмом, благодаря которому участие в различных группах позволяет определить свою базовую идентичность именно через поиск и выбор структурированных и понятных групп. Эти положения подтверждаются полученными нами данными: ученики с множественной социальной идентичностью ищут опору в наиболее энтитативных группах, чтобы снизить неопределенность, присущую подростковому возрасту.

Исходя из полученных результатов можно отметить, что студенты с сильной степенью выраженности идентичности чаще выбирают в качестве групп, к которым они принадлежат или хотели бы принадлежать, группы с сильной степенью энтитативности. Чем сильнее идентификация с группой, тем более значимой становится групповая принадлежность, что, в свою очередь, влияет на восприятие группы как более сплоченной, структурированной и, следовательно, более энтитативной (Hamilton, Sherman, 1996). Сильная энтитативность группы может служить источником положительной социальной идентичности и ее стабильности.

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

Заключение

Основное внимание было уделено тому, как выраженность социальной идентичности влияет на выбор более энтитативных групп. В результате проведенного исследования была выявлена связь степени выраженности социальной идентичности и энтитативности групп. Была частично подтверждена гипотеза 1. Согласно полученным результатам ученики и студенты с сильной степенью выраженности социальной идентичности состоят в группах с сильной степенью выраженности энтитативности. Эти данные согласуются с положениями теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986) и теории самокатегоризации (Turner, 1985), согласно которым идентификация с группой является центральным элементом самосознания. Чем сильнее выражена социальная идентичность, тем более «реальной» и значимой воспринимается группа принадлежности, что может проявляться в более высокой оценке ее энтитативности.

Была частично подтверждена гипотеза 2. Согласно полученным данным, ученики и студенты с сильной и средней степенью выраженности идентичности выбирают желательную группу с сильной и средней степенью энтитативности.

Гипотеза 3 не подтверждена в выборке учеников и частично подтверждена в выборке студентов. В выборке учеников полученные данные не имеют значимой тенденции к восприятию нежелательной группы как более энтитативной. В выборке студентов с сильной и средней степенью выраженности социальной идентичности нежелательная группа воспринимается как обладающая более сильной степенью энтитативности. Восприятие аутгрупп как высокоэнтитативных связано с усилением межгрупповой дифференциации (Tajfel, Turner, 1986). Индивид будет четко разграничивать группы на «Мы» и «Они» — таким образом, «чужая» группа будет восприниматься им как нежелательная и обладать сильно выраженной энтитативностью (Hogg, 2013). Для индивидов с множественной социальной идентичностью такое восприятие нежелательных аутгрупп способствует укреплению границ собственной группы и сохранению позитивной социальной идентичности.

Таким образом, проведенное исследование позволило частично подтвердить теорию неопределенности-идентичности М. Хогга путем исследования связи степени выраженности социальной идентичности и степени выраженности энтитативности. Вместе с тем, оно позволило выявить различия и сходства особенностей социальной идентичности у учеников и студентов. Полученные данные могут послужить в дальнейшем для основы качественного анализа по каждому респонденту.

Ограничения. Для дальнейшей проверки теории неопределенности-идентичности М. Хогга выборка будет состоять из более маргинализованных групп, поскольку там может наблюдаться наиболее выраженная неопределенность.

Limitations. To further test M. Hogg's theory of uncertainty-identity, the sample will consist of more marginalized groups, as these may exhibit the greatest degree of uncertainty

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025) Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка) *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova K.N. (2025) Possibilities of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth within the framework of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical verification) *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 25—40.

Список источников / References

1. Дворянчиков, Н.В., Бовин, Б.Г., Мельникова, Д.В., Белова, Е.Д., Бовина, И.Б. (2023). Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты. *Психология и право*, 13(3), 93—107. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130307> (дата обращения: 10.05.2025)
Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Melnikova, D.V., Belova, E.D., Bovina, I.B. (2023). Assessment of the risk of radicalization in the adolescent and youth environment: some empirical facts. *Psychology and law*, 13(3), 93—107. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130307>
2. Дворянчиков, Н.В., Бовин, Б.Г., Мельникова, Д.В., Лаврешкин, Н.В., Бовина, И.Б. (2022). Легитимизация терроризма в подростково-молодежной среде: от механизмов радикализации к модели оценки риска. *Психология и право*, 12(4), 154—170. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120412>
Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Melnikova, D.V., Lavreshkin, N.V., Bovina, I.B. (2022). Legitimization of terrorism in the adolescent and youth environment: from mechanisms of radicalization to a risk assessment model. *Psychology and law*, 12(4), 154—170. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120412>
3. Тихонова, А.Д., Дворянчиков, Н.В., Эрнст-Винтила, А., Бовина, И.Б. (2017). Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы. *Культурно-историческая психология*, 13(3), 32—40. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130305>
Tikhonova, A.D., Dvoryanchikov, N.V., Ernst-Vintila, A., Bovina, I.B. (2017). Radicalization in the adolescent and youth environment: in search of an explanatory scheme. *Cultural and historical psychology*, 13(3), 32—40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2017130305>
4. Тэшфел, Х., Тернер, Дж.К. (1986). Теория социальной идентичности в межгрупповом поведении. В: С. Уорчел, У.Г. Остин (ред.), *Психология межгрупповых отношений* (с. 7—24). Hall Publishers, Чикаго. URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=1584694>
Tajfel, H., Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: S. Worchel, W.G. Austin, (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (pp. 7—24). Hall Publishers, Chicago. URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=1584694>
5. Тэшфел, Х., Тернер, Дж. К. (1979). Интегративная теория межгрупповых конфликтов. В: *Социальная психология межгрупповых отношений* (с. 33—47). <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.30820.60809> (дата обращения: 12.05.2025)
Tajfel, H., Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations* (pp. 33—47). <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.30820.60809> (viewed: 12.05.2025)
6. Эриксон, Э.Х. (1968). *Идентичность: юность и кризис*. Нью-Йорк: Нортон.
Erikson, E.H. (1968). *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton.

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025) Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка) *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova K.N. (2025) Possibilities of assessing the risk of radicalization in adolescents and youth within the framework of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical verification) *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 25—40.

7. Borum, R. (2012). Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research. *Journal of Strategic Security*, 4(4), 37—62. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.2> (viewed: 13.05.2025)
8. Campbell, D.T. (1958). Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities. *Behavioral Science*, 3(1), 14—25. <https://doi.org/10.1002/bs.3830030103> (viewed: 11.05.2025)
9. Hamilton, D.L., Sherman J.W. (1996). Perceiving persons and groups. *Psychological Review*, 103(2), 336—355. <https://doi.org/10.1037//0033-295X.103.2.336>
10. Hogg, M. (2013). Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 69(3), 407—418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
11. Hogg, M.A. (2001). A social identity theory of leadership. *Personality and Social Psychology Review*, 5(3), 184—200. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0503_1
12. Hogg, M. A. (2007). Uncertainty-identity theory. *Advances in experimental social psychology*, 39, 69—126. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)39002-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)39002-8)
13. Hogg, M.A. (2012). Uncertainty-identity theory. Handbook of theories of social psychology. Pp. 62—80. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n29> (viewed: 14.05.2025)
14. Hogg, M.A. (2020). Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 31(1), 1—40. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
15. Hogg, M.A., Mahajan, N. (2018). Domains of self-uncertainty and their relationship to group identification. *Journal of Theoretical Social Psychology: Vol. 2 (№ 3)*. pp. 181—189. <https://doi.org/10.1002/jts5.20>
16. Hogg, M.A., Terry, D.J. (2000). Social identity and self-categorization processes in organizational contexts. *Academy of Management Review*, 25(1), 121—140. <https://doi.org/10.2307/259266>
17. Turner, J.C. (2010). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. In: T. Postmes, N.R. Branscombe (Eds.), *Rediscovering social identity* (pp. 243—272). Psychology Press. URL: <https://awsptest.apa.org/record/2010-11535-012> (viewed: 13.05.2025)
18. van der Heide, Liesbeth, Marieke van der Zwan and Maarten van Leyenhorst. (2020). A Comparison of Risk Assessment Tools for Violent Extremism. The International Centre for Counter-Terrorism. The Hague (ICCT) Evolutions, pp. 55—78. <https://doi.org/10.19165/2019.1.08>

Информация об авторах

Дарья Александровна Налетова, магистр психологии, ведущий эксперт, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5067-3282>, e-mail: darenka868@gail.com

Николай Викторович Дворянчиков, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета «Юридическая психология», Московский государственный психолого-

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Ксения Николаевна Дворянчикова, студент, кафедра клинической и судебной психологии,
факультет «Юридическая психология», Московский государственный психолого-
педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0009-0004-9765-1957>, e-mail: dvorianick@gmail.com

Information about the authors

Darya A. Naletova, Master of Psychological Sciences, Leading Expert, Moscow Research Center
(GBU of Moscow “MIT”), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5067-3282>, e-mail: darenka868@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Legal
Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Ksenia N. Dvoryanchikova, Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal
Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9765-1957>, e-mail: dvorianick@gmail.com

Вклад авторов

Налетова Д.А. — применение статистических, математических и других методов для анализа
данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов
исследования.

Дворянчиков Н.В. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за
проведением исследования.

Дворянчикова К.Н. — сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст
рукописи.

Contribution of the authors

Darya A. Naletova — application of statistical, mathematical and other methods for data analysis;
conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Nikolay V. Dvoryanchikov — ideas; writing and design of the manuscript; control over the
research.

Ksenia N. Dvoryanchikova — data collection and analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the
manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. (2025)
Возможности оценки риска радикализации в подростковой и
молодежной среде в рамках теории неопределенности-
идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 25—40.

Naletova D.A., Dvoryanchikov N.V., Dvoryanchikova
K.N. (2025)
Possibilities of assessing the risk of radicalization in
adolescents and youth within the framework of M.
Hogg's theory of uncertainty-identity (empirical
verification)
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 25—40.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Все респонденты дали согласие на участие в данном исследовании.

Ethics statement

All respondents agreed to participate in this study.

Поступила в редакцию 27.08.2025
Поступила после рецензирования 18.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.08.27
Revised 2025.11.18
Accepted 2025.12.07
Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

Психологические условия проявления склонности к экстремизму у студентов

А.В. Литвинова¹✉

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ annaviktorovna@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность исследования определяется увеличением числа совершаемых преступлений экстремистской направленности. Активное привлечение студентов к экстремистской деятельности вызывает серьезную обеспокоенность. Возникает необходимость изучения психологических условий проявления склонности к экстремизму у студентов в целях создания системы социально-психологических, правовых и организационных мер для своевременного и активного их предотвращения. **Гипотеза.** Психологическими условиями проявления склонности к экстремизму являются девиантное поведение, вредные привычки и экстремальные увлечения у юношей и девушек. **Методы и материалы.** Применялись диагностические методы: методика «Склонность к девиантному поведению» (Э.В. Леус); методика «Шкалы склонности к экстремизму» (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов) анкетирование (Д.В. Деулин); методы математической статистики: критерии Спирмена и Манна-Уитни. В исследовании приняли участие студенты высшего учебного заведения (N = 28), средний возраст — 18 лет. **Результаты.** Выявлено, что психологическими условиями проявления склонности к экстремизму являются делинквентное, аддиктивное ситуативное поведение и наличие вредных привычек у студентов. Проявления «деструктивности и цинизма», «нормативного нигилизма» значимо связаны с делинквентным и аддиктивным ситуативным поведением. Конвенциональное принуждение отличает студентов с вредными привычками. **Выводы.** Результаты исследования расширяют представления о проявлениях склонности к экстремизму у нормотипичных студентов. В целях профилактики экстремизма необходима разработка и проведение профилактических и психокоррекционных программ, мишенью которых являются ситуативно проявляемые формы деструктивного поведения и вредные привычки студентов.

Ключевые слова: экстремизм, девиантное поведение, вредные привычки, экстремальные увлечения, правоохранительная деятельность

Литвинова А.В. (2025)
Психологические условия проявления склонности к
экстремизму у студентов
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 41—51.

Litvinova A.V. (2025)
Psychological conditions for the manifestation of a
tendency towards extremism in students
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 41—51.

Благодарности. Автор благодарит за идею, разработку анкеты и помощь в сборе данных для исследования Д.В. Деулина.

Для цитирования: Литвинова, А.В. (2025). Психологические условия проявления склонности к экстремизму у студентов. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 41—51. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020403>

Psychological conditions for the manifestation of a tendency towards extremism in students

A.V. Litvinova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ annaviktorovna@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The relevance of the study is determined by the increase in the number of extremist crimes committed. Active involvement of students in extremist activities raises serious concern. There is a need to study the psychological conditions of the manifestation of a tendency towards extremism in students in order to create a system of socio-psychological, legal and organizational measures for their timely and active prevention. **Hypothesis.** Psychological conditions of the manifestation of a tendency towards extremism are deviant behavior, bad habits and extreme hobbies in young men and women. **Methods and materials.** The following diagnostic methods were used: the “Tendency to Deviant Behavior” technique (E.V. Leus); the “Scale of Tendency to Extremism” technique (D.G. Davydov, K.D. Khlomov), questionnaire (D.V. Deulin); methods of mathematical statistics: Spearman and Mann-Whitney criteria. The study involved 28 university students, with an average age of 18. **Results.** It was found that delinquent and addictive situational behavior and bad habits are psychological prerequisites for the manifestation of a tendency toward extremism. Manifestations of “destructiveness and cynicism” and “normative nihilism” are significantly associated with delinquent and addictive situational behavior. Conventional coercion distinguishes students with bad habits. **Conclusions.** The study results expand our understanding of the manifestations of a tendency toward extremism in normotypical students. To prevent extremism, it is necessary to develop and implement preventive and psychocorrectional programs targeting situationally manifested forms of destructive behavior and bad habits in students.

Keywords: extremism, deviant behavior, bad habits, extreme hobbies, law enforcement activities

Acknowledgements. The author thanks D.V. Deulin for the idea, development of the questionnaire and assistance in collecting data for the study.

For citation: Litvinova, A.V. (2025). Psychological conditions for the manifestation of a tendency towards extremism in students. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 41—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020403>

Введение

Одной из наиболее острых проблем, стоящих перед мировым сообществом в современной ситуации, является экстремизм, растущая нетерпимость, агрессивность и враждебность в современном обществе. Рост экстремизма, затрагивающий все сферы жизни, вызывает глобальную тревогу. Поиск эффективных мер противодействия становится первостепенной задачей для государств, столкнувшихся с этой проблемой (Тупикова, 2022).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано, что обеспечению государственной и общественной безопасности способствует реализация мер, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств. Правовой документ регламентирует задачи выявления, предупреждения и пресечения экстремистской деятельности организаций и физических лиц; предупреждения проявлений радикализма, профилактики экстремистских преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи.

Проблема определения психологических особенностей субъектов — физических лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, актуализируется также в связи с принятием Указа Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», где определяются цели, задачи и направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму. Нормативный правовой акт закрепляет следующие понятия: идеология насилия, радикализм, экстремистская идеология, ксенофобия, русофобия, субъекты противодействия экстремизму, противодействие экстремизму, а также финансирование экстремистской деятельности.

Актуальность проблемы соответствует общей тенденции роста экстремистских преступлений: в 2020 году на 42,4% (833 факта), в 2021 году на 26,9% (1057 фактов), в 2022 году на 48,2% (1566 фактов), в 2024 году на 28,3% (1719 фактов). Особую важность приобретает изучение экстремистских проявлений среди молодежи, поскольку их возрастные особенности повышают их уязвимость к подобным идеологиям. Поэтому данное исследование призвано выявить психологические условия проявлений склонности к экстремизму у нормотипичных студентов, которые могут служить основой для ранней превенции экстремизма в молодежной среде.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что сложность феномена экстремизма связана со множеством психологических, социально-психологических и индивидуально-психологических условий, которые могут влиять на его проявление. Предиктором склонности к экстремистским действиям у студентов может быть агрессивное поведение, проявляемое в формах напористости, обидчивости, неуступчивости, мстительности, нетерпимости к чужому мнению и подозрительности (Маджуга, Саидова, 2024). Проявления экстремизма включают не только прямые агрессивные поступки, но и призывы к асоциальным и деструктивным действиям. (Садовская, Ремизов, Есаков, 2024). Противоправное поведение, склонность к риску являются предпосылками проявления экстремистских элементов в молодежной среде (Lyzhin et al., 2021). В основе экстремистского поведения лежит стремление к самоутверждению, и агрессивное поведение становится способом достижения этой цели (Ефремов, Кузнецова, Ениколопов, 2022).

В исследовании, направленном на выявление отношения респондентов к экстремистской

деятельности, 35% студентов и 45% магистрантов ответили, что существуют обстоятельства, при которых применение насилия как инструмента достижения определенных целей представляется приемлемым. Необходимо отметить, что студенты очного отделения, в отличие от магистрантов, демонстрируют более выраженную склонность к насилию, экстремизму, силовым методам решения конфликтов, нетерпимости, а также к подавлению воображения и обесцениванию других людей (Павлова, Барышева, 2025).

В исследовании психологических условий проявления склонности к экстремистской деятельности выявлено, что студенты, несмотря на тенденции понимания опасности экстремизма, не осознают проблему в полной мере и не знают, как следует поступать в подобных случаях. Экстремистским взглядам чаще подвержены юноши по сравнению с девушками, а также студенты с повышенной агрессивностью, консервативными убеждениями, ригидностью, слабо выраженной доброжелательностью к окружающим (Кузнецова, Хавыло, 2021). Восприимчивость студентов колледжей к экстремистскому мышлению может быть обусловлена двумя психологическими механизмами: наличием иррациональных убеждений и совокупностью личностных черт (Trip et al., 2019).

У студентов, склонных к экстремизму, выявлена социально-психологическая дезадаптация, им свойственны сочетание низкой самооценки и высокой критичности к другим, болезненная чувствительность к критике, замкнутость и отчужденность. Также для них характерны эмоциональная нестабильность, подозрительность, раздражительность и эгоистичное поведение, игнорирующее социальные нормы. Присутствует противоречивое сочетание завышенной самооценки и самокритики, а также несоответствие между низкой толерантностью к фрустрации и преувеличенным представлением о своей стрессоустойчивости. Наблюдаются признаки депрессивности: подавленность, тревожность, склонность к самобичеванию, погруженность в мрачные переживания (Эльзессер, Капустина, Кадыров, 2023).

Низкий уровень эмоционального интеллекта, эмпатии и психологического благополучия у студентов может быть предпосылкой их интеграции в экстремистскую среду. В процессе изучения взаимосвязи между уровнем эмпатии и склонностью к экстремизму у юношей и девушек был получен неожиданный результат, раскрывающий, что общий уровень эмпатии у юношей оказался выше, чем у девушек. Исследователи предположили, что склонность к экстремизму у девушек, вероятнее всего, может проявляться при высоком уровне эмпатии (Тупикова, Гудкова, Овчинников-Лысенко, 2023).

Немаловажным условием развития склонности к экстремизму является сеть Интернет, выступающая основным источником поступления информации и влияющая на мировоззрение молодежи. Следует подчеркнуть, что наблюдается существенная модификация коммуникативных процессов, обусловленная развитием передовых технологий и активным использованием платформ социальных сетей. Важность учета специфики внешних воздействий на формирование поведения раскрывалась еще в классических исследованиях викарного научения агрессивным моделям поведения в период развития телевидения (Абдульманов, Деулин, Коноплин, 2022). В современной ситуации анонимность, чувство безопасности, асинхронное общение и минимальный контроль интернет-среды являются ключевыми условиями распространения девиантного поведения. Они снижают значимость этических норм и провоцируют отклонения от общепринятых стандартов в онлайн-коммуникации (Воробьева, 2025). Однако исследований,

раскрывающих влияние интернета на процесс вовлечения студентов в радикальные группы, крайне мало. Проведение таких исследований будет способствовать более глубокому пониманию психологических механизмов формирования противоправного поведения и позволит наметить пути профилактики правонарушений экстремистской и террористической направленности среди студенческой молодежи (Ошевский, 2017).

Современная молодежь демонстрирует склонность к участию в различных экстремальных играх. Причины такого погружения в деятельность с высоким «антивитальным индексом» могут быть связаны с глобальными проблемами и угрозами, с которыми сталкивается человечество. Наибольший риск такого вовлечения приходится на обучающихся подросткового и юношеского возраста, что может стать серьезным препятствием для достижения ими зрелости и автономии. Склонность к экстремальным увлечениям обусловлена сочетанием социально-психологических и физиологических факторов, а также особой чувствительностью в период активного использования цифровых платформ и медиа, повышающей восприимчивость молодежи к вербовочной деятельности и пропаганде экстремистских взглядов.

Таким образом, обозначены наиболее изученные психологические условия, влияющие на проявление склонности к экстремизму в студенческом возрасте. Изучение психологических условий проявлений склонности к экстремизму позволяет не только более осмысленно подойти к обеспечению безопасности образовательной среды, но и создать действенную систему психологического и оперативно-розыскного противодействия молодежному экстремизму. Эта система должна предусматривать реализацию комплекса современных, эффективных и целенаправленных мер (включая социально-психологические, правовые, организационные и другие), чтобы психологические и оперативные службы имели возможность своевременно и проактивно воздействовать на ситуацию в целях профилактики.

Мы предположили, что психологическими условиями склонности к экстремизму (культ силы, допустимость агрессии, интолерантность, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм, мистичность, деструктивность, цинизм, протестная активность, нормативный нигилизм, антиинтрацепция и конформизм) являются проявления девиантного поведения (делинквентное, агрессивное, аддиктивное и суицидальное поведение), вредные привычки и экстремальные увлечения у юношей и девушек.

Материалы и методы

Выборка состояла из студентов (N = 28) первого курса (64% девушек и 36% юношей) государственного вуза, средний возраст — 18 лет. Применялась методика «Шкалы склонности к экстремизму» (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов); методика «Склонность к девиантному поведению» (Э.В. Леус); анкетирование для «экстремальных увлечений» и вредных привычек (Д.В. Деулин); методы математической статистики (непараметрические критерии Спирмена, Манна-Уитни). Заполнение бланков студентами проходило после занятий, осуществлялось путем предъявления «батареи тестов» и анкеты. Студенты были ознакомлены с целями исследования, дали добровольное согласие на участие в нем.

Результаты

Первоначально определялись достоверные различия данных по методикам у юношей и девушек. Необходимо отметить, что достоверных различий по всем изучаемым показателям

у юношей и девушек не выявлено, поэтому далее результаты представлены в целом по группе студентов.

Далее были изучена представленность видов девиантного поведения студентов как одного из психологических условий проявления склонности к экстремизму (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Распределение видов девиантного поведения у студентов (N = 28)
Distribution of types of deviant behavior in students (N = 28)

	Отсутствие признака / Missing feature (%)	Ситуативная предрасположенность / Situational predisposition (%)
Делинквентное поведение / Delinquent behavior	80,8	19,2
Аддиктивное поведение / Addictive behavior	80,8	19,2
Агрессивное поведение / Aggressive behavior	73	27
Суицидальное поведение / Suicidal behavior	100	

Поскольку выборка состояла из «нормотипичных» студентов, получить диагностический профиль девиантного поведения не получилось. Вместе с тем, была представлена ситуативная предрасположенность студентов к агрессивному (27%); аддиктивному (19,2%) и делинквентному поведению (19,2%).

Проанализируем значимые связи между склонностью к экстремизму и выявленными видами девиантного поведения (табл.2).

Таблица 2 / Table 2

Связь между показателями склонности к экстремизму и видами девиантного поведения и у студентов (N = 28)

Relationship between indicators of propensity toward extremism and types of deviant behavior in students (N = 28)

	Spearman	p-level
Делинквентное поведение / Delinquent behavior		
Культ силы / Cult of power	0,48	<0,01
Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	0,57	<0,01
Нормативный нигилизм / Normative nihilism	0,44	<0,05
Аддиктивное поведение / Addictive behavior		
Деструктивность и цинизм / Destructiveness and Cynicism	0,54	<0,01
Нормативный нигилизм / Normative Nihilism	0,44	<0,05
Агрессивное поведение / Aggressive behavior		
Статистически достоверные корреляционные связи отсутствуют / There are no statistically significant correlations		

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии связи между показателями склонности к экстремизму и агрессивного поведения, что может свидетельствовать о том, что для данной выборки студентов ситуативное агрессивное поведение не является условием для проявления склонности к экстремизму.

Важно отметить, что обнаружены связи таких проявлений склонности к экстремизму, как «деструктивность и цинизм» и «нормативный нигилизм», с ситуативным делинквентным и аддиктивным поведением. Культ силы значимо связан с делинквентным ситуативным поведением.

Далее рассмотрим достоверные различия проявлений склонности к экстремизму, деструктивному поведению у студентов с наличием и отсутствием вредных привычек, а также экстремальных увлечений (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Достоверные различия по критерию «вредные привычки» (U, Манн-Уитни)
 (N = 28)**

Significant differences in the criterion “bad habits” (U, Mann-Whitney) (N = 28)

	U	Asympt. value	p-level
	Наличие вредных привычек / The presence of bad habits		
Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	24	0,049	<0,05
Аддиктивное поведение / Addictive Behavior	28	0,028	<0,05

Полученные результаты раскрывают, что в данной группе не было выявлено различий по изучаемым показателям у студентов с наличием и отсутствием экстремальных увлечений. Наличие «вредных привычек» у студентов демонстрирует достоверные различия по проявлению «конвенционального принуждения» к социально одобряемым ценностям и нормам и склонности к аддикциям.

Обсуждение результатов

В данной выборке достоверных различий по всем изучаемым показателям не выявлено, предположение о специфике проявлений экстремизма, девиантного поведения, вредных привычек и экстремальных увлечений у юношей и девушек не подтвердилось.

Выявлена ситуативная предрасположенность студентов к агрессивному, аддиктивному и делинквентному поведению. Обнаружены связи таких проявлений склонности к экстремизму, как «деструктивность и цинизм» и «нормативный нигилизм», с ситуативным делинквентным и аддиктивным поведением. Проявления «деструктивности и цинизма» опасны тем, что выражаются в пренебрежительном отношении к людям, очернении важнейших человеческих ценностей (дружба, брак, любовь, семья и т. п.). К сожалению, модель «наигранного цинизма», которая преподносится в современных масс-медиа (например, музыкальная композиция «Эгоистка»), особенно в юмористических передачах, субъективно воспринимается молодым поколением как показатель независимости и власти, умственного превосходства, социального успеха и благополучия. Проявления нормативного нигилизма также опасны, поскольку отражают демонстративное игнорирование законов и

социальных норм поведения, убежденность в том, что ради дела можно переступить через принятые в обществе нормы поведения. Данный результат соотносится с тем, что у городских жителей более высокий уровень нормативного нигилизма (Маджуга, Саидов, 2024). Культ силы, связанный с пониманием насилия как предпочитаемого способа достижения своих целей и разрешения противоречий, значимо связан с делинквентным ситуативным поведением.

В данной группе увлечение студентов экстремальными видами спорта, видеоиграми не играет решающей роли в проявлении склонности к экстремизму. Только наличие «вредных привычек» демонстрирует достоверные различия по проявлениям «конвенционального принуждения» к социально одобряемым ценностям и нормам (что вполне логично) и склонности к аддикциям. Полученные результаты могут объясняться общей ситуацией социального развития, нарративами масс-медиа и интернет-контентом.

Заключение

Полученные в исследовании результаты конкретизируют представления о психологических условиях проявления склонности к экстремизму, связанных с делинквентным, аддиктивным ситуативным поведением и наличием вредных привычек у студентов.

Необходимо отметить, что в современной ситуации перспективным направлением исследований является изучение не только психологических условий, но и механизмов развития склонности к экстремизму. Зарубежные исследователи утверждают, что экстремистские убеждения и идеология формируются в процессе радикализации, а насильственный экстремизм и терроризм — это способы выражения экстремистских убеждений (Eldor et al., 2022). Отечественные исследователи доказывают необходимость разработки моделей радикализации, которые могли бы объяснить психологические механизмы процесса становления и усиления склонности к экстремизму, позволили бы своевременно оценивать риски радикализации в наиболее уязвимых возрастах — подростковом и юношеском (Бовин и др., 2023).

В то же время совершенствование имеющихся и разработка новых теоретико-прикладных положений и рекомендаций, формирующих систему противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым молодежными группировками, приведение их в единую систему знаний является одной из важнейших задач современной психологической науки и оперативно-розыскной деятельности.

Ограничения. Выводы исследования ограничиваются относительно небольшой выборкой студентов, обучающихся в вузе. В целях дальнейших исследований предполагается расширение выборки, включение в нее юношей и девушек, а также лиц, совершивших преступления экстремистской направленности и отбывающих наказание.

Limitations. The study's findings are limited to a relatively small sample of university students. Further research is expected to expand the sample to include young men and women, as well as individuals who have committed extremist crimes and are currently serving sentences.

Список источников / References

1. Абдульманов, А.А., Деулин, Д.В., Коноплин А.Б. (2022). Социально-психологические и правовые аспекты деятельности участников международного экстремистского

- движения «Арестантское уголовное единство (А.У.Е.)». *Российский следователь*, 8, 49—55.
- Abdulmanov, A.A., Deulin, D.V., Konoplin, A.B. (2022). Social, psychological and legal aspects of the activities of participants in the international extremist movement "Prisoner Criminal Unity (A.U.E.)". *Russian investigator*, 8, 49—55. (In Russ.).
2. Бовин, Б.Г., Дворянчиков, Н.В., Мельникова, Д.В., Бовина, И.Б. (2023). К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде. *Пенитенциарная наука*, 17(1), 89—97. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>
- Bovin, B.G., Dvoryanchikov, N.V., Melnikova, D.V., Bovina, I.B. (2023). Assessing tradicalization risks in the adolescent and youth environment. *Penitentiary science*, 17(1), 89—97. (In Russ.). <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>
3. Воробьева, К.А. (2025). Девиантная активность обучающихся в виртуальной среде как фактор риска нарушения психологической безопасности личности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 44—60. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020203>
- Vorobyeva, K.A. (2025). Deviant activity of students in a virtual environment as a risk factor for personal psychological security violations. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 44—60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020203>
4. Ефремов, А.Г., Кузнецова, С.О., Ениколопов, С.Н. (2022). Когнитивные аспекты молодежного экстремизма. *Медицинская психология в России*, 14(5).
- Efremov, A.G., Kuznetsova, S.O., Enikolopov, S.N. (2022). Cognitive aspects of youth extremism. *Medical Psychology in Russia*, 14(5). (In Russ.)
5. Кузнецова, А.С., Хавыло, А.В. (2021). Психологические детерминанты отношения молодежи к экстремистской деятельности. *Психология и право*, 11(3), 33—46. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110303>
- Kuznetsova, A.S., Khavylo, A.V. (2021). Psychological determinants of young people's attitudes toward extremist activity. *Psychology and Law*, 11(3), 33—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110303>
6. Маджуга, А.Г., Саидов А.А. (2024). Взаимосвязь диспозиций насильственного экстремизма у студенческой молодежи с параметрами личностной агрессивности: концептуальный анализ проблемы. *Высшее образование сегодня*, 3, 91—100. <https://doi.org/10.18137/RNU.HET.24.03.P.091>
- Madzhuga, A.G., Saidov, A.A. (2024). The relationship between the dispositions of violent extremism among students and the parameters of personal aggressiveness: a conceptual analysis of the problem. *Higher Education Today*, 3, 91—100. (In Russ.). <https://doi.org/10.18137/RNU.HET.24.03.P.091>
7. Ошевский, Д.С. (2017). Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность. *Психология и право*, 7(2), 123—132. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017060210>
- Oshevsky, D.S. (2017). Clinical and psychological aspects of adolescents' involvement in extremist and terrorist activities. *Psychology and Law*, 7(2), 123—132. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017060210>
8. Павлова, А.Б., Барышева, Е.В. (2025). К вопросу об изучении экстремистских склонностей среди молодежи. *Вестник Государственного гуманитарно-*

- технологического университета, 1, 91—98.
Pavlova, A.B., Barysheva, E.V. (2025). On the Study of Extremist Tendencies Among Young People. *Bulletin of the State Humanitarian and Technological University*, 1, 91—98. (In Russ.)
9. Смирнов, А.А., Смирнов, Д.А., Соловьева, Е.В. (2023). Конативная модель геймификации для психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях. *Перспективы науки и образования*, 5(65), 481—499. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.5.28>
Smirnov, A.A., Smirnov, D.A., Solovyeva, E.V. (2023). A conative gamification model for psychological diagnostics and identification of risk zones of deviant behavior in educational institutions. *Prospects of Science and Education*, 5(65), 481—499. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2023.5.28>
10. Тупикова, В.А. (2022). Теория социальной идентичности в изучении формирования экстремистских групп: обзор релевантных исследований. *Теория и практика общественного развития*, 12, 88—92. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.13>
Tupikova, V.A. (2022). Social identity theory applied to the study of extremist group formation : a review of relevant research. *Theory and practice of social development*, 12, 88—92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.12.13>
11. Тупикова, В.А., Гудкова, Я.А., Овчинников-Лысенко, Е.Г. (2023). Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма. *Вестник Российского университета дружбы народов*, 23(3), 579—589. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589>
Tupikova, V.A., Gudkova, Ya.A., Ovchinnikov-Lysenko, E.G. (2023). Students' empathy in the context of extremist risk. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia*, 23(3), 579—589. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589>
12. Эльзессер, А.С., Капустина, Т.В., Кадыров, Р.В. (2023). Склонность к экстремизму в контексте социально-психологической дезадаптации личности. *Психологический журнал*, 44(3), 36—48.
Elzesser, A.S., Kapustina, T.V., Kadyrov, R.V. (2023). Tendency to extremism in the context of socio-psychological maladjustment of the individual. *Psychological Journal*, 44(3), 36—48. (In Russ.).
13. Lyzhin, A.I., Sharov, A.A., Lopez, E.G., Melnikov, S.G., Zaynullina, V.T. (2021). Modern problems of youth extremism: Social and psychological components. *Journal of Community Psychology*, 49(7), 2609—2622. <https://doi.org/10.1002/jcop.22664>
14. Trip, S., Marian, M., Halmajan, A., Drugas, M., Bora, C., Roseanu, G. (2019). Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents' Extremist Mind-Set. *Frontiers in Psychology*, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01184>
15. Eldor, D.S., Lindholm, K., Chavez, M.H., Vassanyi, S., Badiane, M.O.I., Yaldizli, K., Froysa, P., Haugestad, C.A.P., Kunst, J.R. (2022). Resilience against radicalization and extremism in schools: Development of a psychometric scale. *Frontiers in Psychology*, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.980180>

Информация об авторе

Анна Викторовна Литвинова, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет «Экстремальная психология», Московский

Литвинова А.В. (2025)
Психологические условия проявления склонности к
экстремизму у студентов
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 41—51.

Litvinova A.V. (2025)
Psychological conditions for the manifestation of a
tendency towards extremism in students
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 41—51.

государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва,
Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail:
annaviktorovna@mail.ru

Information about the author

Anna V. Litvinova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Scientific Foundations of
Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology
and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-
mail: annaviktorovna@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этической комиссией Ученого совета
факультета «Экстремальная психология» (протокол № 1 от 28.08.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the Academic Council of the
Department of Extreme Psychology (Protocol No. 1, dated August 28, 2025).

Поступила в редакцию 27.10.2025
Поступила после рецензирования 11.11.2025
Принята к публикации 20.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.10.27
Revised 2025.11.11
Accepted 2025.12.20
Published 2025.12.30

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ | SOCIAL AND POLITICAL PSYCHOLOGY OF SECURITY

Научная статья | Original paper

Социально-психологические предикторы формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи

М.Д. Полушина¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ m.bezmedvedya@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Личность экстремиста культурно-исторически определена, текущее наполнение понятий включает прежние, уже изменившиеся обстоятельства, отражение актуальной ситуации и проявления индивидуальных особенностей. Теоретической основой исследования послужила теория межинституциональной обусловленности индивидуальной экстремальной деятельности. **Цель:** провести мониторинг актуального социально-психологического состояния молодежи Северного Кавказа, направленный на сопоставление особенностей текущего состояния и факторов формирования экстремистских идей. **Гипотеза.** Для личности, имеющей риск быть подверженной воздействию экстремистских идей, характерны: повышенная личностная тревожность, уровень развития идентичности средний и ниже среднего, допустимость использования агрессии для достижения целей, восприятие внешнего мира как угрожающего, неадаптивные способы выражения недовольства и конформизм. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 35 представителей молодежи Северо-Кавказского региона (16 девушек и 19 парней). Для мониторинга актуального социально-психологического состояния применялись следующие инструменты: социально-демографическая анкета, методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова, методика изучения социальной идентичности (МИСИ), шкала самооценки тревоги Шихана, SPRAS. **Результаты.** Гипотеза частично подтвердилась: риск подверженности влиянию экстремистских идей выше для тех, чей уровень идентичности ниже оптимального, использование агрессии для достижения целей и неадаптивных способов для выражения недовольства допустимы, а внешний мир представляется угрожающим. **Выводы.** Данные, полученные нами, могут положить начало разработке программ более результативных и

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

углубленных исследований по теме и требуют дальнейшего изучения на
большей по численности выборке.

Ключевые слова: экстремизм, радикализация личности, экстремистские
установки, молодежь, социально-психологическое состояние, социальная
идентичность

Для цитирования: Полушина, М.Д. (2025). Социально-психологические предикторы
формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи. *Экстремальная
психология и безопасность личности*, 2(4), 52—68. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020404>

Socio-psychological predictors of the formation of extremist attitudes among young people

M.D. Polushina¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ m.bezmedvedya@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The personality of an extremist is shaped by cultural and historical factors. The current understanding of these concepts reflects past circumstances that have evolved, the present situation, and individual characteristics. This study is based on the theory of interinstitutional conditioning of individual extremist activities. **Objective:** to monitor the current socio-psychological state of young people in the North Caucasus, in order to compare the current state and the factors that contribute to the formation of extremist ideas. **Hypothesis.** Individuals who are at risk of being influenced by extremist ideas are characterized by increased personal anxiety, an average or below-average level of identity development, the acceptance of using aggression to achieve goals, a perception of the outside world as threatening, and non-adaptive ways of expressing discontent and conformity. **Methods and materials.** The study involved 35 young people from the North Caucasus region (16 girls and 19 boys). The following tools were used to monitor the current socio-psychological state: a socio-demographic questionnaire, the D.G. Davydov and K.D. Khlomov method for diagnosing violent extremism dispositions, the method for studying social identity (MSSI), the Shiham self-assessment anxiety scale, and the SPRAS. **Results.** The hypothesis was partially confirmed: the risk of being influenced by extremist ideas is higher for those whose level of identity is below optimal, and the use of aggression to achieve goals and non-adaptive ways to express discontent is acceptable, while the external world is perceived as threatening. **Conclusions.** The data we have obtained can serve as a starting point for developing more effective and in-depth research programs on this topic and require further study on a larger sample size.

Keywords: extremism, personality radicalization, extremist attitudes, youth, socio-psychological state, social identity

For citation: Polushina, M.D. (2025). Socio-psychological predictors of the formation of extremist attitudes among young people. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 52—68. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020404>

Введение

Актуальность исследования радикализации в целом и экстремизма в частности нельзя переоценить. Будучи ответом на преобразования окружающего мира, экстремизм представляет собой динамично изменяющееся явление социальной среды.

Личность культурно-исторически определена, текущее наполнение понятий, как на индивидуальном, так и на метауровне, отражает прежние, уже изменившиеся обстоятельства, и при исследовании современного статуса проблемы нам стоит учитывать и глобальные процессы, происходящие на макросоциальном уровне. Вот уже несколько десятилетий мир движется по пути глобализации; подобные изменения отражаются в нравственном пласте жизни социума, заставляя пересмотреть содержание моральных ориентиров, одними из которых являются «насилие» и «ненасилие». Переоценка наполнения ценностных конструктов, происходящая в обществе под гнетом изменений, слишком быстрая и хаотичная, при переходе от умеренности к крайностям может привести к формированию экстремистских установок. В последнее время, когда вопросы сохранения суверенитета, национальной безопасности и культурной самобытности обретают остроту, все чаще в общественном сознании возникает семантическая связь «экстремизм — патриотизм» (Муращенкова, 2024), что является дурным предвестником наращивания потенциала насилия как «защиты традиционных ценностей».

В отечественной психологии можно выделить три основных подхода к изучению молодежного экстремизма. Первый рассматривает экстремизм как следствие объективных социальных условий общества на фоне затянувшегося периода реформирования, рискогенности и неопределенности (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Ж.Т. Тощенко и др.); второй — через призму субъективных социально-психологических особенностей, состояний и поведения молодежи (Е.П. Олифиренко, А.В. Кузьмин, А.А. Козлов и др.); приверженцы третьего подхода приходят к проблеме межинституциональной обусловленности индивидуальной экстремальной деятельности (Е.О. Кубякин, В.В. Плотников, Ю.М. Антонян и др.) (по Рудь, Плотников, 2015).

Придерживаясь третьего подхода, мы понимаем экстремизм как социальное явление, возможное лишь в обществе с определенным уровнем развития социальных, как меж-, так и внутригосударственных, отношений (политических, экономических, правовых и т. д.), представленное экстремистской деятельностью группы, не сводящееся к личностным детерминантам делинквентности и экстремальности.

Для отдельно взятой личности принадлежность к экстремистскому сообществу выполняет очень важную функцию — формирование собственной социальной идентичности. Недаром именно молодежь является наиболее уязвимой к радикализации группой. Основная специфическая черта молодежи заключается в занимаемой промежуточной позиции между детством и взрослостью: молодой человек уже не ребенок, но еще не является полноценным носителем «взрослых» ролей (Курышева, 2014). Молодость как определенный возрастной этап связана с несколькими кризисами, основополагающим из которых является кризис

идентичности. Данный период характеризуется особым ощущением себя и мира, разнонаправленной активностью и противоречивыми чувствами: молодые люди ступают на путь определения себя и своего места в жизни, пробуют свои силы в разных областях, совмещают огромное количество социальных ролей и сопутствующих им действий, сталкиваются с трудностями и стрессами, конфликтами как внутри-, так и межличностными. Личность длительное время находится в состоянии высокого внутреннего напряжения, присущего этим переживаниям, что формирует неуверенность в себе, состояние личной несвободы, страх открытости миру, дискомфорт от жизни в неструктурированной, непредсказуемой реальности. Оказавшись в ситуации кризиса социальной самоидентификации, человек, зачастую неосознанно, старается это компенсировать, что может привести к вступлению в субкультурную группу, в которой социализация, чей вектор направлен от общества, продолжается, но рассогласуется с процессом индивидуализации (Сущенко, Жидяева, Самыгин, 2017). В соответствии с этим, экстремистская идеология выполняет ряд функций:

- идентификация (радикализация выступает как ресоциализация (Хорган, 2025). Неуверенность в себе побуждает индивида искать группу, в которой он становится более решительным, — это, как правило, группы с ярко выраженной идентичностью, наличием символики и атрибутики, дающие четкие указания о том, что и когда делать, ассоциирующиеся с характерными, однозначными, четко определенными и тесно связанными прототипами. Включенность в такую группу позволяет человеку приобрести социальную роль носителя идеи и обрести в этом смысл);

- удовлетворение потребности в когнитивной завершенности (идеология, будучи набором упорядоченных утверждений, весьма привлекательна для личности, характеризующейся закрытостью мышления, стремящейся избежать двусмысленности) (Хухлаев, Павлова, 2021);

- обеспечение аффилиации (человеку недостаточно просто сформировать статус, необходимо, чтобы его подтверждала и поддерживала группа, принимали окружающие; необходима реализация потребности в востребованности);

- снижение напряжения (идеология, в которой на все найдется ответ, присутствуют иерархия и шаблоны, как думать и что делать, — снимает ответственность и напряжение).

Неустойчивая часть молодежи одновременно продолжает борьбу за интеграцию собственной личности и стремится к обретению безопасности на основе иерархии и тесной включенности в группу, достигая таким образом определенности и ясности в кажущемся ей враждебным социальном мире. В случае радикальной идеологии ее конструкты не поддаются корректировке, любое противоречие с социальной средой воспринимается не как ресурс для развития, а как дефект самой среды.

Опасность экстремизма как социально-психологического явления выражается в дезорганизации общественного порядка, угрозе жизненно важным интересам гражданина и общества, охраняемым законом ценностям. Северный Кавказ уникален своей способностью сочетать традиционность и новшества, и вряд ли формирование и распространение экстремистских идей можно объяснить социальной аномией. Являясь полиэтническим регионом, — плотность компактного расселения этносов здесь одна из самых высоких в мире, — Северный Кавказ обладает объемным и колоритным набором традиций, устоев и

норм, отличающихся в каждом его уголке. Этот набор сформирован в ходе долгого исторического развития, включающего в себя и конфликты с другими этносами (Павлова, 2013). На долю Северного Кавказа выпало немало испытаний, в частности в конце XX — начале XXI века: Кавказский кризис и следующая за ним Чеченская война, конфликты в Адыгее, Ингушетии, вторая Чеченская кампания, до сих пор сохраняющийся территориальный спор между Ингушетией, Чечней и Северной Осетией, террористические акты, недавние волнения в Дагестане и другие события. Подобное не могло не оставить след в народном сознании.

Проблема: совокупность особенностей этнопсихологического аспекта и событий социального контекста последних десятилетий ставит вопрос о перспективе увеличения радикальных настроений и характере формирования экстремистских установок молодежи в СКР.

Актуальность мониторинга текущего социально-психологического состояния молодежи данного региона на предмет факторов повышения риска радикализации заключается в динамичном изменении социальной обстановки, что влечет за собой столь же динамичный ответ со стороны негативных социальных явлений.

Гипотеза исследования: для личности, имеющий риск быть подверженной воздействию экстремистских идей, характерны: повышенная личностная тревожность, уровень развития идентичности средний и ниже среднего, допустимость использования агрессии для достижения целей, восприятие внешнего мира как угрожающего, неадаптивные способы выражения недовольства и конформизм.

Наше внимание направлено на выделенные конструкты, поскольку:

- *тревожность* является маркером внутреннего напряжения, которое может исходить от потребности в когнитивной завершенности, потери личностной значимости, поиска определенности или от иного внутриличностного конфликта, которое имеет возможность реализации посредством вступления в группу, имеющую определенные нормативы поведения и мышления;

- *недостигнутая идентичность (средняя и ниже среднего)* побуждает индивида к поиску возможностей для ее достижения, а радикальные группы позволяют сделать это с меньшими усилиями;

- *допустимость использования агрессии для достижения целей* может говорить не только о личной готовности совершить насилие, но и о состоянии фрустрации, что, в свою очередь, может послужить смещению агрессии с непосредственного источника (например, неудачи в семье, учебе, карьере) на другие объекты (мигрантов, бездомных и т. д.);

- *восприятие внешнего мира как угрожающего* проявляется в непринятии инакомыслия, ожидании подвоха, стремлении объяснить поступки других людей низменными мотивами и снижением за счет этого ценности жизни другого человека, что является плодородной почвой для гонения групп «иных»;

- *неадаптивные способы выражения недовольства* служат внешним проявлением исключенности индивида из общества и приверженности деструктивным моделям поведения;

- *конформизм* выступает как подверженность давлению группы, слабость внутренних регуляторов поведения.

Совокупность этих факторов может говорить об уязвимости индивида перед риском радикализации.

Цель исследования: провести мониторинг актуального социально-психологического состояния молодежи Северного Кавказа, направленный на сопоставление особенностей текущего состояния и факторов формирования экстремистских идей.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе Северо-Кавказского региона. Выборка исследования состояла из 35 человек: 16 девушек и 19 парней, средний возраст 20,3 года. Данные собирались дистанционным способом, через Google-формы.

Для начала участникам было предложено заполнить социально-демографическую анкету, которая включала следующие вопросы: «Ваш пол», «Ваш возраст», «Регион Вашего преимущественного проживания», «Семейный статус» («свободен», «в отношениях»), «Ваша занятость» («учусь», «работаю», «учусь и работаю», «не учусь и не работаю»), «В какой сфере преимущественно осуществляется Ваша деятельность» («Человек — человек», «Человек — природа», «Человек — художественный образ», «Человек — техника», «Человек — знак»).

Для верификации гипотезы исследования нами были использованы следующие методики:

1. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов);

Данный опросник содержит в себе 11 шкал, отражающих диспозиции радикального поведения, и позволяет определить тенденцию и группу риска по склонности к экстремизму. В качестве утверждений выступают суждения о различных аспектах отношения к окружающим людям и социальным явлениям.

2. Методика изучения социальной идентичности (МИСИ);

В данной методике содержится 60 качеств, которые испытуемый может соотнести со своей жизнью. На основе соотношения социальных и асоциальных качеств определяется уровень развития социальной идентичности.

3. Шкала самооценки тревоги Шихана, SPRAS.

Данный опросник используется в диагностике тревожных расстройств — в частности, с целью определения уровня клинически значимой тревоги. Методика была выбрана из-за малого времени, требуемого на прохождение опроса, и преимущества косвенных вопросов над прямыми.

Для обработки результатов были применены частотный анализ и непараметрический корреляционный анализ. Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась посредством программ IBM SPSS Statistics 27 и Microsoft Excel.

Результаты

В результате частотного анализа по признаку тревожности получены следующие результаты: тревожность не выражена у 10 человек (28,5%), повышенный уровень тревожности — у 9 человек (25,7%), значительный уровень тревожности выявлен у 15 человек (42,8%), а признаки тревожного расстройства — у 1 человека (2,9%). В ходе

дальнейшего корреляционного анализа не выявлено значимых связей между тревожностью и шкалами методики Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова, так же как и не выявлены значимые связи между тревожностью и уровнем развития социальной идентичности.

В результате частотного анализа по признаку уровня развития идентичности низкий уровень обнаружен у 4 человек (11,4%), средний — у 8 человек (22,8%), оптимальный — у 14 (40%), а завышенный — у 9 (25,7%).

Согласно методике диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова, для того, чтобы попасть в группу риска по показателю, необходимо получить по нему 23 и более балла.

Таблица 1/ Table 1

Выявленные группы риска по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова
Identified risk groups according to the method of D.G. Davydov and K.D. Khlomov

№ п/п	Диспозиция/Disposition	% входящих в группу риска по диспозиции от общего числа участников / % of those at risk from the total number of participants
1	Кульť силы / The Cult of Power	14,2
2	Интолерантность/Intolerance	14,2
3	Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	17,1
4	Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	5,7
5	Антиинтрацепция / Anti-contraception	5,7
6	Конформизм/Conformity	8,5

Как видно из табл. 1, наиболее «заселенным» параметром является «Конвенциональное принуждение». По показателям «Допустимость агрессии», «Социальный пессимизм», «Мистичность», «Протестная активность», «Нормативный нигилизм» в группу риска не вошел ни один участник исследования.

Помимо группы риска также можно выделить тенденцию — показатели выше среднего по выборке (табл. 2).

Таблица 2/ Table 2

Статистические показатели по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова
Statistical indicators according to the methodology of D.G. Davydov and K.D. Khlomov

№ п/п	Диспозиция/Disposition	Ср. знач. / The average value	Станд. откл. / Standard deviation
1	Кульť силы / The Cult of Power	14,63	5,805
2	Допустимость агрессии / The permissibility of aggression	15,56	3,320
3	Интолерантность/Intolerance	13,04	5,065
4	Конвенциональное принуждение /	18,63	3,845

	Conventional coercion		
5	Социальный пессимизм / Social pessimism	16,59	2,531
6	Мистичность / Mystique	14,93	3,496
7	Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	17,04	3,216
8	Протестная активность / Protest activity	15,15	3,097
9	Нормативный нигилизм / Normative nihilism	13,81	2,632
10	Антиинтрацепция/Anti-contraception	16,44	3,178
11	Конформизм/Conformity	16,26	3,957

Как видно из табл. 3, большее количество людей попадает в тенденцию к группе риска по показателям «Конвенциональное принуждение», «Социальный пессимизм» и «Антиинтрацепция».

Рассмотрим, что под собой подразумевают диспозиции, выделяемые в используемой методике.

«*Культ силы*» выражает приверженность насилию как способу разрешения противоречий, мышлению категориями «сильный-слабый», «господство-подчинение», олицетворяет связь «насилие-статус» и идентификацию себя с образами, воплощающими силу.

«*Допустимость агрессии*» включает в себя не только осуществление насилия, но и личную готовность совершить его. Естественным следствием фрустрации является агрессия. Если непосредственно проявить агрессию в направлении фрустрирующих объектов человек не может из-за ожидаемых негативных последствий, то агрессивные импульсы сдерживаются, что может приводить к дополнительной фрустрации. Сдержанная агрессия обычно «смещается», направляется не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-либо другой объект, например мигрантов, бездомных и т. д.

«*Интолерантность*». Эта диспозиция включает в себя нетерпимость к «иному», стремление навязать окружающим свои взгляды любой ценой, потребность избежать когнитивного диссонанса и возможность снять ответственность за оценку других и выбор своего отношения к неоднозначным социальным ситуациям.

«*Конвенциональное принуждение*». Диспозиция выражается в приоритете ценности восстановления справедливости над другими гуманистическими ценностями, причем осуществление этой цели предполагается путем повышения жесткости требований к себе и другим; необходимости «знать своего врага», неспособности к многоконтекстуальному восприятию ситуаций социальной действительности.

«*Социальный пессимизм*» описывает предрасположенность воспринимать мир как мрачный, непредсказуемый и опасный, перекладывать на него свои внутренние неосознанные импульсы, придавать событиям будущего негативную окраску.

В основе шкалы «*Мистичность*» лежит бессознательный уход от ответственности, основанный на страхе перед реальностью. Выражается в стремлении объяснить

происходящее мистическими знаками и сакральными символами — простыми, но эмоционально яркими схемами.

«Деструктивность и цинизм» говорят о подозрительности при интерпретации поведения других, зачастую состоящей в объяснении поведения окружающих далекими от возвышенных потребностями. Диспозиция проявляется в снижении ценности жизни как собственной, так и других людей. Своя жизнь и жизнь окружающих легко могут быть принесены в жертву «идее».

«Протестная активность» представляет склонность к неадаптивной активности, поисковому поведению и поиску ощущений, которые не способны обеспечить традиционные социальные институты.

Для «Нормативного нигилизма» характерно демонстративное игнорирование норм и законов, в сочетании с презрением к тем, кто соблюдает установленные нормативы. В основе данной диспозиции лежит нерешенная потребность в персонализации.

В основе «Антиинтрацепции» лежит избегание собственной свободы, отрицание глубоких чувственных переживаний в угоду боязни неопределенности и угроз своему Я. Выражается в пренебрежительном отношении к фантазии, эмоциональности, гуманитарным наукам, искусству и возвышении физической реальности, простых идей и конкретных действий.

«Конформизм» же отражает подверженность давлению группы сверстников, слабость внутренних регуляторов поведения, готовность совершить правонарушение «за компанию». Основой диспозиции является потребность в принадлежности к «своей» социальной группе, «групповой сплоченности».

Таблица 3/ Table 3

Выявленные тенденции по методике Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова
Identified trends according to the methodology of D.G. Davydov and K.D. Khlomov

№ п/п	Диспозиция/Disposition	Кол-во человек / N	%
1	Культ силы / The Cult of Power	11	40,7
2	Допустимость агрессии / The permissibility of aggression	13	48,1
3	Интолерантность / Intolerance	12	44,4
4	Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	15	55,5
5	Социальный пессимизм / Social pessimism	15	55,5
6	Мистичность/Mystique	10	37
7	Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	12	44,4
8	Протестная активность / Protest activity	12	44,4
9	Нормативный нигилизм / Normative nihilism	10	37

Полушина М.Д. (2025)
 Социально-психологические предикторы формирования
 склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
 52—68.

Polushina M.D. (2025)
 Socio-psychological predictors of the formation of
 extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
 52—68.

10	Антиинтрацепция/Anti-contraception	15	55,5
11	Конформизм/Conformity	11	40,7

По большинству параметров тенденция к группе риска преобладает у представителей мужского пола. Исключение составляет показатель «Мистичность».

Таблица 4/ Table 4

Корреляционные связи для диспозиций насильственного экстремизма
Correlations for violent extremism dispositions

№ п/п	Корреляционная диада / Correlation dyad	Коэффициент корреляции Спирмена / Spearman Correlation Coefficient	Двухсторонний коэффициент значимости p / Two- way significance coefficient p
1	Пол — допустимость агрессии / Gender — tolerance of aggression	0,559	0,002
2	Пол — мистичность / Gender — mystique	-0,421	0,029
3	Пол — конформизм / Gender — conformity	0,682	0,034
4	Сфера деятельности: «Человек — человек» — конформизм / Scope of activity: “Man — Man” — conformity	0,450	0,019
5	Сфера деятельности: «Человек — природа» — культ силы / Scope of activity: “Man — Nature” — a cult of power	0,468	0,014
6	Сфера деятельности: «Человек — символ» — мистичность / Scope of activity: “Man — Symbol” — mysticism	0,565	0,002
7	Сфера деятельности: «Человек — художественный образ» — деструктивность и цинизм / Scope of activity: “Man — artistic image” — destructiveness and cynicism	0,391	0,044
8	Сфера деятельности: «Человек — техника» — протестная активность / Scope of activity: “Man — Technology” — protest activity	-0,483	0,011
9	Уровень развития социальной идентичности: низкий — протестная активность / Level of social identity	0,411	0,033

Полушина М.Д. (2025)
 Социально-психологические предикторы формирования
 склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
 52—68.

Polushina M.D. (2025)
 Socio-psychological predictors of the formation of
 extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
 52—68.

	development: low — protest activity		
10	Уровень развития социальной идентичности: средний — социальный пессимизм / Level of social identity development: average — social pessimism	0,421	0,029
11	Уровень развития социальной идентичности: средний — деструктивность и цинизм / Level of social identity development: average — destructive and cynical	0,448	0,019
12	Уровень развития социальной идентичности: оптимальный — конвенциональное принуждение / Level of social identity development: optimal — conventional coercion	-0,456	0,017
13	Уровень развития социальной идентичности: оптимальный — антиинтрацепция / Level of development of social identity: optimal — anti-intracception	-0,549	0,003
14	Уровень развития социальной идентичности: завышенный — конвенциональное принуждение / Level of development of social identity: high — conventional coercion	0,517	0,006

Согласно данным из табл. 4, присутствует заметная корреляционная связь между демографическим показателем «пол» и диспозициями «Допустимость агрессии» (преобладает у юношей), «Мистичность» (преобладает у девушек) и «Конформизм» (преобладает у юношей).

Помимо этого, обнаруживается значимая корреляционная связь между некоторыми шкалами: «Допустимость агрессии» связана с «Интолерантностью» (коэффициент корреляции = 0,835; $p = 0,001$), «Социальным пессимизмом» (коэффициент корреляции = 0,643; $p = 0,001$), «Протестной активностью» (коэффициент корреляции = 0,742; $p = 0,001$) и «Нормативным нигилизмом» (коэффициент корреляции = 0,684; $p = 0,001$); «Мистичность» связана с «Культом силы» (коэффициент корреляции = 0,677; $p = 0,001$).

Приведенные уровни социальной идентичности подразумевают под собой:

- *низкий* — у индивида отсутствует внутренняя убежденность в своем выборе, он совершается скорее окружением, чем самим человеком; выбор целей и ценностей осуществляется формально;

- *средний* — человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты; характерны высокая тревога, рефлексия и наличие культурных интересов;

- *оптимальный* — сформированная идентичность, характерен набор из личностно значимых целей, ценностей и убеждений, чувства направленности и осмысленности жизни, позитивного самоотношения, способности к стабильной связи с социумом, координации механизмов идентификации и обособления;

- *завышенный* — гиперидентичность, фиксация на сверхценной идее.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют частично подтвердить выдвинутую гипотезу:

- не выявлено значимых корреляций между уровнем тревожности и предрасположенностью к насильственному экстремизму;

- для молодых людей с оптимальным уровнем развития идентичности риск подверженности экстремистским идеям минимален; аналогично этому, он невысок и у тех, кто обладает псевдоидентичностью. Однако для представителей со средним уровнем идентичности данный риск возрастает. К сожалению, в рамках данной выборки невозможно оценить влияние низкого уровня развития идентичности из-за ограниченного числа его носителей;

- с высокой вероятностью можно утверждать, что более высокие показатели по шкале «Допустимость агрессии» коррелируют с увеличением значений по шкалам, отражающим неадаптивные способы взаимодействия с социальной реальностью и восприятие внешнего мира как угрожающего, таким как «Интолерантность», «Социальный пессимизм», «Протестная активность» и «Нормативный нигилизм». Также вероятно, что изменения по шкале «Мистичность» будут пропорциональны изменениям по шкале «Культь силы»;

- риск подвергнуться влиянию экстремистских идей выше у юношей, чем у девушек, и сопровождается тенденциями к допустимости агрессии и конформизму.

Полученные данные соотносятся с исследованиями других авторов, в которых отмечается ключевая роль неприятия неопределенности в связке с допустимостью и готовностью применения агрессии для разрешения затруднений (Беликова и др., 2022). В работе С.В. Пазухиной и соавторов (Пазухина и др., 2017) интолерантность в совокупности с пессимистичным взглядом на будущее и скептическим отношением к правилам и нормам выделяется как фактор риска радикализации молодежи, что подтверждается и в нашем исследовании. Но, в отличие от других исследователей (Мильчарек, 2019), нам не удалось установить корреляцию между уровнем тревожности и склонностью к принятию экстремистских установок.

В ходе исследования также была выявлена интересная связь между сферой деятельности и диспозициями, которая может говорить о том, какие проявления экстремистского поведения характерны для молодежи, предпочитающей ту или иную направленность деятельности.

Можно предположить, что связь, обнаруженная между конформизмом и предпочтением деятельности в сфере «Человек — человек», отражает последствия перехода от умеренных потребности в общении с другими людьми, стремления находить общий язык и умения

подстраиваться под собеседника к крайним формам: преимущество групповой идентичности над индивидуальной, совершение действий под воздействием «своей» группы.

То же наблюдается и в связке «Человек — знак» — «Мистичность». Человеку, взаимодействующему со знаками, важно уметь абстрагироваться от реальных, физических качеств объекта, но в то же время держать в голове, что за символами стоит определенное явление или предмет. «Мистичность» же подразумевает веру в некие символы, за которыми могут стоять различные объекты, изменяемые в зависимости от желаемой трактовки.

Деятельность в сфере «Человек — природа» предполагает не только наблюдение и описание природных объектов, но и уход за ними, прогнозирование их изменений, проведение манипуляций, направленных на их преобразование. Все это так или иначе подразумевает контроль. «Култ силы» также связан с контролем, но не тем, что достигается через рассудительность и планирование, а тем, что реализуется силой и образами, воплощающими силу.

Отрицательная связь между сферой «Человек — художественный образ» и «Култом силы» может говорить о том, что творческое мышление и воображение мало сопоставимо с контролем, особенно контролем силой. Также отрицательная связь обнаруживается между сферой «Человек — техника» и диспозицией «Протестная активность» и может свидетельствовать о том, деятельность, связанная с техникой, подразумевает приверженность четким алгоритмам, в то время как «Протестная активность» подразумевает риск, бессистемность и беспорядочность.

Заключение

В рамках нашего исследования проведен мониторинг молодежи Северного Кавказа, в ходе которого мы смогли соотнести встречающиеся в теоретических трудах факторы формирования экстремистских идей и особенности текущего социально-психологического состояния. По итогу нам удалось найти подтверждение нашей гипотезы в том, что риск подверженности влиянию экстремистских идей выше для тех, чей уровень идентичности ниже оптимального (корреляционная диада «Низкий уровень — протестная активность», $r = 0,411$, $p \leq 0,05$; корреляционная диада «Средний уровень — социальный пессимизм», $r = 0,421$, $p \leq 0,05$; корреляционная диада «Средний уровень — деструктивность и цинизм», $r = 0,448$, $p \leq 0,05$), для кого использование агрессии для достижения целей и неадаптивных способов для выражения недовольства допустимы, а внешний мир представляется угрожающим. Не удалось подтвердить влияние уровня тревожности на предрасположенность к насильственному экстремизму.

Ограничения. Подобные исследования должны проводиться на более широких выборках. Дистанционный способ сбора данных сказывается на мотивации прохождения исследования, возможности создания доверительной обстановки.

Limitations. Such studies should be conducted on larger samples. The remote method of data collection affects the motivation to participate in the study and the ability to create a trusting environment.

Перспективы исследования. Данные, полученные нами, могут положить начало разработке программ более результативных и углубленных исследований по теме и требуют

дальнейшего изучения на большей по численности выборке, а перспективу подобного исследования составляют включение в анализ большего количества влияющих переменных и построение психодиагностического инструментария с преимуществом косвенных вопросов и ассоциаций.

Research prospects. The data we obtained can serve as the basis for developing more effective and in-depth research programs on this topic and require further investigation with a larger sample. The prospects for such research include incorporating more influencing variables into the analysis and constructing a psychodiagnostic tool that utilizes indirect questions and associations for greater effectiveness.

Список источников / References

1. Баева, Л.В. (2012). Антиглобализм и проблема фальсификации данных. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 326—333.
 Baeva, L.V. (2012). Antiglobalism and the Problem of Data Falsification. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 326—333. (In Russ.).
2. Беликова, Е.В., Ефремов, Е.Г., Ефремова, Н.А., Кубарев, В.С., Мильчарек, Н.А., Мильчарек, Т.П., Сенькова, В.И., Френкель, М.В., Цветкова, О.А. (2022). Выраженность черт личности экстремистской направленности у старшеклассников. *Психолог*, 1, 53—71.
<https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.1.36823>
 Belikova, E.V., Efremov, E.G., Efremova, N.A., Kubarev, V.S., Milcharek, N.A., Milcharek, T.P., Senkova, V.I., Frenkel, M.V., Tsvetkova, O.A. (2022). The Expression of Personality Traits of an Extremist Orientation in High School Students. *Psychologist*, 1, 53—71. (In Russ.)
<https://doi.org/10.25136/2409-8701.2022.1.36823>
3. Бовина, И.Б., Бовин, Б.Г., Тихонова, А.Д. (2020). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I). *Психология и право*, 10(3), 120—142.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
 Bovina, I.B., Bovin, B.G., Tikhonova, A.D. (2020). Radicalization: A Social Psychological Perspective (Part I). *Psychology and Law*, 10(3), 120—142. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
4. Давыдов, Д.Г., Хломов, К.Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 1(14).
 Davydov, D.G., Khlomov, K.D. (2017). Methodology for Diagnosing Dispositions of Violent Extremism. *Psychological Diagnostics*, 1(14). (In Russ.).
5. Злоказов, К.В. (2014). Деструктивность и идентичность личности. *Антиномии*, 14(1), 61—73.
 Zlokazov, K.V. (2014). Destructiveness and Personality Identity. *Antinomies*, 14(1), 61—73. (In Russ.).
6. Кубякин, Е.О. (2011). Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства. *Власть*, 3, 59—63.
 Kubyakin, E.O. (2011). Socialization of Russian Youth in the Context of Globalization of the Information Space. *Vlast*, 3, 59—63. (In Russ.).
7. Курышева, О.В. (2014). Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы. *Logos et Praxis*, 1, 67—75.

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

- Kuryshcheva, O.V. (2014). Psychological Characteristics of Youth as an Age Group. *Logos et Praxis*, 1, 67—75. (In Russ.).
8. Мещерякова, Э.И., Ларионова, А.В., Карелин, Д.В., Козлова, Н.В. (2018). Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании. *Психология и право*, 8(3), 123—134. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080309>
Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V., Karelin, D.V., Kozlova, N.V. (2018). Extremist Orientation of Personality in Legal and Psychological Knowledge. *Psychology and Law*, 8(3), 123—134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080309>.
9. Мильчарек, Т.П., Мильчарек, Н.А. (2019). Психодиагностический опросник «Комплекс воина» в системе выявления психологического комплекса экстремиста. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 4, 35—42.
Milcharek T. P., Milcharek N. A. (2019). Psychodiagnostic Questionnaire “Warrior Complex” in the System of Identifying the Psychological Complex of an Extremist. *Bulletin of Omsk University. Series “Psychology”*, 4, 35—42. (In Russ.).
10. Муращенкова, Н.В. (2012). Структура социальных представлений молодежи об экстремизме и патриотизме. *Современные исследования социальных проблем*, 12.
Murashchenkova, N.V. (2012). The Structure of Social Representations of Youth on Extremism and Patriotism. *Modern research on social issues*, 12. (In Russ.).
11. Муращенкова, Н.В. (2024). Психологическое состояние российской студенческой молодежи в условиях кризиса: связь с культурным и политическим патриотизмом. *Психологическая наука и образование*, 29(4), 63—73. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290405>
Murashchenkova, N.V. (2024). Psychological state of Russian student youth in the crisis: The Relationship with cultural and political patriotism. *Psychological Science and Education*, 29(4), 63—73. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290405>
12. Павлова, О.С. (2013). *Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета*. М.: ООО «Сам Полиграфист».
Pavlova, O.S. (2013). *The Chechen Ethnos Today: Features of a Socio-Psychological Portrait*. Moscow: ООО Sam Poligrafist. (In Russ.)
13. Пазухина, С.В., Романова, Е.В., Туревская, Е.И., Хвалина, Н.А. (2017). Коммуникативная толерантность как личностный ресурс в системе профилактики экстремизма в молодежной среде. *Психология и психотехника*, 1, 103—116. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.1.23211>
Pazukhina, S.V., Romanova, E.V., Turevskaya, E.I., Khvalina, N.A. (2017). Communicative Tolerance as a Personal Resource in the System of Extremism Prevention among Young People. *Psychology and Psychotechnics*, 1, 103—116. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.1.23211>
14. Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи / Джон Хорган ; Пер. с англ. Москва : Альпина Паблишер, 2025.
The Psychology of a Terrorist: Why People Start Killing for an Idea / John Horgan ; Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2025. (In Russ.)
15. Рудь, М.Ю., Плотников, В.В. (2015). Современные подходы к исследованию экстремизма как социального явления. *Общество и право*, 2, 318—322.

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

- Rud, M.Yu., Plotnikov, V.V. (2015). Modern approaches to the study of extremism as a social phenomenon. *Society and Law*, 2, 318—322. (In Russ.).
16. Сущенко, С.А., Жидяева, Е.С., Самыгин, С.И. (2017). Экстремизм в среде российской молодежи: социальные и психологические истоки возникновения. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10, 71—74.
Sushchenko, S.A., Zhidyayeva, E.S., Samygin, S.I. (2017). Extremism among Russian Youth: Social and Psychological Origins. *Humanities, Social Sciences, and Economics*, 10, 71—74. (In Russ.).
17. Хухлаев, О.Е., Павлова, О.С. (2021). «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов. *Социальная психология и общество*, 12(3), 87—102. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307>
Khukhlaev, O.E., Pavlova, O.S. (2021). “I Know that I don’t Know Anything.” Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization. *Social Psychology and Society*, 12(3), 87—102. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120307>
18. Экстремизм и его причины: монография / Ю.М. Антонян и др. ; под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Логос, 2010.
Extremism and Its Causes: A Monograph / Yu.M. Antonyan et al.; edited by Yu.M. Antonyan. Moscow: Logos, 2010. (In Russ.).
19. Экстремизм как социальное явление: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки бакалавриата «Политология» / А.Ю. Ильин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет». Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2020.
Extremism as a Social Phenomenon: A Textbook for Students of the Bachelor's Degree Program in Political Science / A.Yu. Ilyin; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Petrozavodsk State University. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House, 2020. (In Russ.).

Информация об авторах

Мария Дмитриевна Полушина, студентка 5 курса, факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2954-4485>, e-mail: m.bezmedvedya@mail.ru

Information about the authors

Maria D. Polushina, Fifth-Year Student, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2954-4485>, e-mail: m.bezmedvedya@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Полушина М.Д. (2025)
Социально-психологические предикторы формирования
склонности к экстремистским установкам у молодежи
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4),
52—68.

Polushina M.D. (2025)
Socio-psychological predictors of the formation of
extremist attitudes among young people
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4),
52—68.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этической комиссией Ученого Совета факультета «Экстремальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета (протокол № 1 от 28.08.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the Academic Council of the Department of Extreme Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (report no. 1, 2025/08/28).

Поступила в редакцию 20.09.2025
Поступила после рецензирования 27.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.09.20
Revised 2025.11.27
Accepted 2025.12.07
Published 2025.12.30

Научная статья | Original paper

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships

V. Kaplan¹✉

¹ Harran University, Sanliurfa, Turkey

✉ vyslkpln@hotmail.com

Abstract

Context and relevance. Adolescence is a critical period for individuals to gain emotional independence and develop their social identity. The quality of family relationships has a decisive influence on the co-dependency tendencies that develop during this period. **Objective.** The purpose of this study is to examine the relationship between adolescents' codependency levels and family relationships. **Hypothesis.** There is a significant relationship between adolescents' codependency levels and family relationships. **Methods and materials.** This descriptive cross-sectional study was conducted in a high school in a city in Turkey during the 2024–2025 academic year. The study sample consisted of students enrolled at the specified school who volunteered to participate. The data were obtained through a Personal Information Form, the Composite Codependency Scale (CCS), and the Adolescent–Parent Relationship Quality Scale (APRQ). Descriptive statistics, t-tests, ANOVA, and correlation analyses were used in data analysis. **Results.** According to the research findings, adolescents' codependency levels differ significantly according to gender, parental education level, economic status, and perceived family-friend relationship level. Male students had higher codependency levels than female students, and as parental education level and economic status improved, codependency scores decreased. **Conclusions.** The results suggest that family communication and parenting styles play a decisive role in supporting adolescents' psychosocial development. Interventions aimed at strengthening family interactions and supporting adolescents' independence are believed to make significant contributions to reducing the risks associated with codependency.

Keywords: adolescence, codependency, family relationships, parental education, socioeconomic status, psychosocial development

Funding. This study has received no grants from any funding agency in the public, commercial or social-profit sectors.

For citation: Kaplan, V. (2025). The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 69–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020405>

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 69—85.

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

В. Каплан¹✉

¹ Университет Харран, Шанлыурфа, Турция

✉ vyslkpln@hotmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Подростковый возраст – важный период, когда человек становится эмоционально независимым и формирует свою социальную идентичность. В этот период особенно сильно влияет качество семейных отношений, которое может способствовать развитию созависимых склонностей у детей. **Цель.** Целью данного исследования является изучение взаимосвязи между уровнями созависимости подростков и семейными отношениями. **Гипотеза.** Существует значимая взаимосвязь между уровнями созависимости подростков и семейными отношениями. **Методы и материалы.** Это описательное поперечное исследование было проведено в средней школе в Турции в течение 2024–2025 учебного года. Выборка исследования состояла из учащихся школы, которые добровольно согласились принять участие. Данные были получены с помощью формы личной информации, комплексной шкалы созависимости (CCS) и шкалы качества отношений между подростками и родителями (APRQ). При анализе данных использовались описательная статистика, t-критерии, дисперсионный анализ ANOVA и корреляционный анализ. **Результаты.** Согласно результатам исследования, уровень созависимости у подростков существенно различается в зависимости от пола, уровня образования родителей, экономического положения и уровня восприятия семейных и дружеских отношений. У мальчиков уровень созависимости был выше, чем у девочек, а с улучшением уровня образования родителей и экономического положения показатели созависимости снижались. **Выводы.** Результаты свидетельствуют о том, что семейное общение и стили воспитания играют решающую роль в поддержке психологического и социального развития подростков. Предполагается, что мероприятия, направленные на укрепление семейных взаимоотношений и поддержку независимости подростков, значительно способствуют снижению рисков, связанных с созависимостью.

Ключевые слова: подростковый возраст, созависимость, семейные отношения, родительское образование, социально-экономический статус, психосоциальное развитие

Финансирование. Данное исследование не получало грантов от каких-либо финансирующих организаций государственного, коммерческого или общественно-коммерческого секторов.

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 69—85.

Для цитирования: Каплан, В. (2025). Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 69—85. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020405>

Introduction

Codependency is the tendency to sacrifice oneself for the needs and behaviors of another in close relationships. Defined as focusing on the other person at the expense of one's own self, this concept originates from the dynamics of families with alcohol/substance addiction (Whitfield, 1989). Individuals with codependency often neglect their own needs and desires, focusing on maintaining control of the relationship and pleasing the other person (Kaplan, 2023; Ünver, Esen, Üşkümen, 2024). This situation poses risks for an individual's identity development and self-integrity, as healthy psychological development requires the ability to define oneself and set boundaries. The literature emphasizes the role of inadequate self-separation and unhealthy family dynamics in the emergence of codependency (Knudson, Terrell, 2012). For example, family-based problems, such as childhood neglect and abuse or unclear parental roles, increase adolescents' risk of developing dependent relationship patterns later in life (Şimşek, Öncü, Kabil, 2020; Ünver, Esen, Üşkümen, 2024).

Adolescence involves important developmental tasks such as healthy identity formation, the acquisition of autonomy, and emotional maturation. During this period, young people are in the process of separating from their parents and establishing their own values and goals. From a sociocultural perspective, identity development is completed in the final phase of adolescence, and a sense of identity is achieved in its entirety (Yavuz, Özmete, 2012). Furthermore, adolescents develop independent decision-making skills and an increased capacity to regulate their emotions. Positive outcomes of autonomy development include high self-esteem, a good sense of self, and overall well-being (Özdemir, Çok, 2011). From this perspective, the adolescent's process of gaining identity and autonomy can conflict with co-dependent relationships. A teenager with a tendency toward codependency may struggle to develop an authentic identity because they prioritize their own needs and over-identify with the feelings of others. Dependent attitudes weaken an adolescent's personal boundaries and hinder individual decision-making. Therefore, codependency relationships can negatively impact an adolescent's pursuit of autonomy and emotional individuation. Indeed, many studies have indicated that maintaining a healthy relationship with their family while striving for autonomy has a positive impact on adolescents' mental health and well-being (Özdemir, Çok, 2011).

Family relationships and family functioning are key determinants of adolescent development. The family provides physical and emotional security for adolescents, paving the way for identity formation; otherwise, conflict and adjustment problems can occur. Research shows that healthy family environments, where communication is open and supportive and roles are clearly defined, increase children's self-confidence and sense of responsibility (Karaca et al., 2013). For example, in a study of high school students, Şimşek reported that a perceived family dysfunction was associated with suicidal ideation and attempts in adolescents; this finding emphasizes the importance of family functioning for psychosocial development and mental health during adolescence. When family functioning is weak, adolescents grow up in an environment characterized by frequent conflict, diminished trust, and overly controlling or indifferent parental attitudes. This can disrupt adolescents' emotional stability and increase their susceptibility to dependent relationships. Codependency

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 69—85.

theories also encode deficiencies in conflict resolution skills and excessive mutual self-sacrifice—in other words, extremes in empathy—in family systems (Oakley, 2013). In short, the attitudes and functionality of family relationships strongly influence both the adolescent's identity development and self-integrity.

In the Turkish context, family structure and societal values provide an important framework shaping adolescent-family interactions. Traditionally, family ties are strong in Turkish society, and the approval of relatives and parents is crucial for individual decisions (Özdemir, Çok, 2011). Parental influence is particularly pronounced in young people's choices, especially in rural and traditional communities; it is reported that children and young people growing up in these environments have lower levels of autonomy, and their lives are shaped by their parents' wishes (Özdemir, Çok, 2011). Conversely, as urbanization and education levels increase, adolescents' self-confidence and autonomy levels increase. Parenting styles in Turkey generally tend to be protective and authoritarian; these attitudes can hinder independent decision-making in young people and lead to feelings of excessive dependence on their parents. Furthermore, the collectivist structure and hierarchical values of society can create an atmosphere that limits young people's search for individual identity. Considering all these points, the impact of family relationships on the emotional and social development of adolescents in Turkey may differ significantly from global averages.

In summary, the literature emphasizes that adolescents' family dynamics are decisive in their self-development and independence (Özdemir, Çok, 2011; Şimşek, 2005). In this context, existing research indicates that unhealthy family functioning and attitudes can pave the way for the development of unhealthy attachment relationships in young people. The purpose of this study is to reveal the relationship between adolescents' codependency levels and family relationships in Turkey. In this context, the study will investigate the links between adolescents' codependency tendencies and family functioning, parenting attitudes, and family communication patterns. Thus, the aim is to obtain new findings on relationship patterns from a holistic perspective that considers both adolescent development and family dynamics.

Materials and methods

This research was designed using a descriptive, quantitative research method. It aims to describe the relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

The research was conducted at a high school in a province located in southeastern Turkey. Due to its location, the school has a student profile that reflects both rural and urban characteristics. This allows for diversity in terms of adolescents' family structures, parenting styles, and social relationships. Furthermore, the students' ages and developmental levels directly align with the research topic. The research period was conducted between October and December 2024, during the 2024–2025 academic year.

The population of this research consisted of all students enrolled in a high school, during the 2024–2025 academic year ($N = 270$). Of these, 188 students were reached, and 171 provided complete and valid responses to the study instruments.

A non-probability, convenience sampling method was used in sample selection. All students who volunteered to participate and met the inclusion criteria (e.g. being currently enrolled, providing informed consent, and having parental approval for participation) were included in the sample.

No a priori power analysis was conducted because the aim was to reach the maximum number of eligible students within the target school.

Reasons for non-participation primarily included absence on data collection days and incomplete parental consent forms.

All students who volunteered to participate in the study and met the inclusion criteria were included in the study. Inclusion criteria were:

- Students who were currently studying at school at the time the study was conducted;
- Students who had no communication disabilities in terms of hearing, speaking, or understanding;
- Students who volunteered to participate in the study.

Data were collected using a Personal Information Form, the Composite Codependency Scale (CCS), and the Adolescent-Parent Relationship Quality Scale (APRQ).

Personal Information Form: This form, developed by the researcher, included a total of 16 questions regarding participants' age, gender, grade, family type, mother and father's education level, parental occupations, economic status, number of siblings, academic achievement, and perceived parent-friend relationships.

Composite Codependency Scale (CCS): The scale was created as a combination of many scales related to codependency and was developed by Marks (2012) to measure the codependency levels of individuals and adapted to Turkish by Ulusoy and Güçray (2017). The scale is a 5-point Likert-type scale (1=completely disagree, 5=completely agree). The minimum score is 15 and the maximum score is 95. High scores obtained from the scale indicate a high level of codependency. The scale consists of 19 items with 3 sub-dimensions. The 3 dimensions determined are as follows: (1) Emotional suppression, (2) Self-sacrifice, (3) Interpersonal control. As a result of reliability analyses, Cronbach's alpha value was found to be 0,75 for dimension 1, 0,76 for dimension 2, and 0,61 for dimension 3. The Cronbach's alpha value for the overall scale was determined to be 0,75. The Cronbach's alpha value obtained from the scales in the study is 0,71.

Adolescent-Parent Relationship Quality Scale (APRQ): The scale consists of 27 items developed by Aktaş (2017) to measure the quality of high school students' relationships with their parents and is applied to high school students. Adolescent-parent relationships scale is answered on a Likert-type, five-point scale. High school students choose the most appropriate rating from the options "Not at all appropriate, not appropriate, partially appropriate, appropriate, completely appropriate". The total score that can be obtained from the scale varies between 27 and 135. Since three of the 27 items in the scale are reversed items, they are scored in reverse. A high score on the scale means that adolescents perceive their relationship with their parents positively. The scale consists of four factors: "support, sharing, closeness and monitoring". The total Cronbach's alpha value of the scale was found to be 0,95 (Aktaş, 2017). The Cronbach's alpha value obtained from the scales in the study is 0,82.

Data collection tools were administered to students who volunteered to participate in the study in a classroom setting. The researcher provided support and explanations to the students during the survey administration, and the forms were collected in the same session.

Descriptive statistics were used for data analysis. For numerical variables, mean \pm standard deviation or median (min–max), and for categorical variables, number and percentage (%) were used. Independent samples t-tests were used for comparisons between two groups, and one-way ANOVA was used for comparisons involving three or more groups. Pearson correlation was used for relationships between continuous variables. Statistical significance was set at $p < 0,05$.

This research was conducted in accordance with scientific and ethical principles. Ethical approval was obtained from a university's Social and Human Sciences Ethics Board for the study (Protocol Number: E-76244175-050.01.01-156586). Besides, the necessary permissions were obtained from the school administration where the research was conducted. All students participating in the study were included on a voluntary basis. Participants were provided detailed information about the purpose, scope, confidentiality policies, and that the data would be used solely for scientific purposes; data were collected anonymously. Participants' identities were kept confidential, and they were clearly informed that they could withdraw from the study at any time.

Results

Data on the sociodemographic characteristics of the participants, as a result of the analyses, are presented in Table 1. Accordingly, the mean age of the adolescents in the study group was 15,28 (SD = 1,19), with an age range of 14 to 18. Furthermore, it was determined that 75,4% of the participants were female ($n = 129$), 24,6% were male ($n = 42$), 38,6 % of participants' mothers were primary school graduates ($n = 66$), and 54,4 % of participants described their family relationships as "good" ($n = 93$).

Table 1

Sociodemographic characteristics of adolescents

Characteristics		n	%
Age		15,28 \pm 1,19 (Min:14 Max:18)	
Gender	Male	42	24,6
	Female	129	75,4
Mother's education	Illiterate	18	10,5
	Primary school	66	38,6
	High school	42	24,6
	University	45	26,3
Father's education	Illiterate	3	1,8
	Primary school	81	47,4
	High school	36	21,1
	University	51	29,8
	Good	39	22,8

Family economic status	Average	120	70,2
	Poor	12	7
Family relationships	Good	93	54,4
	Average	69	40,4
	Poor	9	5,3
Friend relationships	Good	99	57,9
	Average	63	36,8
	Poor	9	5,3

As a result of the analyses, the data regarding the scores obtained from the scales are presented in Table 2. Accordingly, the total mean score of the Composite Codependency Scale was found to be $54,91 \pm 8,41$. The mean scores of the sub-dimensions of the scale were determined as $17,31 \pm 2,74$ for Emotional Suppression, $23,17 \pm 4,84$ for Self-sacrifice and $14,42 \pm 3,61$ for Interpersonal Control. While the total mean score of Adolescent-Parent Relationship Quality Scale was $97,07 \pm 21,73$, the sub-dimensions were support $47,94 \pm 10,66$, closeness $15,82 \pm 2,01$, monitoring $10,70 \pm 3,51$, and sharing $22,59 \pm 8,76$.

Table 2

Average scores of adolescents on scales

Scales		($\bar{X} \pm SD$)
Composite Codependency Scale		$54,91 \pm 8,41$
Sub-dimensions of Composite Codependency Scale	Emotional suppression	$17,31 \pm 2,74$
	Self-sacrifice	$23,17 \pm 4,84$
	Interpersonal control	$14,42 \pm 3,61$
Adolescent-Parent Relationship Quality Scale		$97,07 \pm 21,73$
Sub-dimensions of Adolescent-Parent Relationship Quality Scale	Support	$47,94 \pm 10,66$
	Closeness	$15,82 \pm 2,01$
	Monitoring	$10,70 \pm 3,51$
	Sharing	$22,59 \pm 8,76$

As a result of the analyses, the comparison data regarding the participants' sociodemographic characteristics and scale scores are presented in Table 3. Accordingly, the mean codependency score was found to be significantly ($t = -2,887$, $p = 0,05$) higher in male ($\bar{X} = 58,20$) adolescents than in females ($\bar{X} = 53,73$). This difference was particularly pronounced in the "self-sacrifice" subscale ($p < 0,001$). As the mother's education level increased, codependency levels tended to decrease. Significant differences were found between the groups in the total codependency score ($F = 3,735$, $p = 0,012$) and the subscales "emotional suppression" ($F = 15,617$, $p < 0,001$), "self-sacrifice" ($F = 6,636$, $p < 0,001$), and "interpersonal control" ($F = 4,918$, $p = 0,003$). Additionally, significant differences were observed in the total score of the Family Relations Scale ($F = 5,569$, $p = 0,001$) and all of its subscales (support, closeness, monitoring, sharing) (all $p < 0,001$). Similarly, as the father's

education level increased, significant differences emerged in the levels of codependency, particularly "self-sacrifice" ($F = 6,540$, $p < 0,001$) and "interpersonal control" ($F = 9,079$, $p < 0,001$). The total score of the Family Relations Scale ($F = 16,871$, $p < 0,001$) and its subscales (support, closeness, monitoring, sharing) also differed significantly according to the father's education level.

As the family's economic level decreased, increases were observed in both codependency scores ($F = 17,860$, $p < 0,001$) and family relations scores ($F = 17,882$, $p < 0,001$). It was particularly notable that adolescents with lower economic status had higher codependency and family relationship scores. This difference was statistically significant across all subscales (all $p < 0,001$).

Adolescents who evaluated their family relationships as "good" had lower "emotional suppression" ($F = 9,917$, $p < 0,001$) and "self-sacrifice" ($F = 23,864$, $p < 0,001$) scores, while their family relationship scores were significantly higher (total score: $F = 123,311$, $p < 0,001$). However, no significant difference was found in the total codependency score or the "interpersonal control" subscale based on family relationship quality ($p > 0,05$). Participants who rated their friendships as "good" had lower scores for "emotional suppression" ($F = 14,927$, $p < 0,001$), "self-sacrifice" ($F = 13,482$, $p < 0,001$), and "interpersonal control" ($F = 6,855$, $p = 0,010$). Individuals in this group also scored significantly higher on the family relations scale (total score: $F = 92,568$, $p < 0,001$). The difference for the "closeness" subscale was statistically significant ($p = 0,060$). No significant difference was observed based on the level of friendship in terms of the total codependency score ($p = 0,713$).

Table 3

Comparison of adolescents' sociodemographic characteristics and scale scores

		CCS	Emotional suppression	Self-sacrifice	Interpersonal control	APRQ	Support	Closeness	Monitoring	Sharing
Gender	Female (126)	53,73 ± 1,17	17,26 ± 2,66	22,21 ± 4,26	14,26 ± 3,62	96,04 ± 24,01	47,02 ± 11,79	15,28 ± 2,04	11,59 ± 3,7	22,14 ± 9,05
	Male (45)	58,2 ± 0,44	17,46 ± 2,99	25,86 ± 5,4	14,86 ± 3,61	99,93 ± 13,62	50,53 ± 5,92	17,33 ± 0,79	8,2 ± 0,4	23,86 ± 7,83
		t = -2,88 p = 0,05	t = -0,40 p = 0,68	t = -4,10 p = 0,00	t = -0,96 p = 0,33	t = -1,33 p = 0,18	t = -2,55 p = 0,01	t = -9,40 p = 0,00	t = 10,11 p = 0,00	t = -1,21 p = 0,22
Mother's education	Illiterate (18)	59,16 ± 5,89	18,16 ± 3,72	25,66 ± 3,44	15,33 ± 0,97	101,33 ± 16,24	49,66 ± 9,0	15,5 ± 0,78	11,83 ± 2,25	24,33 ± 5,2
	Primary school (66)	53,27 ± 9,31	16,5 ± 2,6	21,27 ± 4,32	15,5 ± 4,08	97,45 ± 23,39	49,45 ± 11,12	14,77 ± 2,29	11,68 ± 3,17	21,54 ± 9,11

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 69—85.

	High school (42)	57,0 ± 10,3	19,35 ± 1,73	24,14 ± 6,76	13,5 ± 2,93	86,71 ± 25,0	42,21 ± 12,15	17,07 ± 0,97	8,64 ± 4,0	17,87 ± 9,81
	University (45)	53,66 ± 3,95	16,26 ± 2,13	24,06 ± 2,51	13,33 ± 3,66	104,46 ± 12,87	50,4 ± 6,73	15,82 ± 2,01	10,73 ± 3,16	27,0 ± 6,07
		F = 3,73 p = 0,01	F = 15,61 p = 0,00	F = 6,63 p = 0,00	F = 4,91 p = 0,003	F = 5,56 p = 0,001	F = 5,90 p = 0,001	F = 15,68 p = 0,00	F = 7,99 p = 0,00	F = 7,83 p = 0,00
Father's education	Illiterate (3)	69,0 ± 0,01	20,0 ± 0,01	31,0 ± 0,01	18,0 ± 0,01	78,0 ± 0,01	36,0 ± 0,01	11,0 ± 0,01	13,0 ± 0,01	18,0 ± 0,01
	Primary school (81)	55,70 ± 8,60	17,59 ± 3,01	23,40 ± 5,91	14,70 ± 2,89	87,59 ± 23,64	43,25 ± 11,81	15,40 ± 2,22	9,85 ± 3,76	19,07 ± 8,98
	High school (36)	49,41 ± 7,04	16,58 ± 2,24	20,83 ± 3,55	12,0 ± 2,58	112,91 ± 6,44	54,58 ± 2,5	16,0 ± 1,43	13,66 ± 1,82	28,66 ± 5,17
	University (51)	56,70 ± 7,02	17,23 ± 2,58	24,0 ± 2,59	15,47 ± 4,49	102,05 ± 17,57	51,41 ± 8,42	16,64 ± 1,42	9,82 ± 2,92	24,17 ± 7,91
		F = 10,42 p = 0,00	F = 2,135 p = 0,098	F = 6,54 p = 0,00	F = 9,07 p = 0,00	F = 16,87 p = 0,00	F = 16,42 p = 0,00	F = 11,64 p = 0,00	F = 14,29 p = 0,00	F = 13,33 p = 0,00
Family economic status	Good (39)	56,07 ± 11,18	16,30 ± 3,35	26,92 ± 5,29	12,84 ± 3,04	107,76 ± 8,01	54,07 ± 4,06	17,0 ± 0,97	9,92 ± 2,90	26,76 ± 5,153
	Average (120)	53,32 ± 6,5	17,37 ± 2,47	21,67 ± 4,11	14,27 ± 3,24	91,4 ± 23,14	44,75 ± 10,95	15,32 ± 2,15	10,52 ± 3,59	20,8 ± 9,5
	Bad (12)	67,0 ± 0,01	20,0 ± 0,01	26,0 ± 0,01	21,0 ± 0,01	119,0 ± 0,01	60,0 ± 0,01	17,0 ± 0,01	15,0 ± 0,01	27,0 ± 0,01
		F = 17,86 p = 0,00	F = 9,17 p = 0,00	F = 24,89 p = 0,00	F = 32,33 p = 0,00	F = 17,88 p = 0,00	F = 25,00 p = 0,00	F = 14,28 p = 0,00	F = 11,26 p = 0,00	F = 9,28 p = 0,00

Family relationships	Good (93)	56,09 ± 10,54	16,93 ± 3,31	25,16 ± 4,78	14,0 ± 4,02	110,61 ± 13,44	54,03 ± 6,67	16,58 ± 1,41	12,19 ± 3,07	27,8 ± 5,70
	Average (69)	53,56 ± 4,70	17,34 ± 1,41	21,17 ± 3,84	15,04 ± 3,19	85,08 ± 15,29	43,26 ± 7,41	14,65 ± 2,25	9,69 ± 2,49	17,47 ± 7,48
	Bad (9)	53,0 ± 0,01	21,0 ± 0,01	18,0 ± 0,01	14,0 ± 0,01	49,0 ± 0,01	21,0 ± 0,01	17,0 ± 0,01	3,0 ± 0,01	8,0 ± 0,01
		F = 2,06 p = 0,13	F = 9,91 p = 0,00	F = 23,86 p = 0,00	F = 1,72 p = 0,18	F = 123,31 p = 0,00	F = 123,15 p = 0,00	F = 25,14 p = 0,00	F = 52,57 p = 0,00	F = 77,20 p = 0,00
Friend relationships	Good (99)	54,78 ± 10,65	16,6 ± 3,09	24,5 ± 5,30	13,63 ± 3,87	108,63 ± 16,01	53,30 ± 7,22	16,09 ± 2,09	12,06 ± 3,12	27,18 ± 6,50
	Average (63)	55,38 ± 3,70	17,9 ± 1,55	21,76 ± 3,32	15,71 ± 3,08	85,76 ± 14,51	43,38 ± 7,54	15,23 ± 1,88	9,66 ± 2,41	17,47 ± 7,23
	Bad (9)	53,0 ± 0,01	21,0 ± 0,01	18,0 ± 0,01	14,0 ± 0,01	49,0 ± 0,01	21,0 ± 0,01	17,0 ± 0,01	3,0 ± 0,01	8,0 ± 0,01
		F = 0,33 p = 0,71	F = 14,92 p = 0,00	F = 13,48 p = 0,00	F = 6,85 p = 0,01	F = 92,56 p = 0,00	F = 103,84 p = 0,00	F = 5,31 p = 0,06	F = 49,83 p = 0,00	F = 64,15 p = 0,00

Data obtained from the analysis of the relationships between the scales are presented in Table 4. Accordingly, the subscales of the Codependency Scale showed strong positive correlations with each other (emotional suppression and self-sacrifice $r = 0,370$. $p < 0,01$; emotional suppression and interpersonal control $r = 0,533$. $p < 0,01$). When examining the relationships between the total codependency score and the subscales of the Family Relations Scale, a significant positive correlation was found only with the closeness subscale ($r = 0,198$. $p < 0,01$). Correlations between the other family relations subscales and the total codependency score were not statistically significant ($p > 0,05$).

A significant negative correlation was found between the Emotional Suppression subscale and the total family relations score ($r = -0,294$. $p < 0,01$) and the support score ($r = -0,293$. $p < 0,01$); a negative correlation was also found with the sharing score ($r = -0,343$. $p < 0,01$). A weak positive correlation was observed between emotional suppression and the closeness score ($r = 0,153$. $p < 0,05$).

A significant positive correlation was found between the self-sacrifice subscale and the closeness score ($r = 0,247$. $p < 0,01$). The interpersonal control subscale was found to be significantly negatively correlated with the closeness score ($r = -0,152$. $p < 0,05$). These findings indicate that adolescents

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 69—85.

with high levels of emotional suppression and interpersonal control have a low perception of closeness in family relationships, while those with high levels of self-sacrifice have a relatively high perception of closeness.

Table 4

Correlation between adolescents' scale scores

	CCS	Emotional suppression	Self-sacrifice	Interpersonal control	APRQ	Support	Closeness	Monitoring	Sharing
CCS	1	0,770**	0,772**	0,705**	-0,066	-0,058	0,198**	-0,087	-0,104
Emotional suppression		1	,370**	0,533**	-0,294**	-0,293**	0,153*	-0,162*	-0,343**
Self-sacrifice			1	0,174*	0,158*	0,121	0,247**	0,054	0,165*
Interpersonal control				1	-0,142	-0,074	0,013	-0,152*	-0,204**
APRQ					1	0,941**	0,432**	0,721**	0,946**
Support						1	0,280**	0,612**	0,807**
Closeness							1	0,045	0,482**
Monitoring								1	0,630**
Sharing									1

Discussion

This study investigated the relationship between codependency levels and family relationships in adolescents. and the findings were evaluated in light of international literature. A review of the literature emphasizes that healthy and functional family environments generally support the development of independent self-esteem in adolescents. while dysfunctional families can increase dependent personality traits in adolescents (Krauss, Orth, Robins, 2020). For example, Gönültaş noted that children raised in healthy family environments develop more independence and self-confidence; conversely, adolescents in dysfunctional family environments fail to develop self-esteem and independent self-esteem, and as a result, they may exhibit tendencies to depend on authority figures. From this perspective, the findings of codependency in our study are consistent with unhealthy family functioning. As the level of emotional expression and support received in family communication decreases, adolescents' tendency to feel dependent on their family and their ability to suppress their emotions may increase. Sociologically, in traditional societies with strong family ties (such as Turkey) the clear and rigid nature of family roles can complicate adolescents' individualization process. In particular, intergenerational differences and economic hardships can increase family conflict, negatively impacting adolescents' psychosocial development (Shahhosseini et al., 2013), and may lead to a risk of codependency. Furthermore, our study found that male adolescents scored higher

than females on total codependency, particularly on the "self-sacrifice" subscale. In contrast, females rated parental monitoring behavior more highly. The literature demonstrates that gender has significant effects on family relationship dynamics. Yu (2022) emphasized that the interaction between adolescent family functioning and social support is particularly pronounced for females. and that gender may play a moderating role in family relationships. Regarding emotion regulation, mothers have been reported to talk more about emotions with their daughters and females are more likely to express their emotions. This suggests that females are less likely to resort to emotional suppression strategies in parental relationships (Lindsey, 2021). These findings suggest that male adolescents are more likely to embrace family expectations and a sense of responsibility, while females tend to express their emotions.

Parental education level and family economic circumstances significantly impacted co-dependency levels and family relationships. Co-dependency scores were higher in adolescents from families with lower education levels and lower socioeconomic status. Karaca (2013) similarly reported that parental education level and income influenced the perception of family functioning and adolescents' interpersonal relationship styles. Furthermore, Li (2024) emphasized that self-confidence was higher in adolescents with higher family socioeconomic status and that higher family socioeconomic status positively impacted adolescents' self-esteem. In light of these findings, it can be argued that higher-educated parents create functional family environments through more conscious parenting approaches, while lower socioeconomic conditions increase stress and conflict, fostering a tendency toward weak attachment in adolescents.

Our study also examined the relationship between adolescents' family relationship quality and peer relationship status and codependency levels. While significant differences were observed in the emotional suppression and self-sacrifice subscales in adolescents with a better perception of family relationships, peer relationship status did not show a direct relationship with codependency. The literature also indicates that strong family ties and emotional support are protective of adolescent health and that parental non-discrimination (e.g. lack of discrimination between girls and boys) has positive effects (Thomas, Liu, Umberson, 2017). Shahhosseini (2013) reported that adolescents expect emotional support and honest communication from their families and that the absence of discrimination (gender discrimination) among family members positively affects adolescent mental health. On the other hand, Yu (2022) emphasized that both social support and family functioning can interact, but this effect may vary by gender. Therefore, while codependency decreases in some subscales (e.g. low emotional suppression) in adolescents with high family closeness and support, addiction symptoms may increase when family support is weak.

Findings obtained within the context of the subscales of codependency. Namely "emotional suppression", "self-sacrifice" and "interpersonal control". Reflect different aspects of adolescent family relationship dynamics. For example. adolescents high in emotional suppression were found to have low perceptions of family support and sharing, while their perceptions of closeness were relatively high. This may suggest that although adolescents who suppress their emotions feel excessively connected (closeness) within their families, their emotional needs are not being met. Various studies have reported that adolescents experience difficulty regulating their emotions when their mothers display negative emotional expressions, and that this tendency to suppress their emotions is associated with depressive symptoms (Buckholdt, Parra, Jobe-Shields, 2014; Yap et al.,

2010). Conversely, high scores on the "self-sacrifice" subscale were found to be positively correlated with family support and closeness. This suggests that when adolescents feel excessively self-sacrificing, they actually have a high sense of commitment and responsibility to their families. The "Interpersonal Control" subscale was negatively correlated with family sharing and parental monitoring behavior, suggesting that overcontrol tendencies may be related to the perception of inadequate family support and sharing. Overall, the scale subscales should be considered as components reflecting adolescents' psychosocial status, and patterns of suppressing emotions and subordinating one's own needs should be interpreted as signals of family disharmony (Yu et al., 2022).

In conclusion, the findings are largely consistent with general trends in the literature. It has been emphasized that healthy supportive and communicative family environments reduce adolescents' dependency levels; that different sociocultural roles in male and female adolescents are reflected in the dynamics of relationships; and that low education and income levels negatively impact family functioning (Gönültaş, Uzun, Akın, 2021; Li, Xiao, Song, 2024). Furthermore, it should be noted that in societies with intense traditional values and generational differences (such as Turkey). Conflicts with family during adolescence may be more pronounced, requiring particular sensitivity regarding the balance between security and autonomy (Karaca et al., 2013; Shahhosseini et al., 2013). In this context, our findings further underscore the importance of family-based interventions and the need to protect environments conducive to adolescents' emotional expression.

Conclusions

This study examined the interaction between adolescents' codependency levels and family relationships. The findings showed that gender, parental education level, economic status and family relationship quality have significant effects on codependency. Codependency levels were higher in female adolescents than in males, which can be explained by the influence of gender roles. As parental education levels increased, children's codependency scores decreased. This suggests that more conscientious parenting supports adolescents' emotional independence.

In families with low economic status, financial stress and family tensions increase dependent relationship patterns in adolescents. Conversely, lower codependency levels in adolescents with positive family relationships suggest that supportive and communicative family environments can mitigate these tendencies. Healthy family functioning and secure attachment play a critical role in adolescents' development of autonomy and social skills. These results demonstrate that family relationships are a determining factor in adolescent psychosocial development. In this context, the following recommendations are considered important.

Individual Level: Psychological support and guidance services for adolescents should be expanded. Educational programs should be designed to strengthen their self-esteem and emotional skills, and they should be encouraged to participate in activities that improve their communication and stress management skills. Workshops on empathy, problem-solving, and self-awareness should be organized to support adolescents' independent identity development; group activities and mentoring programs should be provided to enhance their social skills.

Family Level: Parents should be provided with education and counseling services on family communication, effective parenting strategies and adolescent development. Family therapy and

counseling support should be increased; activities and programs (e.g. family conflict management seminars) should be organized to positively improve family interactions.

Educational Level: Awareness-raising seminars and workshops on family relationships, codependency and adolescent development should be organized in schools through guidance services and psychological counseling units. Teachers and guidance staff should be trained on adolescent development and family dynamics, and they should be equipped with skills to develop early intervention and support strategies.

Political/Institutional Level: Family-centered programs should be prioritized in health and education policies; units such as family counseling and youth support centers should be established in community centers. Social support and education programs for families experiencing economic difficulties should be expanded. and opportunities should be provided to raise the education level of families.

Limitations. This research has several methodological and practical limitations. First, the study was limited to students from a single high school. This limits the generalizability of the findings and makes it difficult to draw direct conclusions about the levels of codependency and family relationships among adolescents studying in different sociocultural contexts. Second, data were collected through self-reporting by participants. This may partially affect the objectivity of the data due to social desirability bias or individual perception differences. Furthermore, the Composite Codependency Scale and the Adolescent-Parent Relationship Quality Scale used in the study, although valid and reliable instruments, may not fully reflect the multidimensional nature of interpersonal interactions and family dynamics. Third, the study has a cross-sectional design. Therefore, the relationships between variables can only be interpreted at the correlational level, preventing the establishment of a cause-and-effect relationship. Changes in adolescents' family relationships or codependency levels over time can be more accurately analyzed with longitudinal data.

References

1. Aktaş, E.F. (2017). Ergen ebeveyn ilişkileri: Bir model testi. Doktora Tezi. Eğitim Bilimleri Enstitüsü. Eğitim Bilimleri Anabilim Dalı. Rehberlik ve Psikolojik Danışmanlık Programı. Hacettepe Üniversitesi. Ankara
2. Buckholdt, K.E., Parra, G.R., Jobe-Shields, L. (2014). Intergenerational transmission of emotion dysregulation through parental invalidation of emotions: Implications for adolescent internalizing and externalizing behaviors. *Journal of child and family studies*, 23(2), 324—332. <https://doi.org/10.1007/s10826-013-9768-4>
3. Gönültaş, O., Uzun, K., Akın, M.S. (2021). Ergenlerin aile içi ilişki algılarının çeşitli değişkenlere göre incelenmesi. *Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*, 8(2), 391—405. <https://doi.org/10.21666/muefd.718075>
4. Kaplan, V. (2023). Mental health states of housewives: an evaluation in terms of self-perception and codependency. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 21(1), 666—683. <https://doi.org/10.1007/s11469-022-00910-1>

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 69—85.

5. Karaca, S., Barlas, Ü., Onan, N., Öz, Y.C. (2013). 16-20 yaş grubu ergenlerde aile işlevleri ve kişilerarası ilişki tarzının incelenmesi: bir üniversite örneklemi. *Balıkesir Sağlık Bilimleri Dergisi*, 2(3), 139—146.
6. Knudson, T.M., Terrell, H.K. (2012). Codependency, perceived interparental conflict, and substance abuse in the family of origin. *Am J Fam Ther*, 40(3), 245—257. <https://doi.org/10.1080/01926187.2011.610725>
7. Krauss, S., Orth, U., Robins, R.W. (2020). Family environment and self-esteem development: A longitudinal study from age 10 to 16. *Journal of personality and social psychology*, 119(2), 457. <https://doi.org/10.1037/pspp0000263>
8. Li, H., Xiao, B., Song, G. (2024). The impact of family socioeconomic status (SES) on adolescents' learning conformity: the mediating effect of self-esteem. *Children*, 11(5), 540. <https://doi.org/10.3390/children11050540>
9. Lindsey, E.W. (2021). Emotion regulation with parents and friends and adolescent internalizing and externalizing behavior. *Children*, 8(4), 299. <https://doi.org/10.3390/children8040299>
10. Marks, A.D., Blore, R.L., Hine, D.W., ve Dear, G.E. (2012). Development and validation of a revised measure of codependency. *Australian Journal of Psychology*, 64(3), 119—127. <https://doi.org/10.1111/j.1742-9536.2011.00034.x>
11. Oakley, B.A. (2013). Concepts and implications of altruism bias and pathological altruism. *Proc Natl Acad Sci USA*, 110(Suppl 2):10408-10415. <https://doi.org/10.1073/pnas.1302547110>
12. Özdemir, Y., Çok, F. (2011). Ergenlikte Özerklik Gelişimi. *Turkish Psychological Counseling & Guidance Journal*, 4(36).
13. Shahhosseini, Z., Simbar, M., Ramezankhani, A., Majd, H.A. (2012). Supportive family relationships and adolescent health in the socio-cultural context of Iran: A qualitative study. *Mental health in family medicine*, 9(4), 251.
14. Şimşek, N. (2005). Nevşehir il merkezindeki lise öğrencilerinde intihar girişimi yaygınlığı ve ilişkili ailesel faktörlerin belirlenmesi. *Sağlık Bilimleri Dergisi*, 14:79—97.
15. Şimşek, M., Öncü, F., Kabil, M. (2020). Bağımlılıkta eş bağımlılık faktörü (BEŞF) ölçeği'nin geçerlik ve güvenilirlik çalışması. *Psikiyatride Güncel Yaklaşımlar*, 12, 268—280. <https://doi.org/10.18863/pgy.800752>
16. Thomas, P.A., Liu, H., Umberson, D. (2017). Family relationships and well-being. *Innovation in aging*, 1(3), igx025. <https://doi.org/10.1093/geroni/igx025>
17. Ulusoy, Y., ve Güçray, S.S. (2017). Adaptation of composite codependency scale to Turkish: A validity and reliability study. *Journal of International Social Research*, 10(49), 373—379. <https://doi.org/10.17719/jisr.2017.1588>
18. Ünver, B., Esen, İ., Ülkümen, İ. (2024). Ebeveynleşme ve Eş Bağımlılık Arasındaki İlişkide Benlik Ayrışmasının Aracı Rolü. *J Cogn Behav Psychother Res*, 13(3), 310—323

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков и семейными отношениями
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency levels and family relationships.
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 69—85.

19. Whitfield, C. (1989). Codependence: Our most common addiction: Some physical, mental, emotional and spiritual perspectives. *Alcohol Treat Q*, 6(1), 19—36.
https://doi.org/10.1300/J020V06N01_03
20. Yap, M.B., Schwartz, O.S., Byrne, M.L., Simmons, J.G., Allen, N.B. (2010). Maternal positive and negative interaction behaviors and early adolescents' depressive symptoms: Adolescent emotion regulation as a mediator. *Journal of Research on Adolescence*, 20(4), 1014—1043.
<https://doi.org/10.1111/j.1532-7795.2010.00665.x>
21. Yavuz, S., Özmete, E. (2012). Türkiye’de genç bireyler ve ebeveynleri arasında yaşanan sorunların “aile yapısı araştırması” sonuçlarına göre değerlendirilmesi. *Sosyal Politika Çalışmaları Dergisi*, 7(29), 9—27.
22. Yu, X., Kong, X., Cao, Z., Chen, Z., Zhang, L., Yu, B. (2022). Social support and family functioning during adolescence: a two-wave cross-lagged study. *International journal of environmental research and public health*, 19(10), 6327.
<https://doi.org/10.3390/ijerph19106327>

Information about the authors

Veysel Kaplan. Associate Professor (Psychiatric Nursing), Nursing Department, Faculty of Health Sciences, Harran University, Sanliurfa, Turkey, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9082-1379> e-mail: vyslkpln@hotmail.com

Информация об авторах

Вейсел Каплан, доцент кафедры сестринского дела в психиатрии, отделение сестринского дела, факультет медицинских наук, Университет Харран, Шанлыурфа, Турция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9082-1379> электронная почта: vyslkpln@hotmail.com

Contribution of the authors

Veysel Kaplan — ideas; annotation; writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

The author approved the final text of the manuscript.

Вклад авторов

Вейсел Каплан — идеи исследования; аннотирование; написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль над исследованием.

Автор одобрил окончательный текст рукописи

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Каплан, В. (2025)

Взаимосвязь между уровнем созависимости у подростков
и семейными отношениями

Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 69—85.

Kaplan, V. (2025)

The relationship between adolescents' codependency
levels and family relationships.

Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 69—85.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Harran University (report no. E-76244175-050.01.01-156586).

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комитетом по этике Харранского университета (отчет № E-76244175-050.01.01-156586).

Поступила в редакцию 23.07.2025

Поступила после рецензирования 15.11.2025

Принята к публикации 07.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.07.23

Revised 2025.11.15

Accepted 2025.12.07

Published 2025.12.30

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ ОСОБОГО РИСКА | PSYCHOLOGY OF SPECIAL RISK PROFESSIONS

Научная статья | Original paper

Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате

И.О. Котенев¹✉, А.В. Сорокина

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ ikotenev@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Современные реалии деятельности психологов-консультантов силовых ведомств, которые осуществляют работу в дистанционном формате, характеризуется значительной психологической нагрузкой и высоким уровнем профессиональной напряженности. В связи с этим существует высокий риск формирования негативных психологических состояний, которые отражаются на личностном и профессиональном благополучии консультантов. **Цель:** определить особенности негативных психологических состояний у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, а также выработать предложения по психологической профилактике данных состояний. **Гипотезы.** 1) У психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, наблюдаются выраженные негативные психологические состояния, проявляющиеся в виде профессионального выгорания, агрессивности, тревожности, депрессии, вторичной травматизации и дистресса. 2) Данные негативные психологические состояния отрицательно влияют на удовлетворенность психологов-консультантов профессиональной деятельностью. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 36 психологов-консультантов силовых ведомств (30 женщин и 6 мужчин). Тестовая батарея включала в себя методику диагностики профессионального выгорания К. Маслач, С. Джексон, опросник ProQOL Б. Стамм, опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и М. Перри, шкалу психологического стресса PSM-25, симптоматический опросник SCL-90. **Результаты.** Результаты показали, что работа в условиях высокой эмоциональной нагрузки и экстренных ситуациях приводит к значительным изменениям в психоэмоциональном состоянии специалистов. **Выводы.** У психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, по сравнению с их коллегами,

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

осуществляющими деятельность иного плана, наблюдаются более выраженные негативные психологические состояния (симптомы вторичной травматизации, профессионального выгорания, агрессивность, тревожность, депрессия). Данные негативные психологические состояния отрицательно влияют на удовлетворенность профессиональной деятельностью, могут приводить к снижению работоспособности, что указывает на необходимость разработки и реализации целенаправленных программ их психологической профилактики.

Ключевые слова: психологи-консультанты, силовые ведомства, дистанционный формат, негативные психологические состояния, психопрофилактика

Для цитирования: Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025). Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 86—101. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020406>

Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely

I.O. Kotenev¹✉, A.V. Sorokina¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ ikotenev@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The current realities of the work of law enforcement agencies psychologists-consultants who work in a remote format are characterized by significant psychological stress and a high level of professional tension. As a result, there is a high risk of developing negative psychological states that affect the personal and professional well-being of the consultants. **Objective:** to identify the characteristics of negative psychological states in military psychologists-consultants who work in a remote format, and to develop suggestions for the psychological prevention of these states. **Hypotheses.** 1) Psychologists working in the remote format for law enforcement agencies experience severe negative psychological conditions, such as professional burnout, aggression, anxiety, depression, secondary traumatization, and distress. 2) These negative psychological states have a negative impact on the satisfaction of military psychologists with their professional activities. **Methods and materials.** The study involved 36 military psychologists (30 women and 6 men). The test battery included the Maslach Burnout Inventory, the ProQOL Scale (B. Stamm), A. Bass and M. Perry's Aggression Questionnaire, PSM-25 Psychological Stress Scale, and SCL-90 Symptom Checklist. **Results.** The results showed that working under high emotional stress and in emergency situations leads to significant changes in the psychoemotional state of employees. **Conclusions.** Psychologists-consultants of law enforcement agencies working in a remote format, compared to their colleagues carrying out activities of a different plan, have more

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

pronounced negative psychological states (symptoms of secondary traumatization, professional burnout, aggressiveness, anxiety, depression). These negative psychological states have a negative effect on the satisfaction with professional activity, can lead to a decrease in performance, which indicates the need to develop and implement purposeful programs of their psychological prevention.

Keywords: consulting psychologists, law enforcement agencies, remote format, negative psychological states, psychoprophylaxis

For citation: Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025). Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 86—101. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020406>

Введение

Актуальность. Вызовы цифровизации и современные реалии деятельности психологов-консультантов силовых ведомств, которые осуществляют работу в дистанционном формате, характеризуются значительной психологической нагрузкой и высоким уровнем профессиональной напряженности. Специфика их деятельности заключается в постоянном взаимодействии с людьми, находящимися в острых кризисных состояниях, в условиях повышенной неопределенности, а также дефицита времени на принятие решений.

Исследование негативных психологических состояний в профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий широко представлено в работах многих известных авторов (Бойко, 1999; Водопьянова, Старченкова, Наследов, 2013; Водопьянова, Патраков, Хайруллин, 2024; Карягина, Рощина, 2023; Махнач, Плющева, 2023; Моховиков, 2018; Орел, 2001; Решетова, 2019; и др.). В то же время особенности таких состояний у психологов-консультантов, в частности работающих дистанционно, изучены лишь фрагментарно и исключительно лишь в аспекте профессионального выгорания.

Также остается недостаточно изученным феномен негативных психологических состояний в деятельности психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате. Несмотря на то, что есть обширная научная база о профессиональных стрессах, эмоциональном выгорании и вторичной травматизации у специалистов помогающих профессий, специфика именно дистанционного консультирования в экстремальных условиях требует детального анализа. В данном контексте актуальным становится исследование всего спектра негативных психологических состояний, их динамики, а также механизмов возникновения, которые обусловлены особенностями удаленного взаимодействия с клиентами.

Внимание ученых в последние годы все больше привлекают вопросы сохранения профессионального долголетия специалистов широкого круга стрессогенных профессий (Березина, 2025), предупреждения профессионального выгорания, вторичной травматизации и повышения психоземotionalной устойчивости специалистов помогающих профессий, взаимодействующих с клиентами в цифровой среде. Как пишет Н.Е. Водопьянова с соавт., «профессиональная деятельность в цифровой среде сопряжена с рядом особенностей, которые могут оказывать негативное влияние на психологическое состояние людей, тесно взаимодействующих с информационно-цифровыми технологиями» (Водопьянова, Патраков,

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

Хайруллин, 2024). К таким особенностям авторы, в частности, относят: изоляцию и отсутствие личного контакта, что часто лишает специалистов возможности регулярного личного общения с коллегами и клиентами; перегрузку информацией; сложности в управлении временем и рабочим процессом.

Изучение особенностей дистанционного формата позволит более глубоко понять механизмы формирования профессионального стресса, вторичной травматизации и эмоционального выгорания у специалистов данного профиля. Результаты анализа могут стать основой для разработки целевых психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на сохранение психологических ресурсов консультантов. В свою очередь, оптимизация психологического состояния специалистов будет способствовать не только повышению эффективности оказываемой ими помощи, но и снижению рисков профессиональных деформаций у психологов силовых структур.

Эти соображения заложили теоретическую основу для понимания факторов, механизмов и последствий негативных состояний у психологов-консультантов, работающих в цифровой среде.

Цель настоящего исследования: определить особенности негативных психологических состояний, причины и условия их возникновения у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, а также выработать рекомендации по психологической профилактике данных состояний.

Гипотезы. 1) У психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, наблюдаются выраженные негативные психологические состояния, проявляющиеся в виде профессионального выгорания, агрессивности, тревожности, депрессии, вторичной травматизации и дистресса. 2) Данные негативные психологические состояния отрицательно влияют на удовлетворенность психологов-консультантов профессиональной деятельностью.

Материалы и методы

Исследование проходило в период с 18 по 24 апреля 2025 года. Выборку исследования составили 36 психологов-консультантов силовых ведомств, из которых 30 женщин и 6 мужчин; средний возраст по выборке составил 27,6 года, профессиональный стаж — от 1 до 21 года.

В целях проверки гипотез выборка по результатам экспресс-анкетирования была разбита на три группы по 12 человек каждая, в зависимости от характера их профессионального опыта, определенного на основании результатов анкетирования.

В первую группу вошли специалисты, которые на момент проведения исследования осуществляли консультации в формате телефонных или онлайн-обращений. Во вторую группу были включены специалисты, которые ранее имели опыт работы в дистанционном формате, однако на момент проведения исследования их деятельность носила организационный характер. Третью группу составили те, кто никогда не проводил консультирование в дистанционном формате.

С целью определения выраженности негативных психологических состояний применялись следующие психодиагностические методики:

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

1) методика диагностика профессионального выгорания К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой, направленная на выявление выраженности компонентов профессионального выгорания: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции профессиональных достижений (Водопьянова, Старченкова, Наследов, 2013);

2) русскоязычная адаптация опросника ProQOL (Professional Quality of Life) Б. Стамм в адаптации А.А. Панкратовой, М.Е. Николаевой. Опросник состоит из 30 утверждений и предназначен для комплексной оценки как позитивных, так и негативных аспектов профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий по четырем шкалам: удовлетворенность работой, удовлетворенность профессией, вторичная травма, выгорание (Панкратова, Николаева, 2023);

3) опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и М. Перри в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского. Предназначен для оценки уровня агрессивности на всех уровнях ее проявления. Состоит из 24 утверждений и включает четыре шкалы: физическая агрессия, гнев, враждебность (Ениколопов, Цибульский, 2007);

4) шкала психологического стресса PSM-25 в адаптации Н.Е. Водопьяновой. Используется для оценки общего уровня психологического стресса (Водопьянова, 2009);

5) симптоматический опросник SCL-90 (L. DeRogatis, R. Lipman, L. Covi) в адаптации Н.В. Тарабриной. Направлен на комплексную диагностику широкого спектра психологических и психосоматических симптомов. Включает 90 утверждений и девять первичных шкал: соматизация, обсессивно-компульсивные симптомы, межличностная чувствительность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, параноидальные мысли, психотизм, дополнительная шкала. Также рассчитываются три интегральных показателя: общий индекс тяжести, общее количество симптомов, наличие симптоматического дистресса (Тарабрина, 2001).

При статистической обработке данных использовались методы описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ с использованием ранговой корреляции Спирмена. Для обоснования выбора методов статистического анализа предварительно для каждой группы была проведена проверка распределения переменных с использованием критерия Колмогорова-Смирнова.

Результаты

Для того, чтобы охарактеризовать уровень выраженности изучаемых ключевых показателей в выделенных группах, первичные результаты были подвергнуты статистическому анализу. Проверка распределения первичных данных с использованием критерия Колмогорова-Смирнова показала, что только вторая группа продемонстрировала распределение, близкое к нормальному ($p = 0,086$). В двух из трех исследуемых групп (первой и третьей) распределение данных не соответствовало нормальному ($p = 0,032$ и $p = 0,020$ соответственно), поэтому было принято решение о применении непараметрических статистических методов.

Для сравнительного анализа различий между независимыми выборками использовался критерий Манна-Уитни. Сначала был проведен анализ по общим шкалам, а потом по частным. Это позволило детально рассмотреть каждый показатель.

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнения первой и второй групп по общим шкалам с использованием критерия Манна-Уитни

Comparison of the first and second groups on general scales using the Mann-Whitney test

Шкалы Scales	Критерий Манна-Уитни U Mann-Whitney U Test	Р-значение P-value
Общий балл агрессии Total aggression score	32,000	0,021*
Профессиональное выгорание Professional burnout	28,000	0,011*
Утомление Fatigue	7,000	0,000**
Общий индекс тяжести Overall severity index	38,000	0,049*

Примечание: «**» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$; «*» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,05$.

Note: «**» — the differences are significant at $p \leq 0.01$; «*» — the differences are significant at $p \leq 0.05$.

Результаты сравнения первой и второй групп показали наличие статистически достоверных различий между ними по следующим шкалам: агрессия ($p = 0,021$), профессиональное выгорание ($p = 0,011$), утомление ($p = 0,000$) и общий индекс тяжести симптомов ($p = 0,049$). При этом различий по возрасту, общему стажу и стажу дистанционного консультирования не обнаружилось. Участники первой группы продемонстрировали более высокие уровни этих показателей по сравнению со второй группой. Причины полученных результатов могут быть связаны с тем, что первая группа на настоящий момент оказывает консультирование в дистанционном формате, что, в свою очередь, может способствовать росту уровня стресса, эмоционального истощения и проявлениям сопутствующих негативных состояний. Напротив, специалисты второй группы, чья работа состоит в основном из организационной деятельности, на момент исследования испытывали меньшее эмоциональное давление.

Также с использованием критерия Манна-Уитни был проведен сравнительный анализ показателей первой и третьей групп специалистов. Как уже говорилось, участниками третьей группы стали сотрудники, которые никогда не работали в сфере дистанционного консультирования. Их деятельность на данном этапе носила исключительно организационный характер. Результаты анализа выявили статистически значимые различия между группами по нескольким показателям, в них вошли: агрессия ($p = 0,007$), профессиональное выгорание ($p = 0,033$), утомление ($p = 0,001$), интегральный показатель психоэмоционального напряжения ($p = 0,009$). По этим шкалам специалисты, которые консультируют в дистанционном формате, демонстрировали менее благоприятные значения. Данные результаты подчеркивают значительную профессиональную нагрузку и потенциальные риски развития негативных психологических состояний у специалистов первой группы (табл. 2).

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

Таблица 2 / Table 2

Результаты сравнения первой и третьей групп по общим шкалам с использованием критерия Манна-Уитни
Comparison of the first and third groups on general scales using the Mann-Whitney test

Шкалы Scales	Критерий Манна-Уитни U Mann-Whitney U Test	Р-значение P-value
Стаж дистанционного консультирования Remote counseling experience	0,000	0,000**
Общий балл агрессии Total aggression score	25,500	0,007**
Профессиональное выгорание Professional burnout	35,000	0,033*
Утомление Fatigue	16,000	0,001**
Интегральный показатель психической напряженности (ИППН) Integral indicator of mental tension (IPMT)	27,000	0,009**

Примечание: «**» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$; «*» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,05$.

Note: «**» — the differences are significant at $p \leq 0.01$; «*» — the differences are significant at $p \leq 0.05$.

Далее был проведен анализ по частным шкалам. Данные свидетельствуют о том, что в первой группе показатели по следующим шкалам: гнев ($p = 0,012$), враждебность ($p = 0,011$), эмоциональное истощение ($p = 0,026$), деперсонализация ($p = 0,002$), соматизация ($p = 0,043$), депрессия ($p = 0,035$) и вторичная травматизация ($p = 0,000$) — выше, чем во второй группе. Общие шкалы, так же как и частные, показывают, что дистанционный формат напрямую влияет на состояние психологов. Это может быть обусловлено относительной новизной такого формата в силовых ведомствах, в связи с чем следует обратить внимание на модернизацию его структуры.

Отсутствие различий по таким шкалам, как физическая агрессия ($p = 0,772$), обсессивно-компульсивные симптомы ($p = 0,077$), межличностная сензитивность ($p = 0,140$), а также выгорание ($p = 0,234$), может свидетельствовать о том, что определенные особенности и профессиональные установки, которые сформировались в процессе дистанционного формата, сохраняются независимо от текущего вида деятельности. Поэтому текущее состояние специалистов оценивается в ходе обязательного ежемесячного тестирования. Сотрудники, у которых выявляется дисбаланс, в первую очередь рекомендованы к прохождению различных тренинговых программ для нормализации состояния. Для того, чтобы вернуться в дистанционный формат, нужно получить заключение супервизора. Однако схожие уровни удовлетворенности профессией ($p = 0,931$) и работой ($p = 0,452$) могут указывать на то, что, несмотря на наличие эмоциональных и профессиональных трудностей, у сотрудников

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

сохраняется позитивное отношение к деятельности, и это может компенсировать часть негативных проявлений (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Результаты сравнения первой и второй групп по частным шкалам методик с использованием критерия Манна-Уитни
Comparison of the first and second groups according to private scales of methods using the Mann-Whitney test

Шкалы Scales	Критерий Манна-Уитни U Mann-Whitney U Test	P-значение P-value
Гнев Anger	28,500	0,012*
Враждебность Hostility	28,000	0,011*
Эмоциональное истощение Emotional exhaustion	33,500	0,026*
Деперсонализация Depersonalization	19,000	0,002**
Вторичная травма Secondary trauma	1,000	0,000**
Соматизация Somatization	37,000	0,043*
Депрессия Depression	35,500	0,035*

Примечание: «**» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$; «*» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,05$.

Note: «**» — the differences are significant at $p \leq 0.01$; «*» — the differences are significant at $p \leq 0.05$.

Также были выявлены достоверные различия между первой и третьей группой по таким частным показателям методик, как гнев ($p = 0,018$), враждебность ($p = 0,007$), эмоциональное истощение ($p = 0,043$), деперсонализация ($p = 0,006$), вторичная травматизация ($p = 0,000$), обсессивно-компульсивные симптомы ($p = 0,028$), фобическая тревожность ($p = 0,042$). То есть по всем этим шкалам показатели первой группы оказались выше по сравнению с третьей группой (табл. 4). Специалисты, не имеющие опыта работы в дистанционном формате, демонстрируют более высокую психологическую стабильность, так как их деятельность не связана с воздействием негативных факторов дистанционной работы. Из этого следует, что специалисты дистанционного формата склонны к проявлению негативных психологических состояний, а это означает, что они находятся в группе риска. По остальным шкалам статистически значимых различий между группами выявлено не было.

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
 Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
 Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

Таблица 4 / Table 4

Результаты сравнения первой и третьей групп по частным шкалам методик с использованием критерия Манна-Уитни
Comparison of the first and third groups according to private scales of methods using the Mann-Whitney test

Шкалы Scales	Критерий Манна-Уитни U Mann-Whitney U Test	Р-значение P-value
Гнев Anger	31,500	0,018*
Враждебность Hostility	25,500	0,007**
Эмоциональное истощение Emotional exhaustion	37,000	0,043*
Деперсонализация Depersonalization	24,500	0,006**
Вторичная травма Secondary trauma	5,500	0,000**
Обсессивно-компульсивные расстройства Obsessive-compulsive disorders	34,000	0,028*
Фобическая тревожность Phobic anxiety	37,000	0,042*
Дополнительные вопросы Additional questions	36,500	0,040*

Примечание: «**» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,01$; «*» — различия достоверны на уровне $p \leq 0,05$.

Note: «**» — the differences are significant at $p \leq 0.01$; «*» — the differences are significant at $p \leq 0.05$.

Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что психологи, работающие в дистанционном формате, более подвержены негативным психологическим состояниям, чем их коллеги, осуществляющие консультирование очно.

Вслед за анализом различий между группами был проведен корреляционный анализ, который был направлен на проверку гипотезы о том, что негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, отрицательно влияют на уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью. Так как распределение выборочных значений исследуемых показателей отличалось от нормального, рассчитывался коэффициент ранговой корреляции по Спирмену. Полученные результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Корреляции между исследуемыми переменными психологического состояния и показателями удовлетворенности профессиональной деятельностью психологов-консультантов, работающих в дистанционном формате (по Спирмену)
Correlations between the studied psychological state variables and indicators of professional satisfaction among distance-working psychologists (Spearman)

Шкалы Scales	Значение корреляции (r) Correlation value (r)	P-значение P-value
Удовлетворенность профессией и деперсонализация Professional satisfaction and depersonalization	- 0,581	0,047*
Удовлетворенность профессией и эмоциональное истощение Professional satisfaction and emotional exhaustion	- 0,628	0,029*
Удовлетворенность профессией и профессиональное выгорание Professional satisfaction and professional burnout	- 0,603	0,038*
Удовлетворенность работой и выгорание Job satisfaction and burnout	- 0,637	0,026*
Удовлетворенность работой и утомление Job satisfaction and fatigue	- 0,634	0,027*
Удовлетворенность работой и депрессия Job satisfaction and depression	- 0,605	0,037*
Удовлетворенность работой и тревожность Job satisfaction and anxiety	- 0,650	0,022*

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$.

Note: «*» — the correlation is significant at $p \leq 0.05$.

Выявлена отрицательная корреляция между уровнем деперсонализации и удовлетворенностью профессией ($r = - 0,581$). Это говорит о том, что деперсонализация снижает субъективное ощущение удовлетворенности профессией у сотрудников, работающих в дистанционном формате. Деперсонализация в профессиональном контексте проявляется в эмоциональном отчуждении от клиентов, формализации общения, снижении эмпатии и вовлеченности. Такие состояния, как правило, формируются как психологическая защита от хронического стресса, переутомления и постоянного взаимодействия с чужими травмами и страданиями. Наличие обратной взаимосвязи между удовлетворенностью профессией и уровнем эмоционального истощения ($r = - 0,628$) означает, что с ростом эмоционального истощения у специалистов снижается удовлетворенность профессией. Это доказывает значимость восстановления ресурсов у специалистов дистанционного формата, которые вынуждены работать в условиях высокой интенсивности.

Рост эмоционального истощения является индикатором того, что с сотрудником надо начать коррекционные мероприятия, которые могут в себя включать тренинговые программы,

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

индивидуальные или групповые сессии, а также занятия с использованием биологической обратной связи. Анализ выявил отрицательную взаимосвязь между удовлетворенностью профессией и уровнем профессионального выгорания ($r = -0,603$). Накопленные негативные переживания, а также высокая степень неопределенности, которая присуща дистанционному формату, могут привести к профессиональному выгоранию, что сказывается на отношениях с клиентами и коллегами. Также сотрудники отмечают, что после смены не могут сразу переключиться на бытовые дела и продолжают думать о своих клиентах и рабочих задачах.

Отрицательная корреляция выявлена между удовлетворенностью профессиональной деятельностью и уровнем выгорания ($r = -0,637$), что указывает на то, что высокий уровень выгорания отрицательно влияет на восприятие своей деятельности. Высокий показатель выгорания говорит о снижении мотивации и эмоциональном истощении, что также сказывается на отношении сотрудников к работе. Важно в такой ситуации найти новые смыслы работы или вспомнить, почему изначально была выбрана эта профессия. Многие сотрудники отмечают, что социальная значимость их профессии помогает им находить в себе силы, чтобы выйти на смену.

Столь же высокая отрицательная корреляция была обнаружена между удовлетворенностью работой и уровнем утомления ($r = -0,634$). Утомление может возникать у сотрудников дистанционного формата, в том числе как «утомление от сострадания». Это явление тесно связано с вторичной травматизацией, которая, в свою очередь, может привести к изменениям в когнитивных схемах специалистов. Чтобы это минимизировать, сотрудникам дистанционного формата необходимы оказание своевременной психологической помощи и постоянный контроль со стороны руководства.

Отрицательная корреляция между удовлетворенностью работой и уровнем депрессии ($r = -0,605$) может указывать на то, что депрессивные реакции, такие как апатия, сниженное настроение и утрата мотивации, могут исказить восприятие специалистом собственной профессиональной значимости и эффективности. Это приводит к ощущению неудовлетворенности деятельностью. Сотрудники вынуждены работать с высокой самоотдачей, что быстро истощает ресурсы и ведет к вышеперечисленным симптомам.

Корреляционный анализ также показал отрицательную взаимосвязь между удовлетворенностью профессиональной деятельностью и уровнем тревожности ($r = -0,650$). Тревожность характеризуется внутренним напряжением, неуверенностью, ожиданием неблагоприятных событий и также негативно влияет на общий фон восприятия своей профессиональной деятельности, усиливая чувство неэффективности и эмоционального истощения. В результате сотрудники начинают воспринимать свою работу как менее значимую или безопасную, что влияет на субъективное чувство удовлетворенности от деятельности.

Таким образом, результаты исследования показали, что консультанты-психологи, осуществляющие свою деятельность дистанционно, демонстрируют более высокие уровни выраженности негативных психологических состояний по сравнению с коллегами без подобного опыта. У них более отчетливо проявляются признаки профессионального выгорания, вторичной травматизации, агрессии, утомления и психосоматических нарушений. Данные негативные психологические состояния отрицательно влияют на удовлетворенность профессиональной деятельностью.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования выявили значительную психоэмоциональную нагрузку на психологов-консультантов, работающих в дистанционном формате, и указывают на необходимость реализации психопрофилактических мер для данной категории специалистов. К числу подобных мер, помимо обязательной супервизии, можно отнести следующее:

1) Индивидуальные карты саморегуляции — персонализированные инструменты, направленные на повышение осознанности и устойчивости сотрудников служб экстренной психологической помощи. Карты содержат планы восстановления, которые составлены с учетом индивидуальных особенностей специалиста. К ним относятся режим труда, отдыха, уровень чувствительности к нагрузке, типичные поведенческие реакции, а также методы регуляции состояния. В процессе заполнения карты сотрудник выявляет и фиксирует собственные ресурсы и уязвимости. Это способствует саморефлексии, которая повышает уровень аутопсихологической компетентности.

2) Виртуальные пространства восстановления — онлайн-платформы с закрытым доступом, которые создаются для психологической поддержки и обмена опытом между сотрудниками. Такие пространства позволяют обеспечить безопасную, конфиденциальную и ненавязчивую среду, в который специалисты могут открыто делиться своими переживаниями, что позволит уменьшить чувство изоляции, которое сопровождает дистанционный формат. Сотрудники остаются один на один с горем другого человека, особенно в ночные смены, когда во время дежурства число сотрудников сокращается до двух.

3) Проведение цикла занятий для психологического просвещения родственников. Семья и близкие люди играют значительную роль в профилактике негативных психологических состояний. Многие сотрудники после тяжелых смен не хотят идти домой, чувствуя, что принесут с собой негатив. Также специалисты отмечают, что для них важно после смены побыть в одиночестве. Близкие должны хорошо понимать, с чем сталкивается специалист и как ему следует помочь. Такие мероприятия могут проводиться в форме информационных семинаров, вебинаров, групповых встреч или распространения методических материалов. Основной акцент делается на развитии эмпатии и способности к ненавязчивому сопровождению без давления или оценки.

Заключение

Целью проведенного эмпирического исследования являлось определение особенностей негативных психологических состояний у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате. Было проведено сравнение выраженности таких состояний в трех группах специалистов (непосредственно осуществляющих консультации в формате телефонных или онлайн-обращений; ранее имевших опыт работы в дистанционном формате, но на момент проведения исследования занятых преимущественно организационной деятельностью; никогда не проводивших консультирование в дистанционном формате).

Было показано, что у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, по сравнению с их коллегами, осуществляющими деятельность иного плана, наблюдаются более выраженные негативные психологические состояния,

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

проявляющиеся в виде симптомов профессионального выгорания, агрессивности, тревожности, депрессии, вторичной травматизации и дистресса. Данные негативные психологические состояния отрицательно влияют на удовлетворенность профессиональной деятельностью психологов-консультантов, могут приводить к снижению работоспособности, что указывает на необходимость разработки и реализации целенаправленных программ психологической профилактики подобных состояний.

Перспективы исследования. Дальнейшие исследования данной проблемы могут быть направлены на: 1) проведение многофакторных исследований для углубленного анализа влияния особенностей дистанционной консультативной работы на психоэмоциональное состояние сотрудников; 2) разработку единой программы профилактики негативных психологических состояний у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате, оценку ее эффективности; 3) изучение способов адаптации программы к различным типам сотрудников и условиям работы.

Ограничения. Специфика работы психологов-консультантов силовых ведомств в дистанционном формате сопряжена с определенной закрытостью информации, что затрудняет получение полноценных данных о профессиональной деятельности и психоэмоциональном состоянии специалистов. Также стоит учитывать, что выборка исследования была ограничена по численности, так как исследуемый вид профессиональной деятельности не является массовым.

Limitations. The specifics of the work of law enforcement agencies psychologists-consultants in a remote format involve a certain level of information secrecy, which makes it difficult to obtain comprehensive data on the professional activities and psychoemotional state of these specialists. It is also worth noting that the study sample was limited in size, as this type of professional activity is not widespread.

Список источников / References

1. Березина, Т.Н. (2025). Жизненные силы как ресурс профессионального долголетия: обзор зарубежных и отечественных исследований. *Современная зарубежная психология*, 14(2), 47—56. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140205>
Berezina, T.N. (2025). Vitality as a resource for professional longevity: A review of foreign and national studies. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 14(2), 47—56. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140205>
2. Березина, Т.Н., Зими́на, А.А. (2025). Личностные ресурсы профессионального долголетия представителей профессий особого риска разных возрастных групп. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(3), 9—31. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020301>
Berezina, T.N., Zimina, A.A. (2025). Personal resources of professional longevity of representatives of special risk professions of different age groups. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(3), 9—31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020301>
3. Водопьянова, Н.Е., Патраков, Э.В., Хайруллин, Р.А. (2024). Нужны ли новые технологии психологической помощи субъектам труда, подверженным цифровой трансформации? *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 7, 602—609.

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

<https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2024-7-82>

Vodopyanova, N.E., Patrakov, E.V., Hayrullin, R.A. (2024). Do we need new technologies for psychological assistance to workers undergoing digital transformation? *Herzen Readings: Psychological Research in Education*, 7, 602—609. (In Russ.).
<https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2024-7-82>

4. Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С., Наследов, А.Д. (2013). Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социэкономических профессий. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 4, 17—27.
Vodopyanova, N.E., Starchenkova, E.S., Nasledov, A.D. (2013). Standardized questionnaire “Professional burnout” for specialists in socioeconomic professions. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 4, 17—27. (In Russ.).
5. Ениколопов, С.Н., Цибульский, Н.П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 28 (1), 115—124.
Enikolopov, S.N., Tsibulsky, N.P. (2007). Psychometric Analysis of the Russian Version of the Bass and Perry Aggression Questionnaire. *Psychological Journal*, 28 (1), 115—124. (In Russ.).
6. Карягина, Т.Д., Рощина, С.Ю. (2023). Эмпатия и выгорание у представителей помогающих профессий. *Современная зарубежная психология*, 12(2), 30—42.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120203>
Karyagina, T.D., Roshchina, S.Yu. (2023). Empathy and Burnout in Helping Professions. *Modern Foreign Psychology*, 12(2), 30—42. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120203>
7. Лукьяненко, Е.В. (2021). *Проблемы психического здоровья работников сферы помощи*. М.: РГГУ.
Lukyanenko, E.V. (2021). *Mental Health Issues of Helping Professionals*. Moscow: RSUH. (In Russ.).
8. Махнач, А.В., Плющева, О.А. (2023). Влияние факторов риска и защиты на профессиональную жизнеспособность специалистов помогающих профессий. *Современная зарубежная психология*, 12(2), 8—21.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120201>
Makhnach, A.V., Plyushcheva, O.A. (2023). The Influence of Risk and Protective Factors on the Professional Viability of Helping Professions Specialists. *Modern Foreign Psychology*, 12(2), 8—21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120201>.
9. Моховиков, А.Н. (2018). *Телефонное консультирование*. М.: Смысл.
Mokhovikov, A.N. (2018). *Telephone Counseling*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
10. Орел, В.Е. (2001). Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования. *Психологический журнал*, 22(1), 90—101.
Orel, V.E. (2001). The phenomenon of “burnout” in foreign psychology: empirical studies. *Psychological Journal*, 22(1), 90—101. (In Russ.).

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

11. Панкратова, А.А., Николаева, М.Е. (2023). Русскоязычная адаптация опросника ProQOL (Professional Quality of Life) Б. Стамм. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(2), 183—198. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.204>
Pankratova, A.A., Nikolaeva, M.E. (2023). Russian adaptation of the ProQOL (Professional Quality of Life) scale by B. Stamm. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(2), 183—198. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.204>
12. Решетова, Т.В. (2019). Психогигиенические аспекты проблемы помощи человеку после экстремальной ситуации. *Вестник МАНЭБ*, 24(1), 66—76.
Reshetova, T.V. (2019). Psychohygienic aspects of the problem of helping a person after an extreme situation. *Bulletin of IAELPS*, 24(1), 66—76. (In Russ.).
13. Тарабрина, Н.В. *Практикум по психологии посттравматического стресса*. СПб: Питер, (2001). (Серия «Практикум по психологии»)
Tarabrina, N.V. *Practicum on the Psychology of Post-Traumatic Stress*. St. Petersburg: Peter, (2001). (Series “Practicum on Psychology”). (In Russ.).

Информация об авторах

Игорь Олегович Котенев, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1336-5546>, e-mail: ikotenev@yandex.ru

Алена Владимировна Сорокина, магистрант кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: 0009-0003-1615-5680, e-mail: alena123489@mail.ru

Information about the authors

Igor O. Kotenev, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-1336-5546, e-mail: ikotenev@yandex.ru

Alena V. Sorokina, Master's Student, Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0009-0003-1615-5680, e-mail: alena123489@mail.ru

Вклад авторов

Котенев И.О. — основные идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования; редактирование и оформление рукописи.

Сорокина А.В. — составление анкеты и подбор методик исследования; сбор, обработка и анализ эмпирических данных; применение статистических методов анализа; систематизация и обобщение результатов; выработка предложений; составление списка источников.

Котенев, И.О., Сорокина, А.В. (2025)
Негативные психологические состояния у психологов-консультантов силовых ведомств, работающих в дистанционном формате
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 86—101.

Kotenev, I.O., Sorokina, A.V. (2025)
Negative psychological states among psychologists-consultants of law enforcement agencies working remotely
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 86—101.

Оба автора приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Igor O. Kotenev — main ideas of the study; research planning; control over the conduct of the study; editing and design of the manuscript.

Alena V. Sorokina — compilation of the questionnaire and selection of research methods; collection, processing and analysis of empirical data; application of statistical methods of analysis; systematization and generalization of the results; development of proposals; compilation of the list of sources.

Both authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этической комиссией Ученого совета факультета «Экстремальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета (протокол № 1 от 28.08.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the Academic Council of the Department of Extreme Psychology of Moscow State University of Psychology and Education (report no. 1, 2025/08/28).

Поступила в редакцию 24.10.2025
Поступила после рецензирования 22.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.10.24
Revised 2025.11.22
Accepted 2025.12.07
Published 2025.12.30

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ | PSYCHOLOGICAL SAFETY OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Научная статья | Original paper

Цифровые технологии как безопасная среда социализации подростков

К.О. Галин¹✉, В.Е. Петров²✉

¹ Московский государственный университет спорта и туризма, Москва, Российская Федерация

✉ it.cirogalin@yandex.ru

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ petrovve@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В связи с активным внедрением в современную жизнь информационных новаций проблема цифровых технологий как безопасной среды социализации подростков в последние десятилетия приобретает особую актуальность. Подростающее поколение как наиболее активная группа пользователей Интернета формируют свою идентичность и социальные связи в цифровой среде, что требует научного осмысления и педагогического сопровождения процесса социализации в виртуальном мире.

Гипотеза: цифровая среда является инструментом социализации подростков.

Методы и материалы. Методы и методики сбора данных: анкетирование (авторская анкета предпочтений в выборе интернет-ресурсов; анкета социально-демографических данных, а также увлеченности интернет-ресурсами); психологическое тестирование (16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, Калифорнийский психологический опросник, Шкала психологического благополучия К. Рифф). Методы математико-статистической обработки: описательная статистика, корреляционный анализ. Респонденты: 226 школьников в возрасте 13—16 лет (137 девочек и 89 мальчиков).

Результаты. Доминирование познавательных потребностей определяет использование цифровых технологий в учебных целях, в то время как мотивация в развлечении ориентирует подростков на обращение к интернет-ресурсам для развлечений. Мотивация демонстрации и самовыражения в творческих продуктах взаимосвязаны с использованием цифровых технологий для достижения данной цели. Удовлетворение потребности в коммуникации посредством общения в Интернете коррелирует с уровнем социализации и позитивным отношением к окружающим. Предложенная в разрезе увлеченности цифровыми технологиями типология — «Профессионалы», «Творцы», «Игроки» — отражает

Галин, К.О., Петров, В.Е. (2025)
Цифровые технологии как безопасная среда
социализации подростков
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 102—118.

Galin, K.O., Petrov, V.E. (2025)
Digital technologies as a safe environment for adolescent
socialization
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 102—118.

вариативность мотивационной направленности поведения в виртуальной среде, а также фундаментальные различия в ценностных ориентациях таких подростков. У респондентов женского пола в большей степени выражена связь с удовлетворением потребностей в коммуникации и использовании нейросетей для учебы, в отличие от респондентов мужского пола, у которых преобладает более длительное пребывание в Интернете, связанное с удовлетворением потребностей в развлечении. **Выводы.** Личностные особенности подростков определяют вектор направленности целевого обращения к цифровым технологиям. Взаимосвязь социализации и использования цифровых технологий проявляется через мотивационные паттерны личности, что определяет опыт работы подростков в виртуальной среде.

Ключевые слова: киберсоциализация, социализация, цифровые технологии, психологическая безопасность

Для цитирования: Галин, К.О., Петров, В.Е. (2025). Цифровые технологии как безопасная среда социализации подростков. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 102—118. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020407>

Digital technologies as a safe environment for adolescent socialization

K.O. Galin¹✉, V.E. Petrov²✉

¹ Moscow State University of Sport and Tourism, Moscow, Russian Federation

✉it.cirogalin@yandex.ru

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉petrovve@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Due to the active introduction of information innovations into modern life, the problem of digital technologies as a safe environment for the socialization of adolescents has become particularly relevant in recent decades. The younger generation, as the most active group of Internet users, form their identity and social connections in the digital environment, which requires scientific understanding and pedagogical support for the process of socialization in the virtual world.

Hypothesis: the digital environment is a tool for teenagers' socialization. **Methods and materials.** Research methods and data collection techniques: questionnaires (author's questionnaire on preferences in choosing Internet resources; questionnaire on socio-demographic data, as well as enthusiasm for Internet resources); psychological testing (R. Kettell's 16-factor personality questionnaire, California Psychological Questionnaire, K. Riff's Scale of Psychological Well-being). Methods of mathematical and statistical analysis: descriptive statistics, correlation analysis. Respondents: 226 schoolchildren aged 13–16 (137 girls and 89 boys). **Results.** The dominance of cognitive needs determines the use of digital technologies for educational purposes, while motivation in entertainment orients adolescents to access Internet resources for entertainment. The motivation for demonstration and self-expression in creative

products is interconnected with the use of digital technologies to achieve this goal. Meeting the need for communication through online communication correlates with the level of socialization and a positive attitude towards others. The typology proposed in terms of digital technology passion — “Professionals”, “Creators”, “Players” — reflects the variability of motivational orientation of behavior in a virtual environment, as well as fundamental differences in the value orientations of such adolescents. Female respondents have a more pronounced connection with meeting the needs for communication and using neural networks for study, in contrast to male respondents, who have a longer stay on the Internet associated with meeting the needs for entertainment. **Conclusions.** The personal characteristics of adolescents determine the direction vector of targeted access to digital technologies. The relationship between socialization and the use of digital technologies is manifested through the motivational patterns of personality, which determines the work experience of adolescents in a virtual environment.

Keywords: cybersocialization, socialization, digital technologies, psychological security

For citation: Galin, K.O., Petrov, V.E. (2025). Digital technologies as a safe environment for adolescent socialization. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 102—118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020407>

Введение

Актуальность. Проблема цифровых технологий как безопасной среды социализации подростков в последние десятилетия приобретает особую актуальность в контексте цифровизации всех сфер общественной жизни (Каменская, 2022). Современные подростки, как пример наиболее активной группы пользователей Интернета, формируют свою идентичность и социальные связи в цифровой среде, что требует нового осмысления и психолого-педагогического сопровождения процесса социализации в виртуальном мире (Галин, 2022). Согласно данным, широко представленным на просторах сети Интернет, в 2023 году более 95% российских подростков в возрасте 12—17 лет ежедневно проводят в цифровой среде минимум 3 часа, что не может не влиять на процесс формирования личности и социальную адаптацию (Солдатова и др., 2013).

Специалистами в области проблем цифровизации и связанной с ней безопасности личности не выработано единой эклектичной стратегии, а выражена поляризация подходов (Галин, 2020). С одной стороны, акцент делается на негативных аспектах цифровой среды, ее рисках, угрозах — таких как кибербуллинг, зависимость, одиночество (Светличная, Смирнова, 2025; Deldari, 2022). С другой стороны, исследователи демонстрируют активный процесс позитивных изменений в личности благодаря использованию цифровых технологий в плане развития социального интеллекта, профессиональной социализации и личностного роста (Boyd, 2014; Солдатова, Войскунский, 2021; Балаганский, Плешаков, 2024).

Противоречия возникают также в понимании самой природы современной социализации, при рассмотрении цифровой среды как независимого фактора, определяющего социальное развитие личности (Хиценко, 2025; Сафонов, Сафонова, 2025). В то же время ряд ученых

интерпретируют социализацию в цифровой среде как один из элементов общей социализации, в которой технологии являются инструментами социализации, а не самой причиной (Каюмова, 2025; Krivosheeva, 2025; Alameddine, 2024; Солдатов, Войскунский, 2021). Д. Бойд обращает внимание на стихийный характер социализации в цифровой среде, который основан на методе проб и ошибок при освоении Интернета, что представляет определенную угрозу личности (Boyd, 2014). Отечественные исследователи во многом согласны с подобной точкой зрения, акцентируя внимание на безопасности цифровой среды и указывая на необходимость психолого-педагогического сопровождения при формировании цифровых компетенций у детей. Например, как показывает исследование, проведенное на сотrudниках ряда общеобразовательных школ Тамбовской области, педагогам не хватает специальных познаний в области формирования цифровых компетенций у обучающихся. Не было выявлено взаимосвязи между количеством часов в неделю, на которых обучающиеся получали навыки безопасного поведения в Интернете, и частотой возникновения случаев с поведением в Интернете (Галин, 2024).

Существуют проблемы между цифровыми компетенциями педагогов и потребностями подростков, между активным освоением цифровых продуктов и безопасностью личности.

Цель настоящего исследования: установить взаимосвязь между социализацией подростков, личностными характеристиками и предпочтениями в выборе безопасных интернет-ресурсов.

Гипотеза: цифровая среда является инструментом социализации подростков.

Материалы и методы

Методы

1. Авторская анкета предпочтений в выборе интернет-ресурсов, которая направлена на выявление мотивационной основы активности в Интернете (табл. 1). Включает в себя четыре блока утверждений, связанных с одной из четырех шкал: «Информационные потребности», «Коммуникационные потребности», «Развлекательные потребности», «Познавательные потребности». В каждом блоке по пять утверждений, каждое из которых оценивается по пятибалльной шкале (1 — никогда; 2 — редко; 3 — иногда; 4 — часто; 5 — постоянно).

Таблица 1 / Table 1

Шкалы и утверждения анкеты предпочтений в выборе интернет-ресурсов
Scales and statements of the questionnaire of preferences in the choice of Internet resources

Шкалы / Scales	Утверждения / Approvals
Информационные потребности / Information needs	Ищу информацию для учебы / I'm looking for information for my studies
	Читаю новости о событиях в мире / I read the news about the events in the world
	Ищу инструкции или советы / Looking for instructions or advice
	Проверяю факты или уточняю информацию / Checking facts or clarifying information
	Изучаю отзывы товаров и услуг / I study reviews of products and services

Коммуникационные потребности / Communication needs	Общаюсь с друзьями в мессенджерах и соцсетях / I communicate with my friends in messengers and social networks
	Знакомлюсь с новыми людьми в Интернете / I meet new people on the Internet
	Общаюсь в групповых чатах или онлайн-сообществах / I communicate in group chats or online communities
	Общаюсь с родственниками, которые находятся далеко / I communicate with relatives who are far away
	Делюсь своими мыслями и эмоциями / I share my thoughts and emotions
Развлекательные потребности / Entertainment needs	Смотрю фильмы, сериалы, юмористические ролики / I watch movies, TV series, and humorous videos
	Играю в онлайн-игры / I play online games
	Просматриваю мемы или другой развлекательный контент / Watching memes or other entertainment content
	Слушаю музыку и подкасты / I listen to music and podcasts
	Участвую в челленджах / I participate in challenges
Познавательные потребности и саморазвитие / Cognitive needs and self-development	Прохожу онлайн-курсы или уроки по интересам / I take online courses or lessons based on my interests
	Читаю статьи о саморазвитии / I read articles about self-development
	Участвую в образовательных вебинарах или лекциях / I participate in educational webinars or lectures
	Изучаю материалы для своего хобби / I study materials for my hobby
	Анализирую свои успехи с помощью приложений и ресурсов / I analyze my progress using apps and resources

Обработка данных предполагала подсчет суммы баллов по каждой шкале. Интерпретация была реализована на четырех градациях: 20—25 баллов — выраженная потребность; 15—19 баллов — умеренная потребность; 10—14 баллов — слабая потребность; 5—9 баллов — потребность не сформирована.

2. 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16PF).

3. Калифорнийский психологический опросник, CPI (адаптация Н.В. Тарабриной, Н.А. Графиной).

4. Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко) для оценивания параметров, связанных с самоощущением и осмысленностью респондентами своей жизни.

5. Анкета социально-демографических данных, а также увлеченности интернет-ресурсами.

Применялись следующие методы математической обработки данных: описательная статистика, корреляционный анализ (ранговая корреляция по Ч. Спирмену).

Респонденты: обучающиеся общеобразовательной школы, всего 226 человек, из которых 137 девочек и 89 мальчиков, возраст 13—16 лет. Выбор школ был стохастическим из числа

образовательных организаций, включенных в региональный центр развития сети школьных служб примирения Тамбовской области.

Результаты

Рассчитаны временные характеристики, связанные с обращением подростков к интернет-ресурсам (табл. 2). Статистика подтвердила, что современные подростки в среднем посвящают Интернету около 4,2 часа в день.

Таблица 2 / Table 2

Среднее время в Интернете у респондентов
Average time spent online by respondents

Показатель / Indicator	Среднее / Average	σ	Минимальное значение / Minimum value	Максимальное значение / Maximum meaning
Время в интернете (часов в день) / Internet time (hours per day)	4,2	1,8	1,5	9

Гендерных различий во времени, проводимом подростками в сети Интернет, не установлено (табл. 3). Но с точки зрения использования нейросетей имеются вариации: наименьшее различие в использовании подростками нейросетей для творчества (в сравнении с учебой и развлечениями). Отмечен дисбаланс в использовании нейросетей и преобладании развлекательной цели над учебной, что демонстрирует нереализованность образовательного потенциала данной технологии.

Таблица 3 / Table 3

Среднее время в Интернете у респондентов по цели использования искусственного интеллекта

Average internet time among respondents by purpose of AI use

Показатель использования нейросетей / Neural network usage rate	Мальчики (часов в день) / Boys (hours per day)	Девочки (часов в день) / Girls (hours per day)	t-критерий / The t-criterion	p
Для учебы / For studying	3,5	4,1	2,89	<0,05
Для творчества / For creativity	2,7	3,1	1,95	>0,05
Для развлечений / For entertainment	4,3	3,9	2,12	<0,05

Оценена взаимосвязь **информационных потребностей** и характеристик личности подростков. Некоторые измеренные показатели продемонстрировали статистически значимую взаимосвязь (табл. 4). Например, «Информационные потребности» коррелируют с параметрами, ориентированными на взаимодействие с внешней средой, познание и открытие

нового. Фактор В (интеллект) опросника Р. Кеттелла представляет личность как направленную на быстрое усваивание нового материала ($R = 0,726$). Поиск информации в Интернете требует формирования соответствующих знаний и умений, управление информационными потоками позволяет развивать профессиональную компетентность, что подтверждается связью с одноименным параметром опросника К. Рифф. Удовлетворение информационных потребностей напрямую связано с личностным ростом, поскольку стимулирует расширение кругозора и общее когнитивное развитие.

Таблица 4 / Table 4

Корреляционные связи шкалы «Информационные потребности»

Correlation relationships of the “Information needs” scale

Показатель / Indicator	R	p
Фактор В «Интеллект» / Factor B “Intelligence”	0,726	<0,001
Социализация / Socialization	0,684	<0,01
Компетентность / Competence	0,582	<0,05
Управление средой / Environment management	0,616	<0,01
Личностный рост / Personal growth	0,579	<0,05
Потребность в развлечениях / The need for entertainment	-0,491	<0,05
Время, проведенное в интернете / Time spent on the Internet	0,243	>0,05

Корреляция с шкалой CPI «Социализация» может являться подтверждением взаимосвязи между высокими показателями социальной адаптации и более активного использования цифровых технологий для личностного роста через сообщества и информационные порталы ($R = 0,684$). Полагаем, что использование интернет-ресурсов образует для личности субъективно безопасную и комфортную среду социализации.

Отрицательная корреляционная связь с удовлетворением потребностей в развлечениях носит конкурентный характер, поскольку обучающиеся, ориентированные на информационный поток, пренебрегают тратой времени в Интернете на развлечения ($R = -0,491$). При этом корреляция с количеством времени, проведенном в Интернете, не является статистически значимой.

Изучены корреляционные связи показателя «*Социальные потребности*» (табл. 5). Установлено, что обучающиеся с высокими показателями значений фактора А «Замкнутость-общительность» ожидаемо больше других стремятся к поиску новых контактов и поддержанию социальных связей в виртуальной среде ($R = 0,729$). Высокий уровень выраженности показателя «Социализация» подчеркивает, что подростки стараются успешно интегрировать виртуальное общение в общую коммуникативную среду в реальном мире ($R = 0,685$).

Таблица 5 / Table 5

Корреляционные связи шкалы «Социальные потребности»

Correlations of the “Social Needs” scale

Показатель / Indicator	R	p
Фактор А «Замкнутость-общительность» / Factor A “Closeness-sociability”	0,729	<0,001
Социализация / Socialization	0,685	<0,01
Позитивные отношения / Positive relationships	0,586	<0,01
Время, проведенное в интернете / Time spent on the Internet	0,617	<0,001
Автономия / Autonomy	0,571	<0,05
Фактор Q2 «Конформизм-нонконформизм» / The Q2 “Conformism-nonconformism”	0,493	<0,05

Удовлетворение социальных потребностей коррелирует с показателем позитивных отношений опросника К. Рифф ($R = 0,856$). Корреляционная связь с показателем автономии ($R = 0,571$) демонстрирует, что подобные личности не столько ведомы в обществе, сколько выступают в роли активных и независимых его членов. Данный частный вывод также подтверждается взаимосвязью с фактором Q2 «Конформизм-нонконформизм» ($R = 0,493$). Следует обратить внимание на то, что удовлетворение социальных потребностей связано с достаточно большим количеством времени, проводимым в Интернете.

Развлекательные потребности коррелируют с рядом оцененных в исследовании параметров (табл. 6). Установлено, что развлекательный контент в силу своей специфики обладает высоким уровнем вовлечения и предполагает более длительное непрерывное его потребление, что увеличивает общее время пребывания в «виртуальном мире» ($R = 0,818$). Однако нельзя утверждать, что интернет-развлечения носят исключительно деструктивный характер, угрожают безопасности личности. Корреляционная связь с потребностью в коммуникации ($R = 0,635$) демонстрирует, что развлекательный контент может быть способом социального взаимодействия, которое по тем или иным причинам не может быть полноценно удовлетворено в реальном мире.

Таблица 6 / Table 6

Корреляционные связи шкалы «Развлекательные потребности»

Correlations of the “Entertainment needs” scale

Показатель / Indicator	R	p
Время, проведенное в интернете / Time spent on the Internet	0,818	<0,001
Потребность в коммуникации / The need for communication	0,635	<0,01

Фактор F «Сдержанность-экспрессивность» / Factor F “Restraint-expressivity”	0,591	<0,05
Компетентность / Competence	-0,672	<0,01
Личностный рост / Personal growth	-0,727	<0,001
Социализация / Socialization	-0,483	<0,05
Фактор В «Интеллект» / Factor B “Intelligence”	0,194	>0,05

Корреляционную связь с фактором F «Сдержанность-экспрессивность» ($R = 0,591$) можно интерпретировать следующим образом: личности, которым в реальном мире не удастся реализовать свою активность и достичь эмоциональной разрядки, переносят ее в виртуальную среду, через развлекательный контент получают то, что недополучают или не могут получить в реальном мире. Центрирование на интернет-ресурсах как на развлечении ограничивает возможности профессионального ($R = -0,672$) и личностного ($R = -0,727$) роста, останавливая совершенствование необходимых компетенций и не способствуя саморазвитию.

Чрезмерная трата времени на удовлетворение развлекательных потребностей требует особого внимания в плане потенциальной угрозы безопасности личности, поскольку подменяет реальное взаимодействие виртуальным, ограничивая развитие социальных навыков и нарушая общий процесс социализации (отрицательная корреляционная связь со шкалой «Социализация» CPI $R = -0,483$).

Удовлетворение *познавательных потребностей* и потребностей в саморазвитии имеет корреляционную взаимосвязь (табл. 7) с некоторыми характеристиками — «Личностный рост» ($R = 0,834$), «Интеллект», фактор В ($R = 0,766$), «Цель в жизни» ($R = 0,715$), «Самоактуализация» ($R = 0,684$), «Компетентность» ($R = 0,652$).

Необходимо подчеркнуть, что со шкалой «Социализация» корреляционная связь не выражена. Причиной может являться то, что респонденты с высокими показателями по указанным в таблице шкалам больше ориентированы на личностный рост и собственное развитие, чем на развитие в группе и активное социальное взаимодействие. Это может быть темой для дальнейших исследований.

Таблица 7 / Table 7

Корреляционные связи шкалы «Познавательные потребности и саморазвитие»
Correlations of the “Cognitive needs and self-development” scale

Показатель / Indicator	R	p
Личностный рост / Personal growth	0,834	<0,001
Фактор В «Интеллект» / Factor B “Intelligence”	0,766	<0,001
Цель в жизни / A purpose in life	0,715	<0,01
Самоактуализация / Self-actualization	0,684	<0,01
Компетентность / Competence	0,652	<0,01

Время в интернете / Time on the Internet	0,311	>0,05
--	-------	-------

В рамках настоящего исследования дополнительно было изучено влияние на личностные особенности подростков феномена *искусственного интеллекта* (далее — ИИ), в частности использования нейросетей. Обучающиеся с выраженной познавательной мотивацией по схожим шкалам опросников имеют устойчивую положительную корреляционную связь с использованием нейросетей для учебы (табл. 8 и 9). Установлено, что действительно современные подростки год от года тратят больше времени на интернет-ресурсы, но при этом не в рамках удовлетворения развлекательных потребностей.

Таблица 8 / Table 8

Корреляционные связи использования ИИ для учебы
Correlations of AI use in education

Показатель / Indicator	R	p
Познавательные потребности / Cognitive needs	0,785	<0,001
Фактор В «Интеллект» / Factor B “Intelligence”	0,694	<0,01
Компетентность / Competence	0,657	<0,01
Цель в жизни / A purpose in life	0,628	<0,05
Время в интернете / Internet time	0,586	<0,05
Развлекательные потребности / Entertainment needs	-0,572	<0,05
Социализация / Socialization	0,254	>0,05

Не установлена корреляционная взаимосвязь с социализацией ($R = 0,254$). Тем не менее использование нейросетей для мотивированных студентов с выраженной познавательной активностью может являться примером для конструктивного использования цифровых технологий в рамках социализации школьников.

По результатам исследования установлено, что творческая работа с технологиями искусственного интеллекта требует независимости мышления и способностей к самовыражению, что характерно для обучающихся с высокой автономией от общества ($R = 0,847$).

Таблица 9 / Table 9

Корреляционные связи использования ИИ для творчества
Correlations of AI use for creativity

Показатель / Indicator	R	p
Автономия / Autonomy	0,847	<0,001
Личностный рост / Personal growth	0,794	<0,001
Фактор I «Жесткость-чувствительность» / Factor I “Stiffness - sensitivity”	0,739	<0,01
Познавательные потребности / Cognitive needs	0,681	<0,01

Социализация / Socialization	0,455	<0,05
Фактор G «Низкая нормативность поведения — высокая нормативность поведения» / Factor G “Low normality of behavior — high normality of behavior”	-0,591	<0,05
Потребности в развлечении / Entertainment needs	0,219	>0,05

В свою очередь, нейросеть становится инструментом для экспериментов и собственного творческого развития, включая личностный рост ($R = 0,794$). Это, как правильно, чувствительные, мечтательные подростки, склонные к романтизму и эмпатии. Нейросети помогают выразить свои внутренние переживания и эмоции в различных творческих проектах без большого порога «входа в творчество» — например, через музыку, поэзию, рисование или другое художественное творчество. Отрицательная корреляционная связь с фактором G «Низкая нормативность поведения — высокая нормативность поведения» ($R = -0,591$) связана со свободным мышлением этих подростков, которое позволяет им более свободно экспериментировать с нейросетями.

Использование нейросетей для развлечений носит схожий характер с общим поведением в Интернете, направленном на удовлетворение потребностей в развлечении (табл. 10). Таким образом, можно утверждать, что для подростков нейросети являются одним из инструментов удовлетворения их потребности. Корреляционная плеяда из параметров времени в Интернете, личностного роста и фактора В «Интеллект» демонстрирует однонаправленный развлекательный характер времени, проводимого в виртуальной среде. Установленные корреляционные связи указывают на риск формирования зависимости, что требует особого внимания и работы психологов и социальных педагогов в школах.

Таблица 10 / Table 10

Корреляционные связи использования ИИ для развлечения
Correlations of AI use for entertainment

Показатель / Indicator	R	p
Потребности в развлечении / Entertainment needs	0,855	<0,001
Время в интернете / Internet time	0,771	<0,001
Фактор F «Сдержанность- экспрессивность» / Factor F “Restraint-expressiveness”	0,716	<0,01
Личностный рост / Personal growth	-0,684	<0,01
Фактор В «Интеллект» / Factor B “Intelligence”	-0,635	<0,05
Познавательные потребности / Cognitive needs	-0,617	<0,05
Компетентность / Competence	-0,582	<0,05
Социализация / Socialization	0,271	>0,05

Проведен кластерный анализ по типам пользователей нейросетей (табл. 11). Наиболее объемной группой оказался кластер под условным названием «Игроки». Подростки этой группы преимущественно использовали игровой контент, что требует особого внимания психологов и педагогических работников школ.

Таблица 11 / Table 11

Кластерный анализ по типа пользователей ИИ
Cluster analysis by AI user type

Параметр / Parameter	«Профессионалы» / “Professionals” (32%)	«Творцы» / “The Creators” (28%)	«Игроки» / “Players” (40%)
Цель использования / Purpose of use	Учеба / Study	Творчество / Creation	Развлечения / Entertainments
Среднее время, часов в день / Average time, hours per day	3,8	2,9	4,1
Личностный рост / Personal growth	Высокий / High	Высокий / High	Низкий / Low
Социализация / Socialization	Высокая / High	Средняя / Average	Низкий / Low

К «Профессионалам» относятся целеустремленные школьники, использующие передовые цифровые технологии для собственного развития и решения образовательных задач. «Творцы» объединили в себя творческих подростков, нацеленных на самореализацию через выражение своих творческих идей.

Обсуждение результатов

Важнейшим результатом проведенного исследования является выявление комплекса взаимосвязей между социализацией, личностными особенностями и направленностью использования цифровых технологий. Выделяется полярное противостояние между стратегией «развития» и «потребления». Данный аспект согласуется с концепцией дифференцированного использования цифровых технологий. Образовательный потенциал цифровых технологий может быть реализован при внутренней мотивации саморазвития и обучения, преобладающей над досуговой деятельностью.

Показано, что удовлетворение в Интернете потребности в коммуникации взаимосвязано с уровнем социализации и позитивным отношением к окружающим. Использование цифровых технологий становится инструментом для развития социальных навыков и увеличения среды общения подростков.

Обратим внимание, что у респондентов женского пола сильнее выражена связь с удовлетворением потребностей в коммуникации и использовании нейросетей для учебы, в отличие от респондентов мужского пола, у которых преобладает более длительное пребывание в Интернете, связанное с удовлетворением потребностей в развлечении. Это может быть опосредовано социокультурными факторами и требует дальнейшего изучения (Алексеева, Петров, 2024).

Следует отметить, что использование таких передовых цифровых технологий, как искусственный интеллект, позволяет структурировать особенности использования цифровых технологий подростками. Предложенная типология — «Профессионалы», «Творцы», «Игроки» — отражает различную мотивационную направленность поведения подростков в виртуальной среде.

Смеем предположить, что в образовательной практике и системе профилактики асоциального поведения несовершеннолетних необходимо сделать больший акцент на формировании мотивационной сферы подростков, направленной на личностное развитие, творческое и профессиональное совершенствование. Именно «потребление» развлекательного контента связано с низкими показателями указанных выше параметров. Нацеленность подростков на творческий продукт или собственное профессиональное развитие мотивирует их использовать цифровые ресурсы для достижения данных целей, пренебрегая временем на развлекательный контент, который может нести деструктивное влияние на личность подростков при длительном использовании. Стоит обратить внимание, что развлекательный контент сильнее остальных вынуждает подростков проводить больше времени в Интернете.

Заключение

1. Личностные особенности подростков определяют направленность взаимодействия с цифровыми технологиями. Доминирование познавательных потребностей определяет использование цифровых технологий в учебных целях, в то время как мотивация в развлечении сказывается на большем использовании цифровых технологий для развлечений. Аналогичная ситуация с творческими подростками, мотивация демонстрации и самовыражения в творческих продуктах взаимосвязана с использованием цифровых технологий для данной цели. Удовлетворение в Интернете потребности в коммуникации взаимосвязано с уровнем социализации и позитивным отношением к окружающим. Использование цифровых технологий становится инструментом для развития социальных навыков и увеличения среды общения подростков.

2. Структура взаимосвязи социализации и использования цифровых технологий представляет собой систему взаимодействий ряда личностных характеристик через мотивационные паттерны, определяющие опыт в виртуальной среде. Предложенная типология — «Профессионалы», «Творцы», «Игроки» — отражает различную мотивационную направленность поведения подростков в виртуальной среде, а также фундаментальные различия в мотивационно-ценностной сфере подростков, требующие различного психолого-педагогического подхода.

3. Принципиальных различий во времени, проводимом в Интернете, по гендерной принадлежности выявлено не было. У респондентов женского пола сильнее выражена связь с удовлетворением потребностей в коммуникации и использовании нейросетей для учебы, в отличие от респондентов мужского пола, у которых преобладает более длительное пребывание в Интернете, связанное с удовлетворением потребностей в развлечении. Это может быть опосредовано социокультурными факторами и требует дальнейшего изучения.

Перспективы исследования. Развитие психолого-педагогических программ социализации с применением цифровых технологий требует новых подходов к организации занятий. Выявленные нами данные могут быть положены в основу совершенствования цифровой безопасности личности, а также информационных средств поддержки образовательного процесса. Перспектива дальнейших исследований связана с лонгитюдным изучением использования цифровых технологий в рамках безопасной социализации молодежи.

Ограничения. Исследование проводилось на подростках Тамбовской области, что ограничивает возможность экстраполяции результатов на другие регионы и возрастные

Галин, К.О., Петров, В.Е. (2025)
Цифровые технологии как безопасная среда
социализации подростков
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 102—118.

Galin, K.O., Petrov, V.E. (2025)
Digital technologies as a safe environment for adolescent
socialization
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 102—118.

группы. Исследование носит констатирующий характер и не ставило перед собой цель отследить динамику изменения личностных особенностей у подростков. Для последующих исследований необходимо учесть влияние особенностей внутренней политики образовательных организаций в сфере цифровых технологий в целом.

Limitations. The study was conducted on adolescents in the Tambov region, which limits the ability to extrapolate to other regions and age groups. This is a preliminary study and does not aim to track the dynamics of changes in the indicators studied among adolescents. Future research should consider the impact of educational institutions' internal policies on digital technologies in general.

Список источников / References

1. Алексеева, Е.А., Петров, В.Е., (2024). Психологические проблемы нечетких ролей в современной семье. В: *Детерминанты развития экономики, образования и российского общества на пороге новой технологической эры: Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам международных научно-практических конференций*, Москва, 15—20 декабря 2024 года (с. 6—11).
Alekseeva, E.A., Petrov, V.E., (2024). Psychological problems of unclear roles in the modern family. In: *Determinants of the development of the economy, education and Russian society on the threshold of a new technological era: Collection of publications of teachers and students based on the results of international scientific and practical conferences, Moscow, December 15—20, 2024* (pp. 6—11). (In Russ.)
2. Балаганский, К.Н., Плешаков, В.А. (2024). Киберсоциализация в Мета вселенных как фактор комплексного развития личности в современном мире. В: *Шамовские чтения: Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции* (с. 586—594).
Balagansky, K.N., Pleshakov, V.A. (2024). Cybersocialization in Metauniverses as a Factor in the Complex Development of Personality in the Modern World. In: *Shamovsky Readings: Collection of Articles from the XVI International Scientific and Practical Conference* (pp. 586—594). (In Russ.)
3. Галин, К.О. (2022). Концептуализация понятийного аппарата социализации в условиях современного мира. *Общество: социология, психология, педагогика*, 5(97), 125—129. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.5.18>
Galin, K.O. (2022). Conceptualization of the conceptual apparatus of socialization in the conditions of the modern world. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 5(97), 125—129. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.5.18>
4. Галин, К.О. (2024). Цифровые компетенции специалистов системы профилактики. *Современные тенденции, проблемы и пути развития физической культуры, спорта, туризма и гостеприимства: Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции*, Москва, 20—21 ноября 2024 года (с. 313—318).
Galin, K.O. (2024). Digital competencies of specialists in the prevention system. *Current trends, problems and ways of development of physical education, sports, tourism and hospitality: Collection of materials from the XVIII International scientific and practical conference, Moscow, November 20—21, 2024* (pp. 313—318). (In Russ.)
5. Галин, К.О. (2020). Формирование понятия «социализация»: от социализма до гиперинформационного общества. В: *Проблемы социальной зрелости молодежи в науке о*

Галин, К.О., Петров, В.Е. (2025)
Цифровые технологии как безопасная среда
социализации подростков
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 102—118.

Galin, K.O., Petrov, V.E. (2025)
Digital technologies as a safe environment for adolescent
socialization
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 102—118.

человеке: сборник научных трудов по материалам XIII Международного семинара молодых ученых и аспирантов, Тамбов, 21 ноября 2020 года (с. 24—27).
Galin, K.O. (2020). Formation of the concept of “socialization”: from socialism to a hyperinformation society. In: *Problems of social maturity of youth in human science: a collection of scientific papers based on the materials of the XIII International Seminar of Young Scientists and Postgraduates, Tambov, November 21, 2020* (pp. 24—27). (In Russ.)

6. Каменская, В.Г. (2022). Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков. *Экспериментальная психология*, 15(1), 139—159. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150109>
Kamenskaya, V.G. (2022). Digital technologies and their impact on the social and psychological characteristics of children and adolescents. *Experimental Psychology*, 15(1), 139—159. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150109>
7. Каюмова, И.Ф. (2025). Воспитание в современной цифровой среде: формирование критического мышления и цифровой грамотности у школьников. В: *Новиковские педагогические чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Владимир, 25—26 марта 2025 года* (с. 337—341).
Kayumova, I.F. (2025). Education in a Modern Digital Environment: Formation of Critical Thinking and Digital Literacy in Schoolchildren. In: *Novikov Pedagogical Readings: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Vladimir, March 25—26, 2025* (pp. 337—341). (In Russ.)
8. Сафонов, А.А., Сафонова, М.А. (2025). *Цифровая педагогика. Практический курс: учебник и практикум для среднего профессионального образования*. М.: Юрайт.
Safonov, A.A., Safonova, M.A. (2025). *Digital Pedagogy. Practical Course: Textbook and Workshop for Secondary Vocational Education*. Moscow: Yurait. (In Russ.)
9. Светличная, Т.Г., Смирнова, Е.А. (2025). Влияние интернет-технологий на подростков. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 25(1), 29—39.
Svetlichnaya, T.G., Smirnova, E.A. (2025). The Impact of Internet Technologies on Adolescents. *Issues of Mental Health of Children and Adolescents*, 25(1), 29—39. (In Russ.)
10. Солдатова, Г.У., Войскунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431—450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
Soldatova, G.U., Voiskunsky, A.E. (2021). Social-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 431—450. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450>
11. Солдатова, Г.У., Нестик, Т.А., Рассказова, Е.И., Зотова, Е.Ю. (2013). *Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования*. М.: Фонд Развития Интернет.
Soldatova, G.U., Nestik, T.A., Rasskazova, E.I., Zotova, E.Yu. (2013). *Digital competence of adolescents and parents: results of an all-Russian study*. Moscow: Internet Development Foundation. (In Russ.)
12. Хиценко, А.И. (2025). Влияние виртуальной среды на воспитание молодежи. В: *Новиковские педагогические чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции* (с. 349—355). Владимир: Владимирский институт развития образования

Галин, К.О., Петров, В.Е. (2025)
Цифровые технологии как безопасная среда
социализации подростков
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 102—118.

Galin, K.O., Petrov, V.E. (2025)
Digital technologies as a safe environment for adolescent
socialization
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 102—118.

имени Л.И. Новиковой, 2025.

Khitsenko, A.I. (2025). The Impact of the Virtual Environment on the Education of Youth. *Novikova Pedagogical Readings: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp. 349—355). Vladimir: Vladimir Institute for Education Development named after L.I. Novikova, 2025. (In Russ.)

13. Alameddine, A. (2024). The Challenges and Benefits of Teenagers Having Widespread Access to Digital Technologies. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25361.03682>
14. Boyd, D. (2014). *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. Yale University Press. <https://doi.org/10.12987/9780300166439>
15. Deldari, E. (2022). Supporting A Safe and Healthy Immersive Environment for Teenagers. *Psychological bulletin*, 99(1).
16. Krivosheeva, O. (2025). Optimization of digital socialization of students-athletes. *Current Issues of Sports Psychology and Pedagogy*, 5(3), 99—109. <https://doi.org/10.15826/spp.2025.3.156>

Информация об авторах

Кирилл Олегович Галин, аналитик отдела проектной и научной деятельности Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский государственный университет спорта и туризма», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5515-7270>, e-mail: it.cirogalin@yandex.ru

Владислав Евгеньевич Петров, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология» ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет». Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: Petrovve@mgppu.ru

Information about the authors

Kirill O. Galin, Analyst of the Department of Project and Scientific Activities, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education in Moscow “Moscow State University of Sport and Tourism”, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5515-7270>, e-mail: it.cirogalin@yandex.ru

Vladislav E. Petrov, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Department of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education. Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: petrovve@mgppu.ru

Вклад авторов

Галин К.О. — идея, организация исследования, написание статьи.

Петров В.Е. — сбор данных, обработка данных.

Оба автора приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Галин, К.О., Петров, В.Е. (2025)
Цифровые технологии как безопасная среда
социализации подростков
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 102—118.

Galin, K.O., Petrov, V.E. (2025)
Digital technologies as a safe environment for adolescent
socialization
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 102—118.

Contribution of the authors

Kirill O. Galin — idea, organization of research, writing the article.

Vladislav E. Petrov — data collection, data processing.

Both authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проведено в соответствии с Хельсинкской декларацией и одобрено этической комиссией Ученого совета факультета «Экстремальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета (протокол № 3 от 30.09.2025).

Ethics statement

The study was conducted in accordance with the Declaration of Helsinki and approved by the Ethics Committee of the Academic Council of the Department of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education (protocol no. 3, 2025/09/30).

Поступила в редакцию 24.10.2025
Поступила после рецензирования 12.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.10.24.
Revised 2025.11.12.
Accepted 2025.12.07.
Published 2025.12.30.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ | GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY SAFETY OF THE PERSONALITY

Научная статья | Original paper

Особенности эмоционального интеллекта студентов колледжа с отклоняющимся поведением

Г.В. Дутикова¹✉

¹ ГОБПОУ «Усманский многопрофильный колледж», Усмань, Российская Федерация

✉ batrakova-galina@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В современном обществе для продуктивного взаимодействия и эффективного влияния на социальную среду важную роль играет эмоциональный интеллект. Именно эмоциональный интеллект обеспечивает успешную социализацию подростков, соблюдение ими нормативных правил и способствует профилактике отклоняющегося поведения.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие учащиеся колледжа в возрасте 16—19 лет: 52 человека. Были взяты группы сравнения: 1-я группа: 26 человек — студенты колледжа, имеющие нарушения дисциплины, 2-я группа: 26 человек — студенты колледжа, не имеющие нарушений дисциплины. Методы: 1) тест эмоционального интеллекта (автор: Д.В. Люсин); 2) методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (автор: А.Н. Орел); 3) свободная беседа с кураторами групп «Нарушения дисциплины студента» (авторская разработка). Методы математической статистики: U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмана.

Результаты. У студентов, имеющих нарушения дисциплины, выше показатель склонности к делинквентному поведению (на 2,39 балла), на уровне тенденции выше такие показатели, как склонность к социальной желательности и зависимость. Студенты без нарушений дисциплины обладают более высокими показателями эмоционального интеллекта по шкалам: внутриличностный эмоциональный интеллект, общее понимание эмоций, общее управление эмоциями, понимание своих эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта, управление своими эмоциями. Взаимосвязь показателей эмоционального интеллекта и отклоняющегося поведения более выражена в группе студентов, имеющих нарушения дисциплины; обнаружены обратные взаимосвязи между контролем экспрессии и установкой на социально желательные ответы (-0,438), внутриличностным эмоциональным интеллектом и склонностью к делинквентному поведению (-0,427), а также положительная взаимосвязь между управлением своими эмоциями и агрессией (0,422). В группе студентов, не имеющих нарушений дисциплины, наблюдается положительная связь: между

Дутикова Г.В. (2025)
Особенности эмоционального интеллекта студентов
колледжа с отклоняющимся поведением
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 119—132.

Dutikova G. V. (2025)
Emotional intelligence characteristics of college students
with deviant behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 119—132.

внутриличностным эмоциональным интеллектом и установкой на социально желательные ответы, между внутриличностным эмоциональным интеллектом и волевым контролем. **Выводы.** Существуют различия в уровне и структуре эмоционального интеллекта у студентов с нарушениями дисциплины и без таковых.

Ключевые слова: девиантное поведение, психологическая безопасность, эмоциональный интеллект, студенты колледжа

Для цитирования: Дутикова, Г.В. (2025). Особенности эмоционального интеллекта студентов колледжа с отклоняющимся поведением. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 119—132. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020408>

Emotional intelligence characteristics of college students with deviant behavior

G.V. Dutikova¹✉

¹ Usman Multidisciplinary College, Usman, Russian Federation

✉ batrakova-galina@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. In modern society, emotional intelligence plays a vital role in productive interaction and effective influence on the social environment. It is emotional intelligence that ensures the successful socialization of adolescents, their adherence to normative rules, and helps prevent deviant behavior. **Methods and materials.** The study involved 52 college students aged 16—19. Comparison groups were divided into: Group 1: 26 students with disciplinary violations; Group 2: 26 students with no disciplinary violations. Methods: 1) emotional intelligence test (author: D.V. Lyusin); 2) method for determining the tendency to deviant behavior (author: A.N. Orel); 3) free discussion with the curators of the “Student Disciplinary Violations” groups (original development). Methods of mathematical statistics: Mann-Whitney U-test, Spearman correlation analysis. **Results.** Students prone to discipline violations have a higher tendency toward delinquent behavior (by 2,39 points), with higher tendencies in social desirability and dependence. Students without discipline violations have higher emotional intelligence scores on the following scales: intrapersonal emotional intelligence, general understanding of emotions, general emotional management, understanding of one's emotions, general level of emotional intelligence, and emotional management. The relationship between emotional intelligence scores and deviant behavior is more pronounced in the group of students with discipline violations. Inverse relationships were found between expression control and the tendency to give socially desirable responses (-0,438), intrapersonal emotional intelligence and tendency toward delinquent behavior (-0,427), as well as a positive relationship between the management of one's emotions and aggression (0,422). In the group of students without disciplinary violations, a positive relationship is observed: between intrapersonal emotional intelligence and the attitude towards

socially desirable responses, between intrapersonal emotional intelligence and volitional control. **Conclusions.** There are differences in the level and structure of emotional intelligence in students with and without disciplinary violations.

Keywords: deviant behavior, psychological safety, emotional intelligence, college students

For citation: Dutikova, G.V. (2025). Emotional intelligence characteristics of college students with deviant behavior. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 119—132. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020408>

Введение

Актуальность. В существующем сегодня обществе для продуктивного взаимодействия и эффективного влияния на социальную среду мало использовать только умственные способности. Эмоциональная составляющая коммуникации все чаще выходит на передний план. Именно эмоциональный интеллект играет решающую роль в результативности сотрудничества и приспособляемости к окружающей действительности.

Негативные эмоции, особенно такие, как страх или тревога, причиняют дискомфорт. Попытки вытеснить эти чувства приводят к уходу их из сферы сознания (Березина, 2014), впоследствии это может привести к психосоматическим расстройствам, фобиям (Иванова, Завязкина, 2025), а может стать причиной формирования отклоняющегося поведения (Акутина, Семавина, 2016). Это относится к различным категориям обучающихся: от подростков до взрослых (Воробьева, 2025), от студентов до военнослужащих срочной службы (Гвоздева, 2024). Исследователи также отмечают связь различных форм эмоционального неблагополучия обучающихся, в том числе и вызванного внешними причинами, с безопасностью личности (Финогенова, 2025). Интегральной характеристикой эмоциональных способностей личности является эмоциональный интеллект, развитие которого является одной из задач современной образовательной системы, совместно с другими познавательными функциями (Березина, 2009)

Отклоняющееся поведение — довольно широкое понятие; это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых общественных норм, под которыми обычно понимают общепринятые моральные и нравственные принципы, существующие законы и порядки, правила этики (Ерина, Мельник, 2020). В настоящее время многие формы отклоняющегося поведения у подростков начинают встречаться все чаще. Согласно данным кросс-культурного исследования Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), проводимого с 1983 года и изучающего привычки потребления психоактивных веществ среди школьников, больше половины 15-летних учащихся пробовали курить сигареты в возрасте младше 13 лет (Kun, 2010). В исследовании английских ученых (Best et al., 2005) приняло участие 2078 учащихся в возрасте 14—16 лет, посещающих семь стандартных государственных средних школ в южном Лондоне, была проведена оценка показателей и факторов риска развития отклоняющихся форм поведения (формирования зависимостей). Двадцать четыре процента от общей выборки когда-либо употребляли психоактивные вещества (каннабис), причем пятнадцать процентов сделали это в течение месяца, предшествовавшего оценке. Авторы отметили также связь развития девиаций с

эмоциональными и социальными факторами: потребители каннабиса в течение жизни реже проводили время со своими матерями и отцами и чаще проводили его с друзьями, которые курили, употребляли алкоголь и запрещенные наркотики, а также с друзьями, вовлеченными в преступную деятельность. В целом, исследование показало, что раннее начало употребления наркотиков связано с более частым употреблением каннабиса и что эта связь, по-видимому, подкрепляется меньшим временем, проведенным с родителями, и большим временем, проведенным с ровесниками, употребляющими наркотики (Best et al., 2005).

Современные исследования показывают связь эмоционального интеллекта с предпосылками формирования различных форм отклоняющегося поведения (Николова, 2021). В 2023 году было опубликовано исследование екатеринбургских ученых «Эмоциональный интеллект и склонность к употреблению психоактивных веществ в юношеском возрасте». С.А. Водяха и Ю.Е. Водяха исследовали 139 студентов педагогического университета г. Екатеринбурга в возрасте от 17 до 18 лет. Они измеряли склонность к отклоняющемуся поведению и эмоциональный интеллект. Авторы указывают, что употребление психоактивных веществ как наиболее распространенная и опасная форма отклоняющегося поведения, особенно в подростковом и юношеском возрасте, является серьезной проблемой для здоровья во всем мире. Подростки ищут новых захватывающих впечатлений, и это нередко приводит к рискованному поведению и экспериментам с различными психоактивными веществами, такими как табак, алкоголь и наркотики (Водяха, Водяха, 2023).

Как отмечают многие авторы, исследование особенностей эмоционального интеллекта у студентов с девиантным поведением целесообразно для получения представления о том, какие компоненты эмоционального интеллекта надо изменять для исправления отклонений в поведении (Безбородова, Безбородова, 2018).

Цель исследования: выявить взаимосвязи эмоционального интеллекта студентов, имеющих нарушения дисциплины, с показателями отклоняющегося поведения.

Гипотеза: уровень эмоционального интеллекта у студентов, имеющих нарушения дисциплины, ниже, чем у студентов с нормативным поведением. Существует взаимосвязь между склонностью к отклоняющемуся поведению и показателями эмоционального интеллекта, характер такой связи различается у студентов, имеющих и не имеющих нарушения дисциплины.

Материалы и методы

Методы

1. Тест эмоционального интеллекта (автор: Д.В. Люсин). Этот тест включает в себя два раздела по два компонента каждый. В итоге получаются следующие шкалы: межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект, общее понимание эмоций, общее управление эмоциями, общий уровень эмоционального интеллекта, понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии.
2. Методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (автор: А.Н. Орел). Состоит из 7 шкал, которые представляют разные девиации, такие как агрессия (склонность к агрессии и насилию), самоповреждение (склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению), зависимость (склонность к аддиктивному поведению),

противоправность (склонность к делинквентному поведению), а также волевой контроль (волевой контроль эмоционального состояния — шкала имеет обратный характер), направленность на социально желательные ответы и склонность к социальной желательности.

3. Свободная беседа с кураторами групп «Нарушения дисциплины студента». Авторская разработка. Цель беседы: выявить студентов, потенциально имеющих признаки девиантного поведения. Вопросы для беседы: 1) какие нарушения дисциплины наблюдаются у студентов вашей группы; 2) частота встречаемости разных форм нарушения дисциплины. По этим вопросам кураторы высказывали свое мнение и оценивали дисциплинированность студента как удовлетворительную, хорошую и отличную.

Методы математической статистики: 1) U-критерий Манна-Уитни для сопоставления двух выборок; 2) корреляционный анализ Спирмана. Программа Статистика-10.

Испытуемые: студенты колледжа в возрасте 16—19 лет: 52 человека ($17,1 \pm 1,48$ года). Были взяты группы сравнения: 1-я группа: 26 человек — студенты колледжа, имеющие нарушения дисциплины; 2-я группа: 26 человек — студенты колледжа, не имеющие нарушений дисциплины.

Отбор осуществлялся после беседы с кураторами. Из числа студентов, имеющих нарушения дисциплины, случайным образом было отобрано 26 человек. Также случайным образом было отобрано 26 человек из числа студентов, не имеющих нарушений дисциплины.

Опрос осуществлялся анонимно, по гугл-формам.

Результаты

Результаты беседы с кураторами мы использовали для разделения студентов на две группы (имеющих нарушения дисциплины и не имеющих). Большинство студентов имели отличную дисциплину или хорошую. Неудовлетворительной дисциплины не было. В группу имеющих нарушения дисциплины вошли студенты, чью дисциплину кураторы оценивали как удовлетворительную или «между удовлетворительной и хорошей». В группу не имеющих нарушений вошли студенты с отличной и «между хорошей и отличной» дисциплиной.

Мы сравнили показатели отклоняющегося поведения у студентов, имеющих нарушения дисциплины и не имеющих. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Показатели отклоняющегося поведения у студентов, имеющих нарушения дисциплины и не имеющих их

Indicators of deviant behavior in students with and without disciplinary violations

Шкалы / Scales	Студенты без нарушений дисциплины / Students without disciplinary violations	Студенты с нарушениями дисциплины / Students with disciplinary violations	U	p

Установка на социально желательные ответы / Setting for socially desirable responses	5,46	6,0	308	0,567
Склонность к социальной желательности / Social desirability bias	6,15	7,69	222	0,082
Зависимость / Addiction	7,73	9,85	236	0,061
Самоповреждение / Self-harm	8,42	9,04	304	0,532
Агрессия / Aggression	10,25	10,54	333	0,927
Волевой контроль / Volitional control	5,65	6,19	312	0,639
Противоправность / Illegality	6,88	9,27	227	0,042

Примечание: U — критерий Манна-Уитни; p — уровень значимости.

Note: U — Mann-Whitney test; p — significance level.

Как видно из таблицы, между двумя группами респондентов выявлено одно значимое различие: показатель «противоправность» (склонность к делинквентному поведению), $p = 0,042$. Также выявлено две тенденции по показателям: склонность к социальной желательности ($p = 0,082$), зависимость ($p = 0,061$). По шкалам «социально желательные ответы», «самоповреждающее поведение», «агрессия и насилие» и «волевой контроль» значимых различий по исследуемым группам выявлено не было.

Далее мы изучили особенности эмоционального интеллекта у студентов сравниваемых групп. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Показатели отклоняющегося поведения у студентов, имеющих нарушения дисциплины и не имеющих их

Indicators of deviant behavior in students with and without disciplinary violations

Шкалы / Scales	Студенты без нарушений дисциплины / Students without disciplinary violations	Студенты с нарушениями дисциплины / Students with disciplinary violations	U	p
Межличностный эмоциональный интеллект / Interpersonal emotional intelligence	43,3	39,6	259	0,097
Внутриличностный эмоциональный интеллект / Intrapersonal emotional intelligence	50,8	43,5	196	0,009
Общее понимание эмоций / General understanding of emotions	43,8	38,3	195	0,020

Общее управление эмоциями / General emotion management	50,4	44,8	219	0,030
Общий уровень эмоционального интеллекта / The general level of emotional intelligence	94	83,3	196	0,010
Понимание чужих эмоций / Understanding other people's emotions	23,2	20,7	237	0,065
Управление чужими эмоциями / Managing other people's emotions	20,1	18,9	297	0,450
Понимание своих эмоций / Understanding your emotions	20,5	17,7	212	0,021
Управление своими эмоциями / Managing your emotions	16,8	13,7	204	0,014
Контроль экспрессии / Expression control	13,5	12,1	236	0,061

Примечание: U — критерий Манна-Уитни; p — уровень значимости.

Note: U — Mann-Whitney test; p — significance level.

Как видно из табл. 2, группа студентов без нарушений дисциплины обладает более высокими показателями эмоционального интеллекта по следующим шкалам: внутриличностный эмоциональный интеллект ($U = 259$, $p = 0,009$), общее понимание эмоций ($U = 195$, $p = 0,020$), общее управление эмоциями ($U = 219$, $p = 0,030$), понимание своих эмоций ($U = 212$, $p = 0,009$), общий уровень эмоционального интеллекта ($U = 196$, $p = 0,021$), управление своими эмоциями ($U = 204$, $p = 0,014$). Превышение трех других показателей: контроль экспрессии, понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, — находится на уровне тенденции. По показателю «управление чужими эмоциями» различия не обнаружены.

Далее мы провели корреляционный анализ склонностей к отклоняющемуся поведению с показателями эмоционального интеллекта. Результаты в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь показателей эмоционального интеллекта со склонностью к отклоняющемуся поведению

The relationship between emotional intelligence indicators and tendencies toward deviant behavior

Студенты с нарушениями дисциплины / Students with disciplinary violations		Студенты без нарушений дисциплины / Students without disciplinary violations	
Показатели / Indicators	r	Показатели / Indicators	r
Контроль экспрессии (шкала ЭИ) и установка на социально-желательные ответы / Expression control (EI scale) and	-0,438*	Внутриличностный эмоциональный интеллект (Шкала ЭИ) и установка на социально-желательные	0,454*

setting for socially desirable responses		ответы / Intrapersonal emotional intelligence (EI Scale) and the orientation toward socially desirable responses	
Управление своими эмоциями (шкала ЭИ) и установка на социально желательные ответы / Managing your emotions (EI scale) and setting socially desirable responses	-0,411 ¹	Внутриличностный эмоциональный интеллект (Шкала ЭИ) и волевой контроль / Intrapersonal emotional intelligence (EI Scale) and volitional control	-0.500*
Понимание своих эмоций (Шкала ЭИ) и установка на социально желательные ответы / Understanding your emotions (EI Scale) and setting socially desirable responses	-0,404 ¹		
Внутриличностный эмоциональный интеллект (Шкала ЭИ) и склонность к делинквентному поведению / Intrapersonal emotional intelligence (EI Scale) and the tendency to delinquent behavior	-0,427*		
Понимание своих эмоций (Шкала ЭИ) и агрессия / Understanding your emotions (EI Scale) and aggression	0,410 ¹		
Управление своими эмоциями (Шкала ЭИ) и агрессия / Managing Your Emotions (EI Scale) and Aggression	0,422*		
Контроль экспрессии (Шкала ЭИ) и агрессия / Expressive Control (EI Scale) and Aggression	0,399 ¹		

Примечание: r — коэффициент корреляции; «*» — уровень значимости $p < 0,05$; ¹ — уровень значимости $p < 0,1$; ЭИ — эмоциональный интеллект.

Note: r — the correlation coefficient; «*» — significance level $p < 0,05$; ¹ — significance level $p < 0,1$; EI — emotional intelligence.

Как видно из табл. 3, в группе студентов, имеющих нарушения дисциплины, есть достоверные корреляции между показателями эмоционального интеллекта и склонностью к отклоняющемуся поведению: умеренная отрицательная между контролем экспрессии (шкала

ЭИ) и установкой на социально желательные ответы (-0,438), умеренная отрицательная между внутриличностным эмоциональным интеллектом (шкала ЭИ) и склонностью к делинквентному поведению (-0,427), умеренная положительная между управлением своими эмоциями и агрессией (0,422). Также наблюдается ряд тенденций: между управлением своими эмоциями и установкой на социально желательные ответы, контролем экспрессии и установкой на социально желательные ответы, пониманием своих эмоций и агрессией, контролем экспрессии и агрессией. В группе студентов, не имеющих нарушений дисциплины, наблюдаются корреляции: умеренная положительная между внутриличностным эмоциональным интеллектом (шкала ЭИ) и установкой на социально желательные ответы (0,454), умеренная отрицательная между внутриличностным эмоциональным интеллектом и волевым контролем (-0,500 — шкала имеет обратный характер). Корреляционные отношения говорят о наличии взаимосвязи, но не позволяют сделать вывод о причинно-следственном влиянии.

Обсуждение результатов

Нарушение дисциплины можно рассматривать как легкую форму отклоняющегося поведения, встречающуюся у студентов, которая самими студентами осознается, и они готовы ее обсуждать с целью решения проблемы. (Белинская и др., 2014). Эта форма может фиксироваться кураторами студенческих групп и преподавателями. Отметим наиболее важные полученные у нас результаты.

В группе студентов, не имеющих нарушений дисциплины, результаты соответствуют ожидаемым. Эмоциональный интеллект у них связан со склонностью к отклоняющемуся поведению предсказуемым образом. Например, эмоциональный интеллект у них связан со склонностью давать социально желательные ответы, что в целом соответствует возрастным установкам и отношению подростков к проводимому взрослыми исследованию; студенты с высокими показателями эмоционального интеллекта лучше понимают социальные ожидания и чаще дают такие ответы, чтобы понравиться окружающим людям, в том числе тем, кто проводит исследования (коэффициент корреляции между внутриличностным эмоциональным интеллектом и установкой на социально желательные ответы равен 0,454). Это соответствует представлениям об эмоциональном интеллекте как личностной характеристике, обеспечивающей адекватные эмоциональные реакции (Mohammed et al., 2022). Также у них эмоциональный интеллект связан с лучшим контролем эмоциональной экспрессии, то есть чем выше эмоциональный интеллект, тем они лучше контролируют свои эмоции (внутриличностный эмоциональный интеллект коррелирует с волевым контролем (коэффициент корреляции -0,500, но шкала волевого контроля обратная (более высокие значения соответствуют более низкому волевому контролю). Эти результаты легко объяснить тем, что в данном случае речь идет о контролирующих функциях, умение регулировать свои эмоции оказывается связанным с умением регулировать свое поведение, что тоже соответствует классическим представлениям об эмоциональном интеллекте (Mohammed, Lyusin, Kosonogov, 2022).

Что касается группы студентов с нарушениями поведения, то в ней обнаружены результаты, которых мы не предполагали в своей гипотезе. Установка на социально желательные ответы у них обратной связью коррелирует с эмоциональным интеллектом, а вот со шкалой агрессии

показатели эмоционального интеллекта в этой группе дают прямые корреляции. Создается впечатление, что подростки с более высоким эмоциональным интеллектом из числа нарушителей дисциплины не стремятся производить благоприятное впечатление на взрослых — наоборот, они словно бравируют своим независимым отношением к окружающей социальной среде. Близкие данные были получены другими исследователями для выборки школьников с установками на безопасное или небезопасное поведение (Коджаспиров и др., 2019).

Возможно, именно бравадой объясняется и нарушение дисциплины со стороны подростков. Вероятно, для данной группы это своеобразный вариант надситуативной активности (Березина, 2010). Также обращает на себя внимание прямая корреляция между управлением своими эмоциями и агрессией. Как отмечают В.И. Екимова с соавторами, такая закономерность может быть связана с тем, что «агрессивные поведенческие паттерны закрепляются ввиду того, что они «деструктивно эффективны», так как позволяют подростку защищать свои личные границы, сохранять или усиливать контроль над значимым социальным окружением, а также способствуют компенсаторному формированию чувства собственной значимости и ценности» (Екимова, Голик, Левченко, 2025, с. 176).

Вторая гипотеза в нашем исследовании полностью подтвердилась. Действительно, у студентов из группы нарушителей дисциплины показатели эмоционального интеллекта ниже, чем в группе без нарушений дисциплины. Это тоже возможная причина, по которой студенты нарушают дисциплину: недостаточное понимание эмоций других людей, контролирование своих эмоций подсказывает им неэффективные способы произвести хорошее впечатление на окружающих. А по явным показателям отклоняющегося поведения отличия между группами не столь значительны. Достоверным является только различие по склонности к противоправному поведению, остальные различия или на уровне тенденции, или отсутствуют.

Заключение

1. Показатели отклоняющегося поведения у студентов, имеющих и не имеющих нарушения дисциплины, достоверно различаются по показателю «противоправность» (склонность к делинквентному поведению): средний уровень 9,27 балла у нарушителей дисциплины против 6,88 балла у студентов с нормативным поведением ($p = 0,042$). Также выявлено две тенденции по показателям: «склонность к социальной желательности», «зависимость». У студентов, склонных к нарушению дисциплины, эти показатели выше. По шкалам «социально желательные ответы», «самоповреждающее поведение», «агрессия и насилие» и «волевой контроль» значимых различий в исследуемых группах выявлено не было.
2. Студенты без нарушений дисциплины обладают более высокими показателями эмоционального интеллекта по шкалам: «внутриличностный эмоциональный интеллект», «общее понимание эмоций», «общее управление эмоциями», «понимание своих эмоций», «общий уровень эмоционального интеллекта», «управление своими эмоциями». Превышение таких показателей, как контроль экспрессии, понимание чужих эмоций, межличностный эмоциональный интеллект, находится на уровне тенденции. По показателю «управление чужими эмоциями» различия не обнаружены.
3. Взаимосвязь показателей эмоционального интеллекта и отклоняющегося поведения более выражена в группе студентов, имеющих нарушения дисциплины. Обнаружены обратные взаимосвязи между контролем экспрессии и установкой на социальножелательные ответы

(-0,438), внутриличностным эмоциональным интеллектом и склонностью к делинквентному поведению (-0,427), а также положительная взаимосвязь между управлением своими эмоциями и агрессией (0,422). Также наблюдается взаимосвязь на уровне тенденций: между управлением своими эмоциями и установкой на социально-желательные ответы, контролем экспрессии и установкой на социально-желательные ответы, пониманием своих эмоций и агрессией, контролем экспрессии и агрессией. В группе студентов, не имеющих нарушений дисциплины, наблюдается положительная связь: между внутриличностным эмоциональным интеллектом и установкой на социально-желательные ответы, между внутриличностным эмоциональным интеллектом и волевым контролем.

Перспективы исследования. Изучение связи эмоционального интеллекта с отклоняющимся поведением необходимо для профилактики девиаций. Перспективным направлением представляется разработка программы повышения эмоционального интеллекта и оценка ее эффективности для предотвращения девиантного поведения.

Практические рекомендации. На основе выявленных закономерностей предполагается разработать тренинг по развитию эмоционального интеллекта как фактора профилактики девиантного поведения среди подростков.

Ограничения. Исследование носит пилотажный характер. Это связано с тем, что выборка испытуемых носит ограниченный характер. Необходима проверка полученных результатов на более значительной выборке. Также мы не проводили гендерный анализ, что ограничивает ценность полученных результатов.

Limitations. The study is a pilot study. This is due to the limited sample size. The findings need to be validated on a larger sample. We also did not conduct a gender analysis, which limits the validity of the results.

Список источников / References

1. Акутина, С.П., Семавина, А.А. (2016). Проблема делинквентного поведения подростков в условиях общеобразовательной организации. *Молодой ученый*, 8(112), 869—872. Akutina, S.P., Semavina, A.A. (2016). The problem of delinquent behavior of adolescents in a comprehensive educational organization. *Young Scientist*, 8(112), 869—872. (In Russ.).
2. Безбородова, Л.А., Безбородова, М.А. (2018). Эмоциональный интеллект как важный фактор коммуникативного взаимодействия преподавателя и студентов. *Наука и школа*, 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-kak-vazhnyy-faktor-kommunikativnogo-vzaimodeystviya-prepodavatelya-i-studentov> (дата обращения: 24.10.2025)
3. Белинская, Д.В., Задонская, И.А., Томилин, В.Ф. (2014). Социальный портрет современного студента (на примере студентов ТГУ имени Г.Р. Державина). *Социально-экономические явления и процессы*, 9(7), 76—85. Belinskaya, D.V., Zadonskaya, I.A., Tomilin, V.F. (2014). Social portrait of a modern student

- (based on students of TSU named after G.R. Derzhavin). *Socio-economic phenomena and processes*, 9(7), 76—85. (In Russ.).
4. Березина, Т.Н. (2014). Надсознательное как образование высшего порядка. *Мир психологии*, 1(77), 240—253.
Berezina, T. N. (2014). The supraconscious as a higher-order formation. *The World of Psychology*, 1(77), 240—253. (In Russ.).
 5. Березина, Т.Н. (2010). О развитии духовных способностей человека. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология*, 2, 23—30.
Berezina, T.N. (2010). On the development of human spiritual abilities. *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Pedagogy and Psychology*, 2, 23—30. (In Russ.).
 6. Березина, Т.Н. (2009). Развитие способностей как гуманистическая составляющая образования. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, 7, 19—25.
Berezina, T.N. (2009). Development of abilities as a humanistic component of education. *Alma Mater (Higher School Bulletin)*, 7, 19—25. (In Russ.).
 7. Водяха, С.А., Водяха, Ю.Е. (2023). Эмоциональный интеллект и склонность к употреблению психоактивных веществ в юношеском возрасте. *Педагогическое образование в России*, 1, 87—94. https://doi.org/10.26170/2079-8717_2023_01_11
Vodyakha, S.A., Vodyakha, Yu.E. (2023). Emotional intelligence and the tendency to use psychoactive substances in adolescence. *Pedagogical education in Russia*, 1, 87—94. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/2079-8717_2023_01_11
 8. Воробьева, К.А. (2025). Девиантная активность обучающихся в виртуальной среде как фактор риска нарушения психологической безопасности личности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 44—60. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020203>
Vorobyeva, K.A. (2025). Deviant activity of students in a virtual environment as a risk factor for personal psychological security violations. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 44—60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020203>
 9. Гвоздева, А.А. (2024). Изменение склонности к девиантному поведению в процессе профессионального становления военнослужащих. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(3), 68—84. <https://doi.org/10.17759/epps.2024010305>
Gvozdeva, A.A. (2024). Changing the Tendency to Deviant Behavior in the Process of Professional Formation of Military Personnel. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 1(3), 68—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2024010305>
 10. Екимова, В.И., Голик, Т.Ю., Левченко, А.В. (2025). Агрессия и аутоагрессия в зеркале самоотношения подростков. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 170—189. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020210>
Ekimova, V.I., Golik, T.Y., Levchenko, A.V. (2025). Aggression and auto-aggression in the mirror of adolescents' self-attitude. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 170—189. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020210>
 11. Ерина, И.А., Мельник, О.В. (2020). Отклоняющееся поведение несовершеннолетних как нарушение процесса социализации. *Тенденции развития науки и образования*, 64(3), 173—176. <https://doi.org/10.18411/lj-08-2020-114>

Дутикова Г.В. (2025)
Особенности эмоционального интеллекта студентов
колледжа с отклоняющимся поведением
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 119—132.

Dutikova G. V. (2025)
Emotional intelligence characteristics of college students
with deviant behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 119—132.

- Erina, I.A., Melnik, O.V. (2020). Deviant behavior of minors as a violation of the socialization process. *Trends in the development of science and education*, 64(3), 173—176. (In Russ.). <https://doi.org/10.18411/lj-08-2020-114>
12. Иванова, А.О., Завязкина, К.В. (2025). Коррекция тревожности и страхов студентов колледжа и вуза при помощи технологий виртуальной реальности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 138—153. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020208>
- Ivanova, A.O., Zavyazkina, K.V. (2025). Correction of anxiety and fears of college and university students using virtual reality technologies. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 138—153. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020208>
13. Коджаспиров, А.Ю., Коджаспирова, Г.М., Ерофеева, М.А., Полякова, Л.В. (2019). Формирование личности безопасного типа поведения у школьников как одно из условий комфортности образовательной среды. *Перспективы науки и образования*, 1(37), 223—235. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.16>
- Kodzhaspirov, A.Yu., Kodzhaspirova, G.M., Erofeeva, M.A., Polyakova, L.V. (2019). Formation of a safe type of behavior in schoolchildren as one of the conditions for a comfortable educational environment. *Prospects of Science and Education*, 1(37), 223—235. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.16>
14. Николова, Т.Э. (2021). Особенности эмоционального интеллекта у подростков с девиантным и недевиантным поведением. *Гуманитарный трактат*, 112, 13—16.
- Nikolova, T.E. (2021). Features of emotional intelligence in adolescents with deviant and non-deviant behavior. *Humanitarian treatise*, 112, 13—16. (In Russ.).
15. Финогенова, Т.А. (2025). Стандартизация «Анкеты угроз психологической безопасности». *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(1), 89—105. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020107>
- Finogenova, T.A. (2025). Standardization of the “Questionnaire of Threats to Psychological Safety”. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(1), 89—105. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020107>
16. Best, D., Gross, S., Manning, V., Gossop, M., Witton, J., Strang, J. (2005). Cannabis use in adolescents: the impact of risk and protective factors and social functioning. *Drug Alcohol Rev.* Nov, 24(6). 483—488. <https://doi.org/10.1080/09595230500292920>
17. Kun, B., Demetrovics, Z. (2010). Emotional intelligence and addictions: a systematic review. *Subst Use Misuse*. 45(7-8), 1131—1160. <https://doi.org/10.3109/10826080903567855>
18. Mohammed, A.-R., Lyusin, D., Kosonogov, V. (2022). Is emotion regulation impacted by executive functions? An experimental study. *Scandinavian Journal of Psychology*, 63(3), 182—190. <https://doi.org/10.1111/sjop.12804>

Информация об авторе

Галина Васильевна Дутикова, магистр психологии, педагог-психолог, ГОБПОУ «Усманский многопрофильный колледж», Усмань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9932-1224>, e-mail: batrakova-galina@yandex.ru

Дутикова Г.В. (2025)
Особенности эмоционального интеллекта студентов
колледжа с отклоняющимся поведением
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 119—132.

Dutikova G. V. (2025)
Emotional intelligence characteristics of college students
with deviant behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 119—132.

Information about the author

Galina V. Dutikova, Master of Psychology, Teacher-Psychologist, Usman Multidisciplinary College, Usman, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9932-1224>, e-mail: batrakova-galina@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проведено в соответствии с Хельсинкской декларацией и одобрено этической комиссией Ученого совета факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (протокол № 1 от 28.09.2025).

Ethics statement

The study was conducted in accordance with the Declaration of Helsinki and approved by the Ethics Committee of the Academic Council of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education (protocol No. 1, 2025/09/28).

Поступила в редакцию 29.10.2025
Поступила после рецензирования 24.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.10.29.
Revised 2025.11.24.
Accepted 2025.12.07.
Published 2025.12.30.

Научная статья | Original paper

Черты личности как предиктор кибервиктимности (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного поведения)

Е.В. Камнева¹✉, М.М. Симонова¹

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ ekamneva@fa.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Рост киберпреступности, которая стала частью повседневной жизни, представляет большую угрозу для общества в условиях цифровизации. С учетом современных условий ожидается, что в будущем кибервиктимизация будет только расти, а психосоциальные проблемы кибервиктимизации могут иметь негативные последствия в дальнейшей жизни.

Цель: провести теоретический анализ исследований личностных черт, связанных с кибервиктимизацией. **Гипотеза.** Ключевые черты из модели личности «Большой пятерки» (т. е. экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту) жертв киберпреступности отличаются от аналогичных черт жертв традиционной преступности. **Методы и материалы.** Методологическое основание исследования состоит из изучения и анализа научной литературы по развитию киберпреступности и ее профилактике, а также по кибервиктимологии. Методики исследования: шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова; шкала оценки формирующейся взрослости (IDEA-R) (адаптировано по: Reifman et al., 2007); краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S). Выборка исследования состоит из 64 человек (32 респондента женского пола и 32 — мужского) в возрасте от 18 до 25 лет.

Результаты. 1. Низкий уровень добросовестности и высокий уровень нейротизма и открытости опыту имеют взаимосвязь с риском кибервиктимизации. Сравнение между жертвами киберпреступности и жертвами традиционной преступности показывает, что низкий уровень нейротизма сопряжен с меньшей вероятностью стать жертвой киберпреступности, чем традиционной преступности. 2. Существуют отличия во взаимосвязи черт личности и виктимизации в различных видах киберпреступлений. Связь нейротизма и открытости к кибервиктимизации при буллинге была значимой и положительной, а нейротизм также может предсказывать кибервиктимизацию. Показатели добросовестности имеют значимую и отрицательную связь с виктимизацией онлайн-запугиванием.

Выводы. Выявленные черты личности, как предиктор кибервиктимности, могут

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

применяться для прогнозирования виктимизации от киберпреступности, что
позволит более эффективно проводить превентивные меры.

Ключевые слова: кибервиктимность, киберпреступность, черты личности, Большая
пятерка, интернет-мошенничество, кибербуллинг

Для цитирования: Камнева, Е.В., Симонова, М.М. (2025). Черты личности как предиктор
кибервиктимности (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного
поведения). *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 133—149.
<https://doi.org/10.17759/epps.2025020409>

Personality traits as predictors of cybervictimization (a study of the correlation between the Big Five traits and cybervictim behavior)

E.V. Kamneva¹ ✉, M.M. Simonova¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian
Federation

✉ ekamneva@fa.ru

Abstract

Context and relevance. The rise of cybercrime, which has become a part of everyday life, poses a significant threat to society in the context of digitalization. Given current conditions, cybervictimization is expected to only increase in the future, and the psychosocial problems of cybervictimization may have negative consequences later in life. **Objective:** to conduct a theoretical analysis of research on personality traits that are associated with cybervictimization. **Hypothesis.** The key traits from the Big Five personality model (extraversion, agreeableness, conscientiousness, neuroticism, and openness to experience) differ in victims of cybercrime from victims of traditional crime. **Results.** 1. Low levels of conscientiousness and high levels of neuroticism and openness to experience are associated with the risk of cybervictimization. A comparison between victims of cybercrime and victims of traditional crime shows that low levels of neuroticism are more closely associated with a lower likelihood of becoming a victim of cybercrime than of traditional crime. 2. There are differences in the relationship between personality traits and victimization in different types of cybercrime. The relationship between neuroticism and openness to cyberbullying victimization was significant and positive, and neuroticism may also predict cyberbullying victimization. Conscientiousness indicators were significantly and negatively associated with online bullying victimization. **Conclusions.** The identified personality traits, as predictors of cyberbullying, can be used to predict cybercrime victimization, allowing for more effective preventive measures.

Keywords: cyber victimization, cybercrime, personality traits, Big Five, internet fraud, cyber bullying

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

For citation: Kamneva, E.V., Simonova, M.M. (2025). Personality traits as predictors of cybervictimization (a study of the correlation between the Big Five traits and cybervictim behavior). *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 133—149. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020409>

Введение

Актуальность. Количество пользователей сети Интернет увеличивается с каждым годом, и так же растёт количество киберпреступлений различных форматов. Каждый слышал о киберпреступлениях или непосредственно сталкивался с ними, причем данные случаи происходят во всем мире, они не имеют территориальных или иных границ, что усложняет ситуацию. Киберпреступления происходят каждый день, и, к сожалению, с каждым годом их количество увеличивается, а способы и методы их совершения становятся все более разнообразными, отчего определять их тяжелее (Сейранян, 2025). Помимо того, что существует необходимость грамотного просвещения пользователей сети Интернет относительно безопасного пользования информационными ресурсами, существует также необходимость выявления склонности людей быть в позиции кибержертвы (склонность к кибервиктимизации в целом). Нужно это для того, чтобы понимать, на чем именно могут акцентировать внимание киберпреступники, привлекая пользователей в свои «сети», а также по каким критериям выявляются неспособные сопротивляться киберпреступлению люди. Кроме того, знание коррелятов кибервиктимного поведения позволяет нам лучше понять, почему те или иные пользователи становятся кибержертвами и как им можно помочь в дальнейшем минимизировать данную вероятность. Учитывая быстрый темп развития киберпреступности, можно констатировать, что способы ее приостановления или сокращения не особо действенны. Большинство научных статей и работ направлено на анализ существующей литературы по данной теме и выработку профилактических рекомендаций, но помимо этих аспектов стоит обратить внимание также и на то, что общего между кибервиктимными пользователями и каким образом кибервиктимность можно регулировать (Аносов, 2021).

Проблема исследования заключается в том, что, какими бы ни были мотивационные корреляты кибервиктимного поведения у молодежи, и как бы много ни было различных рекомендаций по информационной безопасности, процент раскрытия данных преступлений правоохрнительными органами остается небольшим — всего лишь 26,6% (Никульченкова, 2023).

Этот факт говорит о том, что на данный момент задача противостоять киберпреступности для правоохрнительных органов является трудной, в связи с чем не все кибержертвы обращаются к ним за помощью, и в большей степени пользователям информационных ресурсов/мессенджеров/сети Интернет в целом следует стараться обезопасить себя от возможных кибератак самостоятельно. Проблемой также является и то, что с развитием искусственного интеллекта усложняется возможность отличить действительное от фэйкового, как бы технически развит ни был человек. Например, с помощью искусственного интеллекта киберпреступники создают голосовые/видеосообщения, в которых практически невозможно отличить созданные нейросетью голос/внешность какого-либо человека от действительных, и через эти голосовые сообщения или видеосообщения киберпреступники просят о денежных

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

одолжениях (или запрашивают определенные конфиденциальные данные и т. д.) знакомых или друзей того человека, чей голос / внешний вид имитировал искусственный интеллект. Соответственно, предупредить киберпреступление не всегда просто, и даже технически образованный человек может оказаться кибержертвой (Позднякова, Брюно, 2024).

В то время как мы часто слышим слова «виктимизация» (которое относится к склонности человека становиться жертвой преступления в силу своих физических или психологических характеристик, а также социальной среды в целом) и «преступление», понимаем их значение, такие понятия, как «сетевая виктимизация» и «киберпреступность», знакомы не всем, и это необходимо учитывать, поскольку киберпространство доступно каждому человеку, живущему в цивилизованном обществе.

Киберпреступность определяется как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» (Жакупжанов, 2019).

Под цифровой виктимизацией предлагается понимать процесс превращения потенциальной жертвы в реальную, а также вред (результат) от преступления, совершенного с использованием цифровых технологий (Майоров, 2022).

По сути, цифровая виктимизация и есть кибервиктимность, с тем лишь отличием, что приставка «кибер» не закреплена законодательными актами и не фигурирует в них, поэтому мы понимаем цифровую виктимизацию так же, как и кибервиктимизацию.

Многие сталкиваются с предупреждениями от близких и родных людей о том, что стоит избегать интернет-знакомств, не отвечать на сообщения от незнакомых людей, не переходить по ссылкам, которые указаны в сомнительных сообщениях/сайтах и т. д. Однако при этом наблюдается низкая киберграмотность среди населения и недостаток общественного и индивидуального понимания способов обеспечения технологической безопасности и защиты личных данных.

В связи с тем, что киберпреступность постоянно мимикрирует и приобретает различные формы и виды, пользователям Интернета не всегда удастся отличить действия реальных и добросовестных пользователей от действий киберпреступников (Сейранян, 2025). Исследователи, изучающие психологию киберпреступника, отмечают, что в существующих взаимосвязях «преступник — предмет преступления» и «преступник-потерпевший» происходит изменение при осуществлении преступления в киберпространстве: «преступник — электронное устройство (сеть) — потерпевший (предмет преступления)» (Жакупжанов, 2019). В таком случае киберпреступник может действовать без прямого социального контакта, что облегчает проявление обмана и мошенничества: получить доверие собеседника через Интернет проще, так как собеседник не видит лица и внешних поведенческих характеристик киберпреступника — соответственно, ориентируется лишь на написанные им сообщения, в некоторых случаях и на аудио/видеосообщения, которые были сгенерированы с помощью искусственного интеллекта.

Для киберпреступника его жертва становится объектом, так как в цифровом мире гораздо проще рассмотреть пользователя не как отдельную личность, со своими правами и свободами,

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

а как аккаунт в соцсети/мессенджере, о чувствах которого можно и не задумываться. Возможность киберпреступника оставаться анонимным в сети Интернет тем более позволяет ему делать все, что ему необходимо, без замешательства. Тем не менее, различные виды киберпреступлений приводят к проявлению виктимности, что мы сейчас и рассмотрим. Кибервиктимизация отдельных лиц или межличностная кибервиктимизация предполагает то, с чем чаще всего и сталкиваются кибержертвы в возрасте от 18 до 25 лет.

Но кто чаще подвергается киберпреступлениям и кто чаще проявляет кибервиктимное поведение: мужчины или женщины? Однозначного ответа исследователи в области кибервиктимологии не дают, так как в определенных выборках преобладают женщины, а в других — примерно равное соотношение. Действительно, ответить на этот вопрос однозначно на данный момент кажется невозможным: как мужчины, так и женщины склонны проявлять кибервиктимность, отличие лишь в том, что она проявляется по-разному и в разных сферах. 54,8% пользователей сети Интернет составляют мужчины, 45,2% — женщины, и практически в таком же процентном соотношении определяется количество кибержертв (Жакупжанов, 2019). Если говорить о киберпреследовании, то, по данным другого исследования, процентное соотношение между мужчинами и женщинами 73% на 27%, т. е. киберпреследователями чаще являются мужчины (Jaishankar, 2020). До сих пор нет четкого определения того, представители какого пола больше склонны к кибервиктимизации. но можно отметить случаи киберпреступлений, в которых большую кибервиктимизацию проявляют мужчины, нежели женщины, и наоборот.

Кибербуллинг чаще занимаются мужчины (около 80%), нежели женщины. (Kaluvarachchi, Sedera, Warren, 2021). Можно предположить, исходя из процентного соотношения, указанного выше, что кибербуллинг они проявляют больше по отношению к женщинам, нежели к мужчинам. Существуют данные некоторых исследований о том, что мальчики чаще становятся жертвами физического насилия, тогда как девочки более склонны к психологической виктимизации (Сейранян, 2025). Кроме того, исследования показывают, что уровень традиционного насилия в старших школьных классах снижается, в то время как связь между кибертравлей и успеваемостью в школе остается противоречивой.

Женщины склонны к кибервиктимизации в случае одиночества, в силу которого они ищут общения и поддержки в Интернете, испытывая дефицит близких друзей и поддержки от семьи (Bayat, Kiani, Asadi, 2021). Например, для домохозяйки, которая большую часть времени находится дома и ежедневно выполняет одни и те же возложенные на нее рутинные обязательства, общение с незнакомцем в сети может привести к эмоциональной привязанности, благодаря чему становится значительно проще провести манипуляции и шантаж по отношению к кибержертве (Kaluvarachchi, Sedera, Warren, 2021). Также известно, что женщины реже подают заявления на киберпреступников, что связано со страхом осуждения и навязывания им вины за то, что с ними произошло, ведь по отношению к женщинам общество проявляет это гораздо чаще, чем к мужчинам. Особенно сложно тем женщинам, которые оказались жертвой киберпреследования или онлайн-порнографии/секстинга (как при добровольном согласии, так и при принуждении), ведь общество склонно осуждать женщин за подобные действия (Jaishankar, 2020).

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Если перейти непосредственно к общим факторам кибервиктимного поведения, то стоит отметить наличие двух используемых исследователями теорий кибервиктимологии при рассмотрении данного вопроса.

Одна из них — теория потока, автором которой является Михай Чиксентмихайи, американский психолог венгерского происхождения, профессор психологии. Она предполагает ощущение счастья и приятных эмоций, появляющихся при достижении каких-либо поставленных целей, сопровождающихся увлекательной деятельностью, при выполнении которой человек максимально погружен в совершение тех или иных действий. В рамках кибервиктимологии данная теория рассматривается как используемая киберпреступниками схема для наибольшего воздействия на кибержертв и на еще большее проявление их кибервиктимизации.

С.В. Белинская и другие авторы в научной публикации «О некоторых психологических механизмах формирования кибервиктимного поведения молодежи» представляют алгоритм формирования кибервиктимного поведения с помощью использования состояния потока (Белинская и др., 2019):

1. Вовлечение и погружение потенциальной кибержертвы в определенный вид деятельности в киберпространстве — этот пункт характеризуется вовлечением кибержертвы в любую потенциально интересную для нее деятельность, будь то игровая, познавательная или трудовая. Когда киберпреступник дает необходимую информацию кибержертве, а именно о целях деятельности, о ее правилах, которые нужно соблюдать, о возможных результатах, он заинтересовывает и задерживает внимание кибержертвы, формирует ее мотивацию и получает ее внимание;

2. Провоцирование психоэмоционального потокового состояния, обеспечение и закрепление позитивного опыта потока у потенциальной кибержертвы — когда есть конкуренция (не самая жестокая), мотивация кибержертвы не падает, тем более если есть похвала и репутационное развитие, которое озвучивает киберпреступник. Получая обратную связь и одобрительные слова, кибержертва начинает больше раскрываться перед киберпреступником, больше ему доверять и менее критично оценивать его слова и поступки;

3. Осуществление негативного манипулятивно-провокационного виктимизирующего психологического воздействия на потенциальную кибержертву — на данном этапе происходит закрепление состояния потока кибержертвы, при котором киберпреступник дает ей провокационное, рискованное задание, которое необходимо выполнить в кратчайшие сроки, что еще больше привлечет кибержертву к его выполнению без размышлений о том, что может за собой повлечь выполнение данного задания.

Еще одна теория, рассматриваемая в рамках формирования кибервиктимности, — теория рутинной деятельности (Cohen, Felson, 1979). В ее рамках предполагается, что для совершения какого-либо преступления должны сойтись три пространственно-временных фактора. Первый из факторов — мотивированный(-ые) преступник(-и), т. е. человек, истинно желающий

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

совершить преступление и имеющий для этого собственную мотивацию. Второй — определенная цель. Она должна подходить преступнику, поэтому существует набор критериев, на которые преступник обращает внимание при выборе своей цели — VIVA: V — value (ценность), I — inertia (инерция), V — visibility (видимость), A — access (доступ). Ценность подразумевает значимость данной цели для преступника, инерция относится к физическим препятствиям на пути к цели (вес, рост, сила и т. д.), видимость — это о возможности преступника совершить преступление по отношению к цели, а доступ определяет, насколько вероятно преступнику встретить цель. Третий фактор — отсутствие способного опекуна, т. е. отсутствие человека или определенного объекта, который способен предотвратить совершение преступления.

В целом, наличие социальной поддержки в любом случае очень важно, особенно с учетом того, что кибержертва после того, как она пережила киберпреступление, чувствует стыд, тревогу, страх, гнев и т. д. Если кибержертва не получает эту поддержку, то склонность к дальнейшей кибервиктимизации становится более проявленной. Данная теория часто используется в криминологии, ведь когда дети, подростки, молодые люди, да и люди других возрастов, находятся в Интернете, онлайн в какой-либо социальной сети и т. д., они не всегда имеют рядом способного опекуна — их активность в сети не всегда контролируется (Hawdon, Parti, Dearden, 2020).

Помимо данных теорий, которые описывают некоторые факторы, влияющие на проявление кибервиктимности, есть и другие, психологические и социальные. Стоит отметить, что важным критерием кибервиктимности является отсутствие установленных защитных программ на цифровых устройствах, что делает рискованным любое действие в киберпространстве. Сюда же стоит отнести и недостаток грамотности пользователей Интернета. Они могут предоставить свои конфиденциальные данные, получив запрос от от якобы представителя известной компании или банка. Такие пользователи зачастую не проверяют достоверность слов говорящего — не просят прикрепить подтверждающий документ, не задают вопросы, которые должны раскрыть, для чего необходимы конфиденциальные данные, не просматривают официальные сайты и описанные в них контакты, на которые можно ориентироваться, и т. д. Вместо этого они сразу выдают ту информацию, которая нужна киберпреступнику. Определенные характеристики человека, такие как доверчивость, наивность, беспечность, тоже способны причинить ему вред: он может вступить в диалог с незнакомцем, не считая необходимым внимательно прочитать условия пользования тем или иным сайтом (Ткачева, Серова, 2021). Неожиданные события (стихийные бедствия, эпидемии, военные конфликты и т. д.) ставят людей в уязвимое положение, при котором их критичность становится менее выраженной, а доверчивость, самонадеянность, страх и другие качества, делающие людей беззащитными перед киберпреступниками, больше проявляются. Пользуясь этим, киберпреступники распространяют дезинформацию, вымогая при этом деньги, вводят людей в заблуждение, используют их доверие для достижения своих целей (Сейранян, 2025).

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

О.Б. Бовть и Е.В. Семенова провели исследование кибервиктимного поведения молодежи, участниками которого были 120 студентов Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) «Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского». В ходе исследования студентам предоставляли такие методики, как: 1) «Экспресс-диагностика уровня самооценки» Н.П. Фетискина; 2) «Личностный опросник ЕРІ» Г. Айзенка. Было выявлено, что кибервиктимность людей выражается неадекватной самооценкой (завышенной или заниженной) и эмоциональной лабильностью, которая сопровождается холерическим и меланхолическим типом темперамента (Бовть, Семенова, 2019). Действительно, люди с адекватной самооценкой не станут реагировать, к примеру, на оскорбительные комментарии, очевидные манипуляции, сомнительные сообщения. Конечно, они также сталкиваются с киберпреступниками, но реже, чем люди с завышенной/заниженной самооценкой, так как играть на чувствах и эмоциях людей с нестабильной самооценкой гораздо проще. Разбирая результат исследования людей с эмоциональной лабильностью, также можно отметить, что холерики больше склонны к эмоциональным решениям и резким перепадам настроения, от вспышки гнева до проявления активности. Задев их гордость или оскорбив их, киберпреступник привлекает их внимание и проворачивает манипулятивные схемы для достижения своих целей. Например, испытав агрессию холерика, киберпреступник может начать завербовывать кибержертву в кибертеррористическую организацию, пользуясь его эмоциональностью и повышенной агрессивностью. То же самое касается меланхоликов: объявления о помощи животным/людям, о срочных денежных сборах для них или же, например, подписание петиции для восстановления справедливости в недавно открытом судебном деле — все это привлекает внимание меланхоликов через их умение сопереживать и искреннюю жалость, желание помочь и поддержать. Такие пользователи нуждаются в поддержке и ранимы, чем киберпреступники, конечно, пользуются и, придавая чувство значимости пользователю-меланхолику, предлагают ему вступить в смертельную игру, закамуфлированную под иллюзию общего пространства, где пользователи с разными жизненными ситуациями объединяются и готовы поддержать друг друга.

Существует также гипотеза о том, что человек, бывший когда-то кибержертвой, склонен отомстить киберпреступнику тем же методом. Поскольку он оказался в позиции кибержертвы и не смог это принять, он желает совершить возмездие и не оставить киберпреступника безнаказанным⁰. Только вот бывают случаи, когда человек, желающий отомстить, со временем, сам того не замечая, «втягивается в игру» и совершает киберпреступления по отношению к невинным людям, тем самым превращаясь в киберпреступника, осознанно или нет (Van den Eynde, Pleysier, Walrave, 2023). Исходя из желания отомстить, человек может перейти в офлайн и действовать непосредственно в реальной жизни. Отмечается, что дети, к которым жертвы агрессии обращаются за поддержкой, могут усугубить их вторичную виктимизацию, пытаясь избежать внимания со стороны пострадавших, чтобы не ассоциироваться с ними. Низкий уровень дружелюбия со стороны жертв и их повторная виктимизация могут привести к тому, что они сами становятся агрессорами. В контексте кибербуллинга наблюдается аналогичная ситуация: кибервиктимизация является важным фактором, способствующим киберагрессии (Вихман, 2023).

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
 Черты личности как предиктор кибервиктимности
 (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
 кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
 Personality traits as predictors of cybervictimization (a
 study of the correlation between the Big Five traits and
 cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 133—149.

Таким образом мы рассмотрели основные психологические и социальные факторы кибервиктимного поведения, а также его мотивационные корреляты, что подводит нас к решению задачи: как сберечь себя и других от превращения в кибержертву и проявления кибервиктимности.

Цель настоящей работы: анализ исследований о чертах личности, которые имеют связь с кибервиктимизацией.

Гипотеза. Ключевые черты из модели личности Большой пятерки (т. е. экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту) жертв киберпреступности отличаются от аналогичных черт жертв традиционной преступности.

Материалы и методы

Методы

- 1) Шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова;
- 2) Шкала оценки формирующейся взрослости (IDEA-R) (адаптировано по: Reifman et al., 2007);
- 3) Краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S).

В проведенном эмпирическом исследовании приняли участие студенты от 18 до 25 лет (что соответствует формирующейся взрослости), обучающиеся в различных вузах Москвы по разным направлениям подготовки. Общее количество респондентов составило 64 человека: 32 респондента мужского пола и 32 — женского. Исследование было проведено при полном согласии респондентов. Каждый участник исследования был ознакомлен с целью проведения опроса и с краткой характеристикой каждой методики, используемой в опросе. Испытуемый мог отказаться от участия на любой стадии исследования. Ответы респондентов конфиденциальны. Для анализа данных был использован корреляционный метод математической статистики. Основная обработка данных проводилась с использованием программного обеспечения JASP. Для создания таблиц, а также для дополнительной обработки данных использовался Microsoft Excel.

Результаты

После получения результатов опросных методик, была проведена корреляция по Пирсону между шкалами из двух методик (Шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова и Краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S)). Корреляция показала результаты, представленные ниже (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты корреляционного анализа между шкалой «Кибервиктимность» и шкалами «Большой пятерки»

Results of the correlation analysis between the Cybervictimization scale and the Big Five scales

Показатели ОБП (шкала BFI-2-S) / BFI-2-S scale	Значения коэффициента корреляции Пирсона / Pearson's correlation coefficient values
--	---

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
 Черты личности как предиктор кибервиктимности
 (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
 кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
 Personality traits as predictors of cybervictimization (a
 study of the correlation between the Big Five traits and
 cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 133—149.

	Кибервиктимность / Cybervictimization
Экстраверсия / Extraversion	- 0,09
Доброжелательность / Friendliness	- 0,01
Добросовестность / Integrity	0,33*
Негативная эмоциональность / Negative emotionality	- 0,05
Открытость опыту / Openness to experience	0,10
Настойчивость / Persistence	0,23
Сочувствие / Empathy	0,12
Уважительность / Respect /	0,15
Доверие / Trust	- 0,23
Организованность / Organization	- 0,22
Продуктивность / Productivity	- 0,31*
Ответственность / Responsibility	- 0,22
Тревожность / Anxiety	- 0,21
Депрессивность / Depression	0,07
Эмоциональная изменчивость / Emotional volatility	0,01
Любознательность / Curiosity	0,13
Эстетичность / Aesthetics	0,19
Творческое воображение / Creative imagination	- 0,14

Примечание: ОБП — Опросник «Большой пятерки»; «*» — $p < 0,05$; критические значения коэффициента — $p < 0,05$ —0,246.

Note: BFI — Big Five Personality Inventory; «*» — $p < 0,05$; critical values of the coefficient — $p < 0,05$ —0,246.

Исходя из полученных данных, мы видим обратную зависимость между шкалами «Кибервиктимизация» и «Добросовестность» (-0,333), т. е. по мере увеличения значения переменной «Кибервиктимизация» уменьшается значение второй переменной — «Добросовестность», и наоборот. Соответственно, если у респондента высокий балл по шкале «Добросовестность», то проявление кибервиктимизации у него будет менее выраженным: «Добросовестность» подразумевает осторожное и безрисковое поведение пользователя в киберпространстве; он избегает незнакомых сайтов, не переходит по ссылкам, присланным незнакомцами, и не переводит деньги на сомнительные номера. Также предполагается, что «Добросовестность» интернет-пользователя означает качественное времяпрепровождение в сети, без импульсивных действий (например, желание нанести какому-либо пользователю вред через киберпространство). Такие пользователи склонны регулярно обновлять свои антивирусные программы и избегать скачивания пиратского контента, что дополнительно защищает их от вредоносного ПО. Они также внимательно следят за своей активностью в сети, проверяя наличие активных сеансов и подозрительных операций в банковских приложениях.

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Стоит отметить, что шкала «Добросовестность» включает в себя такие субшкалы, как организованность, продуктивность, ответственность. Показатель по шкале «Добросовестность» характеризует степень вероятности кибервиктимизации респондента. Люди, которые являются более добросовестными, имеют меньший риск стать жертвой киберпреступности¹. Отметим, что три черты личности — добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту — также значительно связаны с виктимизацией при офлайн-преступности. Сходство результатов по киберпреступности и преступности в целом указывает на то, что эти черты личности не связаны конкретно с кибервиктимизацией, а, скорее, с виктимизацией вообще.

При проведении данной корреляции выявлена еще одна обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Продуктивность» ($-0,312$) — она предполагает, что если у респондента будет высокий показатель по шкале «Продуктивность», то его «Кибервиктимность» будет выражена меньше, и также наоборот. Высокий показатель субшкалы «Продуктивность» характеризует респондента как человека, экологично пользующегося интернет-пространством: он выполняет свои намеченные задачи в сети, не ориентируясь на окружающий его в информационный поток. Данная шкала определяет, насколько эффективно респондент управляет своим временем и ресурсами, а также как он справляется с задачами. Высокие баллы по этой шкале также указывают на то, что человек склонен к систематичному подходу. К тому же при повышенном показателе шкалы «Продуктивность» предполагается, что пользователь в сети будет более внимателен. Он активно ставит перед собой четкие цели в онлайн-пространстве и последовательно их достигает, что снижает вероятность попадания в ситуации, способствующие кибервиктимности. Такие пользователи, как правило, более осознанно подходят к выбору информации и ресурсов и избегают ненадежных источников.

Для выявления взаимосвязи между шкалой онлайн-виктимизации и шкалами формирующейся зрелости был также проведен корреляционный анализ Пирсона между шкалами двух методик (шкала онлайн-виктимизации Д.В. Жаморова и IDEA-R (адаптировано по: Reifman et al., 2007)), который выявил данные, представленные в табл. 2. На основании полученных данных мы видим обратную зависимость между шкалами онлайн-виктимизации и шкалами исследования идентичности / самофокусировки ($-0,265$), что свидетельствует о том, что с увеличением индекса такой переменной, как исследование идентичности / самофокусировка, другая переменная, в данном случае онлайн-виктимизация, будет снижаться, и наоборот.

Таблица 2 / Table 2

Показатели корреляции между шкалой «Кибервиктимность» и шкалами оценки формирующейся зрелости (IDEA-R)
Correlations between the Cybervictimization Scale and the Inventory of Emerging Adulthood Assessment-R (IDEA-R)

¹ Van de Weijer, S.G.A., Leukfeldt, E.R. (2017). Big five personality traits of cybercrime victims. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 20(7), 407—412.

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
 Черты личности как предиктор кибервиктимности
 (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
 кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
 Personality traits as predictors of cybervictimization (a
 study of the correlation between the Big Five traits and
 cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 133—149.

Показатели ОФВ (шкала IDEA-R) / ЕАА(IDEA-R scale)	Значения коэффициента корреляции Пирсона / Pearson's correlation coefficient values
	Кибервиктимность / Cybervictimization
Исследование идентичности/сосредоточенность на себе / Identity exploration/self-focus	- 0,26*
Негативность/нестабильность / Negativity/instability	0,03
Личная свобода / Personal freedom	- 0,18
Эксперименты/возможности / Experimentation/opportunity	- 0,34**
Чувство «между» / Feeling “in between”	- 0,20
Ориентация на других / Other-focused	- 0,11

Примечание: ОФВ — оценка формирующейся взрослости; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; критические значения коэффициента — $p < 0,05$ —0,246; $p < 0,01$ —0,320.

Note: ЕАА — emerging adulthood assessment; «*» — $p < 0.05$; «**» — $p < 0.01$; critical values of the coefficient — $p < 0.05$ —0.246; $p < 0.01$ —0.320.

Если пользователь заинтересован в своем развитии и в своих потребностях, целях, желаниях и т. д., то вероятность проявления им кибервиктимности низка. Также высокий показатель по шкале «Исследование идентичности / сосредоточенность на себе» определяет человека как способного отстаивать свою систему ценностей, и в ситуации, когда он наткнется на что-либо сомнительное и рискованное, он вряд ли предпочтет последовать по этому пути, ведь ему нужен положительный отклик внутри себя на ситуацию и ее дальнейшее развитие, а риск сам по себе не предполагает исключительно позитивный исход в каком бы то ни было сюжете. Высокий показатель по данной шкале предполагает развитие также и критического мышления, что может не только значительно снизить риск кибервиктимности, но и повысить общую устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям. Между шкалами кибервиктимизации и экспериментирования/возможностей была обнаружена обратная зависимость (-0,343), что говорит о том, что с ростом балла по шкале кибервиктимизации балл по шкале экспериментирования/возможностей снижается.

Субшкала экспериментирования/возможностей указывает на оптимистичный взгляд на будущее и потенциал человека. Это означает, что респонденты, заинтересованные в позитивных будущих возможностях, с меньшей вероятностью станут кибержертвами. Люди стремятся к тому, что принесет им пользу в будущем, хотят создать наилучшие условия для своего развития и ищут наиболее позитивные варианты, поэтому риск не воспринимается ими как нечто привлекательное. Важно то, что человек с высоким баллом по шкале «экспериментирования/возможности» не просто открыт для экспериментов, креативен и

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

свободен исследовать новые направления; он видит возможности через призму оптимизма и позитивного результата: при наличии потенциальной опасности или обнаружении риска он не будет безразсудным. Для него важно, чтобы эксперименты всегда были выгодны.

Обсуждение результатов

Исследование подтверждает, что кибервиктимность у молодых людей имеет взаимосвязь с чертами «Большой пятерки» и с показателями формирующейся взрослости, а именно:

1) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Добросовестность». Кибервиктимные пользователи подвержены риску через их интерес к новым, неизвестным ранее рассылкам/сайтам/афишам и т. д. «Добросовестность» как отдельная шкала содержит в себе субшкалы: организованность, продуктивность, ответственность. Соответственно, пользователь с высоким показателем по данной шкале характеризуется внимательным отношением к своим перемещениям в сети, и сомнительные письма или рекламные афиши не привлекут его. Возможно, при переходе по какой-то ссылке или при открытии неизвестного ранее сайта он наткнется на какие-либо подозрительные аспекты, но, учитывая черты его личности, он будет сомневаться в правильности дальнейшего рассмотрения этого сайта/ссылки и т. д. Вероятно, что организованность и ответственность данных пользователей проявляются в том, что они устанавливают надежные пароли, используют двухфакторную аутентификацию и демонстрируют сознательность в отношении конфиденциальности своих данных.

2) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Продуктивность». Учитывая, что «Продуктивность» является субшкалой шкалы «Добросовестность», стоит отметить, что здесь механизм тот же. Интернет-пользователи с высоким показателем по шкале «Продуктивность» нацелены на плодотворную работу в киберпространстве и на качественное выполнение необходимых им задач — соответственно, у них не проявляется спонтанность/импульсивность, которая может привести к кибервиктимному поведению. Они склонны к структурированному подходу в своих действиях и избегают рискованных ситуаций в сети. К тому же они более осмотрительны при выборе источников информации и менее подвержены манипуляциям или мошенничеству. Таким образом, чем выше продуктивность, тем ниже вероятность стать жертвой кибератак или мошеннических схем, поскольку эти пользователи лучше осознают последствия своих действий и стремятся к рациональному использованию времени и ресурсов в киберпространстве.

3) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Исследование идентичности / сосредоточенность на себе». Осознанность в отношении своих ценностей и целей способствует более устойчивому поведению в условиях риска, к тому же при высоком показателе по данной шкале пользователи, вероятно, менее восприимчивы к манипуляциям в киберпространстве, так как они склонны принимать более обоснованные решения, которые минимизируют риски в дальнейшем.

4) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Эксперименты/возможности». Люди с высоким показателем шкалы

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

«Эксперименты/возможности» чаще рассматривают различные пути достижения своих целей и обладают более развитым критическим мышлением. Это качество позволяет им более тщательно анализировать предложения, возникающие в сети, и избегать мошеннических схем. Такие пользователи умеют распознавать потенциальные ловушки и риски и, в отличие от кибервиктимных пользователей, подходят к новым возможностям с осторожностью и осознанностью.

Итак, осторожные, внимательные ко всем деталям в киберпространстве пользователи менее подвержены кибервиктимному поведению. В случае, когда пользователь сети проявляет импульсивность и рассеянность, когда он безответственно относится к вероятным рискам в Интернете, он подвержен высокому проявлению кибервиктимности. Также стоит отметить, что пользователь, осознающий вероятности возникновения рисков и мошеннических систем, будет стараться их избегать.

Заключение

В эпоху активного развития технологий и киберпространства большинство интернет-пользователей не понаслышке знают о том, что преступления распространяются и на киберпространство. Киберпреступления с каждым годом обретают все более и более изощренные формы, отчего вычислить их становится все труднее. Учитывая тот факт, что процент раскрываемости киберпреступлений правоохранительными органами в настоящее время остается небольшим, каждому пользователю стоит самому взяться за обеспечение собственной кибербезопасности. Для этого мы исследовали кибервиктимное поведение формирующихся взрослых и то, какие именно характеристики личности связаны с проявлением кибервиктимности.

Исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного поведения среди формирующихся взрослых предполагало: выявление возрастно-психологических особенностей кибервиктимного поведения молодых людей, а вместе с тем и проведение теоретического анализа характеристик кибервиктимного поведения среди них; выявление подтвержденной информации касательно влияния некоторых черт «Большой пятерки» и показателей формирующейся взрослости на формирование и закрепление кибервиктимного поведения; экспериментальную проверку этого влияния; проведение анализа полученных результатов.

Исследование показало, что кибервиктимное поведение среди формирующихся взрослых имеет обратную взаимосвязь с такими чертами «Большой пятерки», как «Добросовестность» и «Продуктивность». Также наблюдалась обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Эксперименты/возможности» среди формирующихся взрослых. Мы пришли к выводу о том, что организованность и ответственность пользователей с высокими показателями по шкалам «Добросовестность» и «Продуктивность» проявляются в том, что они устанавливают надежные пароли, используют двухфакторную аутентификацию и демонстрируют сознательность в отношении конфиденциальности своих данных. К тому же при высоких показателях шкалы «Эксперименты/возможности» отмечается, что пользователи рассматривают различные пути достижения своих целей и обладают более развитым критическим мышлением. Это качество позволяет им более тщательно анализировать предложения, возникающие в сети, и избегать мошеннических схем.

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

При помощи описанных методических аспектов исследования кибервиктимного поведения и полученных результатов исследователи и практики могут использовать новый валидный и надежный инструментарий для изучения и развития кибервиктимологии.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более широкий охват изучения кибервиктимного поведения среди формирующихся взрослых, так как настоящее исследование имело ограничение в выборке. Далее возможно расширение возрастного диапазона и количества испытуемых.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов для разработки программ, направленных на выявление степени выраженности кибервиктимного поведения у интернет-пользователей. Также практическая значимость характеризуется работой по предотвращению кибервиктимного поведения у формирующихся взрослых.

Перспективы исследования. Исследование является значимым для проведения новых научных работ, охватывающих большее количество респондентов (в том числе разных возрастов), что позволит раскрыть вопрос степени проявленности кибервиктимного поведения не только у формирующихся взрослых. Этот аспект особенно важен в условиях цифровизации, где риски, связанные с кибервиктимизацией, все больше и больше дают о себе знать. Также при использовании полученных практически значимых результатов вероятно дальнейшее развитие кибервиктимологии.

Ограничения. Ограничение данного исследования заключается в выборке — дальнейшие возможные исследования могут расширить возрастной диапазон и количество испытуемых. С помощью описанных методических аспектов исследования кибервиктимного поведения и полученных в последующем результатов исследователи и практики смогут использовать новый валидный и надежный инструментарий для изучения и развития кибервиктимологии.

Limitations. A limitation of this study is its sample size; future studies could expand the age range and sample size. Using the described methodological aspects of cybervictim behavior research and the resulting results, researchers and practitioners can use new valid and reliable tools to study and develop cybervictimology.

Список источников / References

1. Аносов, А.В. (2021). Современные тенденции развития цифровой криминологии. *Академическая мысль*, 4(17), 56—59.
Anosov, A.V. (2021). Modern trends in the development of digital criminology. *Academic Thought*, 4(17), 56—59.
2. Белинская, С.В., Ван, Ш.Л., Величковский, Б.Б., Войскунский, А.Е., Евдокименко, А.С., Емелин, В.А. (2019). О некоторых психологических механизмах формирования кибервиктимного поведения молодежи. В: *Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов*, Севастополь: Рибест.
Belinskaya, S.V., Wang, Sh.L., Velichkovsky, B.B., Voiskunsky, A.E., Evdokimenko, A.S., Emelin, V.A. (2019). On some psychological mechanisms of formation of cyber-victim

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
 Черты личности как предиктор кибервиктимности
 (исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
 кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
 Personality traits as predictors of cybervictimization (a
 study of the correlation between the Big Five traits and
 cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 133—149.

- behavior of young people. In: *Management in the context of global world transformations: economics, politics, law: collection of scientific papers*. Sevastopol: Ribest.
3. Бовть, О.Б., Семенова, Е.В. (2019). Исследование кибервиктимного поведения молодежи и направления обеспечения кибербезопасности. В: *Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов, Севастополь* : *Рибест*.
 Bovt, O.B., Semenova, E.V. (2019). A study of cyber-victim behavior of young people and directions of ensuring cybersecurity. In: *Management in the context of global world transformations: economics, politics, law: collection of scientific papers*, Sevastopol: Ribest.
 4. Вихман, А.А. (2023). Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте. *Психология и право*, 13(1), 94—106.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130107>
 Vikhman, A.A. (2023). Personality predictors of cybervictimization and cyberbullying in adolescence. *Psychology and Law*, 13(1), 94—106.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130107>
 5. Жакупжанов, А.О. (2019). Виктимологические факторы киберпреступности. *Алтайский юридический вестник*, 3, 75—82.
 Zhakupzhanov, A.O. (2019). Victimological factors of cybercrime. *Altai Law Bulletin*, 3, 75—82.
 6. Майоров, А.В. (2022). Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? *Виктимология*, 9(2) 148—156. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19202>
 Mayorov, A.V. (2022) Does digitalization influence victimization in modern society? *Victimology*, 9(2) 148—156. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19202>
 7. Никульченкова, Е.В. (2023). Трансформация киберпреступности: современные угрозы и их предупреждение. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 20(3), 96—105.
[https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\).96-105](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3).96-105)
 Nikulchenkova, E.V. (2023). Transformation of cybercrime: modern threats and their prevention. *Bulletin of Omsk University. Series Law*, 20(3), 96—105.
[https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\).96-105](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3).96-105)
 8. Позднякова, М.Е., Брюно, В.В. (2024). Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза. *Вестник Института социологии*, 15(4), 235—254. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.12>
 Pozdnyakova, M.E., Bruno, V.V. (2024). Development of the information-network environment and deviant behavior: cybercrime as a new social threat. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 15(4), 235—254. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.12>
 9. Сейранян, А.О. (2025). Исследование корреляции черт формирующейся взрослости и кибервиктимного поведения среди молодежи. В: *VI Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам «Финатлон форум»: Материалы конференции* (с. 196—200). Москва.
 Seyranyan, A.O. (2025) A study of the correlation between emerging adulthood traits and cyber-victim behavior among young people. In: *VI International Scientific and Practical*

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Conference of Young Scientists and Specialists in Sustainable Development, Investments, and Financial Risks "Finathlon Forum": Conference Proceedings (pp. 196—200). Moscow.

10. Ткачева, Н.В., Серова, Е.Н. (2021). Виктимология и киберпреступность в России. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 21(3) 19—23. <https://doi.org/10.14529/law210303>
Tkacheva, N.V., Serova, E.N. (2021). Victimology and cybercrime in Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 21(3) 19—23. <https://doi.org/10.14529/law210303>
11. Jaishankar, K. (2020). Cyber victimology: A new sub-discipline of the twenty-first century victimology. In: Joseph, J., Jergenson, S. (Eds.), *An international perspective on contemporary developments in victimology* (pp. 3—19). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-41622-5_1
12. Kaluarachchi, C., Sedera, D., Warren, M. (2021). An Investigative Model of Adult Cyberbullying: A Court Case Analysis, *arXiv preprint arXiv:2111.04446*, URL: <https://arxiv.org/pdf/2111.04446> (viewed: 12.04.2025)
13. Hawdon, J., Parti, K., Dearden, T.E. (2020). Cybercrime in America amid COVID-19: The initial results from a natural experiment. *American Journal of Criminal Justice*, 45(4), 546—562. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09534-4>
14. Lawrence, E. (1979). Cohen and Marcus Felson Source. *American Sociological Review*, 44(4), 588—608. <https://doi.org/10.2307/2094589>
15. Van den Eynde, S., Pleysier, S., Walrave, M. (2023). Non-consensual dissemination of sexual images: The victim-offender overlap. *Social Sciences & Humanities Open*. 8(1), 100611. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2023.100611>
16. Bayat, F., Kiani, Q., Asadi, M. (2021). The Role of Personality Traits in Predicting Cyberbullying in Second-Year High School Students. *Preventive Counseling*, 2(2), 1—13.

Информация об авторах

Елена Владимировна Камнева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>, e-mail: ekamneva@fa.ru

Маргарита Михайловна Симонова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2232-6920>, e-mail: mmsimonova@fa.ru

Information about the authors

Elena V. Kamneva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>, e-mail: ekamneva@fa.ru

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятёрки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Margarita M. Simonova, PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2232-6920>, e-mail: mmsimonova@fa.ru

Вклад авторов

Камнева Е.В. — идея, организация исследования, написание статьи.

Симонова М.М. — сбор данных, обработка данных.

Оба автора приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena V. Kamneva — idea, organization of research, writing an article.

Margarita M. Simonova — data collection, data processing.

Both authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проведено в соответствии с Хельсинкской декларацией и одобрено этической комиссией совета кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (протокол № 4 от 12.11.2025).

Ethics statement

The study was conducted in accordance with the Declaration of Helsinki and approved by the Ethics Committee of the Council of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (report No. 4, 2025/11/12).

Поступила в редакцию 15.11.2025

Поступила после рецензирования 20.11.2025

Принята к публикации 16.12.2025

Опубликована 30.12.2025

Received 2025.11.15.

Revised 2025.11.20.

Accepted 2025.12.16.

Published 2025.12.30.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ | PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN EXTREME SITUATIONS

Научная статья | Original paper

Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте

А.-М.И. Авилова¹✉

¹ ГБУ «Мой семейный центр “Диалог”», филиал «Северный», Москва, Российская Федерация

✉ rozaroza98@rambler.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Ранний юношеский возраст — период интенсивных личностных изменений и социальных взаимодействий, сопровождающийся стрессами и эмоциональными трудностями, что повышает риск суицидальных мыслей и поведения. Цифровая среда также влияет на представителей раннего юношеского возраста. Наряду с положительными возможностями современных технологий, цифровая среда может быть опасна и включать в себя онлайн-буллинг, группы смерти и другие опасные формы взаимодействия. Дополнительную остроту проблеме придает недостаток доступных психологических ресурсов для молодых людей. В совокупности это подчеркивает необходимость эффективной профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте. **Цель:** оценить эффективность использования эффекта завершения суицидального действия (опасной для жизни ситуации) в виртуальной реальности для психологической профилактики суицидального риска студентов. **Гипотеза.** После проигрывания опасной для жизни ситуации и смерти в виртуальной реальности, суицидальные мысли и желания исчезнут, так как потенциально опасная для жизни ситуация была прожита. **Методы и материалы.** Испытуемыми были выбраны 30 человек раннего юношеского возраста (17—21 год). Все респонденты дали добровольное согласие на участие в исследовании и с помощью рандомизации были разделены на 2 группы: экспериментальную (15 человек — 13 девушек и 2 юношей) и контрольную (15 человек — 12 девушек и 3 юношей). Методы: шкала безнадежности Бека (BHS), шкала депрессии Бека (BDI), методика оценки ауто- и гетероагрессии Е.П. Ильина, опросник «Суицидная личность» СЛ-19 П.И. Юнацкевича, опросник анти-витальности и жизнестойкости (АВиЖС) О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева, опросник «Самочувствие-активность-настроение» (САН). Методы

Авилова А.-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A.-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

математической статистики: описательная статистика, сравнительный анализ (Т-критерий Вилкоксона, U-критерий Манна-Уитни). Методы экспериментального воздействия — VR-симуляторы: Survivor VR, Richie's Plank Experience, Nature Treks VR. **Результаты.** После прохождения эксперимента у участников снизился уровень депрессии и тревожных руминаций на уровне значимости 0,05, что свидетельствует о снижении суицидального риска. Наша гипотеза о возможности применения технологий виртуальной реальности в психологической профилактике суицидального риска у представителей раннего юношеского возраста частично подтверждена, так как некоторые показатели суицидального риска снизились, хотя и не все. **Выводы.** Подтверждена эффективность использования приема завершения гештальта (совершение опасного для жизни действия в виртуальной реальности) для профилактики суицидального риска. После прохождения эксперимента у его участников снизился уровень депрессии и тревожных руминаций на уровне значимости 0,05. Наблюдался ряд позитивных тенденций — в частности, снизился показатель «конфликт в семье», а также повысились показатели жизнестойкости (функциональная семья, удовлетворенность жизнью, позитивный образ будущего).

Ключевые слова: VR-технологии, виртуальная реальность, психологическая профилактика, суицидальный риск, ранний юношеский возраст

Благодарности. Автор благодарит ассистентов лаборатории виртуальной реальности К.Э. Бузанова и А.С. Цветкову за помощь в проведении эксперимента, а также — научного руководителя магистерской диссертации Т.Н. Березину за предоставление базы эмпирического исследования.

Для цитирования: Авилова, А.-М.И. (2025). Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 150—162. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020410>

Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence

A.-M.I. Avilova ¹✉

¹ State Budgetary Institution "My Family Center 'Dialogue'", Branch "Severny", Moscow, Russian Federation

✉ rozaroza98@rambler.ru

Abstract

Context and relevance. The relevance of this study is determined by several factors. Early adolescence is a period of intense personal changes and social interactions,

Авилова А.-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A.-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

accompanied by stress and emotional difficulties, which increases the risk of suicidal thoughts and behavior. The digital environment also influences young adults. Along with the positive opportunities of modern technology, the digital environment can be dangerous and include online bullying, death groups, and other dangerous forms of interaction. The lack of accessible psychological resources for young people further exacerbates the problem. Taken together, this underscores the need for effective suicide prevention in early adolescence. **Objective:** to evaluate the effectiveness of using the effect of completing a suicidal act (life-threatening situation) in virtual reality for the psychological prevention of suicidal risk in students. **Hypothesis.** After playing out a life-threatening situation and death in virtual reality, suicidal thoughts and desires will disappear, as the potentially life-threatening situation has been, lived through. **Methods and materials.** The subjects were 30 young adults (aged 17—21). All respondents gave voluntary consent to participate in the study and were randomly, divided into 2 groups: the experimental group (15 people — 13 girls and 2 boys) and the control group (15 people — 12 girls and 3 boys). Methods: the Beck hopelessness scale (BHS), the Beck depression inventory (BDI), E.P. Ilyin's method for assessing auto and hetero-aggression, P.I. Yunatskevich's SL-19 “Suicidal Personality” questionnaire, Sagalakova's Anti-Vitality and Resilience Questionnaire (AVRQ) and D.V. Truevtsev's “Well-Being-Activity-Mood” (W-BAM) questionnaire. Mathematical statistics methods: descriptive statistics, comparative analysis (Wilcoxon T-test, Mann-Whitney U-test). Experimental intervention methods included VR simulators: Survivor VR, Richie's Plank Experience, Nature Treks VR. **Results.** After completing the experiment, participants' levels of depression and anxious rumination decreased at a significance level of 0,05, indicating a reduction in suicidal risk. Our hypothesis regarding the feasibility of using virtual reality technologies in the psychological prevention of suicide risk in early adolescence was partially confirmed, as some, although not all, indicators of suicide risk decreased. **Conclusions.** The effectiveness of using the gestalt completion technique (performing a life-threatening action in virtual reality) for suicidal risk prevention was confirmed. After completing the experiment, participants' levels of depression and anxious rumination decreased at a significance level of 0,05. A number of positive trends were observed, in particular, the “family conflict” indicator decreased, and resilience indicators (functional family, life satisfaction, positive image of the future) increased.

Keywords: VR technologies, virtual reality, psychological prevention, suicidal risk, early adolescences

Acknowledgements. The author thanks assistant of the virtual reality laboratory K.E. Buzanov and A.S. Tsvetkova, for assistance in conducting the experiment, and the scientific supervisor of the master's thesis, T.N. Berezina, for providing the basis for the empirical research.

For citation: Avilova, A.-M.I. (2025). Using the effect of gestalt completion in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence. *Extreme Psychology and*

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

Personal Safety, 2(4), 150—162. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2025020410>

Введение

Актуальность. Ранний юношеский возраст – это сложный период в формировании личности и становлении индивидуальности. Именно в этом возрасте происходит развитие самосознания, юноши и девушки познают мир вокруг себя, развивается рефлексия, происходит открытие сферы собственных чувств, эмоций, мыслей и переживаний. Именно в этом возрасте обостряются конфликты внутреннего мира. Внешний мир также представляет опасность для представителей раннего юношеского возраста, взять к примеру «группы смерти». Данные явления могут приводить к депрессии и возникновению суицидальных (антивитальных) мыслей. (Решетников, 2020). Именно в этой возрастной группе суицид вносит значимый вклад в статистику смертности. Согласно данным статистики он является второй по частоте причиной смерти (Strandheim, et al., 2014). Например, в возрастной группе 15—19 лет показатель суицидного риска в 2009 году составил 19,5 человека на 100 000¹.

Главной причиной суицидального поведения, по мнению самих подростков, является субъективная невозможность построения удовлетворительного продолжения жизни (Шнейдер, Сургучева, 2019). По мнению специалистов, к суицидальным попыткам приводит депрессия, школьная дезадаптация, социальная изоляция, конфликты (Дунаева, Баранова, Бабинова и др., 2021), нарушение безопасности (Березина, Симонова, Финогенова и др., 2024). Одной из самых частых причин суицидального поведения является депрессия (Казьмина и др., 2014). Суицидальное поведение в раннем юношеском возрасте может быть связано со склонностью к риску, поскольку юноши и девушки могут не чувствовать опасности, не понимать последствий своих действий и попытаться совершить суицидальную попытку, в которой потом могут раскаиваться (Семенова, 2020).

Важнейшим способом предотвращения суицидальных попыток является профилактика (Дунаева и др., 2020). Существует достаточно обширное количество методов такой профилактики в рамках различных психотерапевтических направлений, таких как: групповая терапия, направленная на улучшение качества эмоциональной регуляции; приемы повышения осознанности эмоций; методы улучшения межличностных отношений; обучение адаптивным способам эмоциональной регуляции; психоаналитическая терапия, основанная на переносе; семейная терапия, и ряд других (Польская, 2016). Для снижения уровня конфликтности в межличностных отношениях рекомендуется использовать в качестве профилактики рациональную терапию (Пчелинцева, Марьин, 2025).

В настоящее время для профилактики и коррекции различных негативных проявлений у лиц студенческого возраста все чаще используются новые технологии, в частности технологии виртуальной реальности (Березина и др., 2025). Например, для коррекции страхов и тревоги у студентов колледжей и вузов, предлагается совершить пугающие действия в виртуальной

¹ Россия`2013. Статистический справочник (2013). Федеральная служба государственной статистики. «Российский статистический ежегодник», URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2013/rus13.pdf (дата обращения: 12.09.2025).

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

реальности и научиться их там переживать (Иванова, Завязкина, 2025). Виртуальные технологии также часто используют для подготовки молодых обучающихся к экстремальным ситуациям (Скоробогатова, Марголин, 2024). Авторы этого направления психологической профилактики опираются на концепции гештальт-психологии, полагая, что завершение гештальтов в виртуальной среде может снижать стресс от реальных угроз, даже боевых действий (Бузанов, Боган, 2024). Также отмечается, что реальная и виртуальная девиантная активность обучающихся имеют взаимосвязанный характер (Воробьева, 2025) и меры профилактики, принятые в виртуальной среде, могут снизить реальное девиантное поведение.

Разрабатывая авторскую программу профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте, мы опирались на положения гештальт-психологии, в том числе на концепцию завершения гештальта как способа прекращения навязчивого поведения. Существующие программы профилактики суицидального поведения частично также используют это положение. Например, в программе В.А. Руженкова и А.В. Боевой на одном из этапов происходило поощрение проявлений эмоций и их усиление вплоть до состояния освобождающего катарсиса (Руженков, Боева, 2007).

Гипотеза. Опираясь на эффект незаконченного действия (эффект Зейгарник), заключающегося в том, что человек лучше запоминает прерванные действия, чем завершённые, была выдвинута гипотеза о том, что после проигрывания опасной для жизни ситуации и смерти в виртуальной реальности суицидальные мысли и желания исчезнут, так как потенциально опасная для жизни ситуация была прожита.

Цель исследования: оценить эффективность использования эффекта завершения суицидального действия (опасной для жизни ситуации) в виртуальной реальности для психологической профилактики суицидального риска студентов.

Материалы и методы

Методы

1. Шкала безнадежности Бека (BHS). Методика использовалась для определения уровня безнадежности как фактора суицидального риска.
2. Шкала депрессии Бека (BDI). Использовалась для определения депрессии как фактора суицидального риска.
3. Методика оценки ауто- и гетероагрессии Е.П. Ильина. Использовалась для выявления аутоагрессии.
4. Опросник «Суицидная личность» СЛ-19 П.И. Юнацкевича. Был использован для выявления суицидального риска.
5. Опросник анти-витальности и жизнестойкости, (АВиЖС) О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева. Был использован для выявления витальных и анти-витальных факторов.
6. Опросник «Самочувствие-активность-настроение» (САН). Опросник был использован для фиксации состояния до и после проведенного исследования.
5. Методы математической статистики: описательная статистика, сравнительный анализ (Т-критерий Вилкоксона, U-критерий Манна-Уитни).

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

6. Методы экспериментального воздействия. Для моделирования опасной для жизни ситуации были использованы такие VR-симуляторы, как:

1. Survivor VR. Игра, где по инструкции экспериментатора испытуемым нужно было сгореть в пожаре.

2. Richie's Plank Experience. Игра, где по инструкции экспериментатора нужно для моделирования опасной для жизни ситуации пройти по балке и упасть вниз.

3. Nature Treks VR. В этой игре после прохождения игр на проигрывание опасной для жизни ситуации предлагается выбрать красивый, успокаивающий фон, который вызывает эффект расслабления. На выбор игрока предоставляются различные фоны, например лес с пением птиц и звуками шума листвы и дождя, море и пляж со звуками волн и т. д.

Стоит отметить, что игры в виртуальной реальности с имитацией опасной ситуации в случае страха высоты, могут, наоборот, подтолкнуть к действию лиц с суицидальными мыслями, за счёт избавления от страха. Поэтому перед тем, как дать участникам исследования пройти игру Richie's Plank Experience, мы уточняли у них, боятся ли они высоты, и при положительном ответе давали им пройти Survivor VR.

Испытуемые: 30 человек раннего юношеского возраста (17—21 год). Все респонденты дали добровольное согласие на участие в исследовании и с помощью рандомизации были разделены на 2 группы: экспериментальную (15 человек — 13 девушек и 2 юноши) и контрольную (15 человек — 12 девушек и 3 юношей). Испытуемые являлись студентами 1-го и 2-го курсов Московского государственного психолого-педагогического университета. Испытуемым давались онлайн опросники до и после экспериментальной части исследования.

Результаты

Мы сравнили все показатели всех методик экспериментальной и контрольной групп до эксперимента. Для сравнения групп между собой был использован U-критерий Манна-Уитни. Различий по наиболее значимым показателям не обнаружено. Данные группы можно сравнивать между собой.

Далее мы сравнили экспериментальную группу по всем методикам до и после участия в эксперименте по T-критерию Вилкоксона. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение экспериментальной группы до и после эксперимента по всем методикам исследования по T-критерию Вилкоксона (только достоверные различия и тенденции)

Comparison of the experimental group before and after the experiment for all research methods using the Wilcoxon T-test (only reliable data)

Названия шкал / Names of scales	Экспериментальная группа до эксперимента / Experimental group before the experiment	Экспериментальная группа после эксперимента / Experimental group after the experiment	P

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

Шкала депрессии Бека / Beck depression scale	9,267	6,867	0,046*
Конфликт в семье / Conflict in the family	2,333	2,133	0,1
Тревожные руминации / Anxious ruminations	4,400	3,467	0,016*
Функциональная семья / Functional family	5,600	5,800	0,08
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	4,933	5,200	0,1
Позитивный образ будущего / A positive image of the future	4,867	5,267	0,1

Примечание: «*» — различия значимы на уровне 0,05.

Note: «*» — differences are significant at 0,05.

Достоверные различия в двух группах обнаружены по показателям тревожных руминаций и депрессии. Уровень значимости по этим показателям равен 0,05. На уровне тенденции к снижению находится «конфликт в семье». На уровне тенденции к повышению находятся такие показатели жизнестойкости, как «функциональная семья», «удовлетворенность жизнью», «позитивный образ будущего».

Далее мы сравнили контрольную группу после 1-го и 2-го замера по всем методикам исследования. Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Сравнение контрольной группы после первого и второго замера по Т-критерию Вилкоксона по всем методикам исследования (только достоверные различия и тенденции)

Comparison of the control group after the first and second measurements using the Wilcoxon T-test for all research methods (only reliable data)

Названия шкал / Names of scales	Контрольная группа, 1-й замер / Control group measurement 1	Контрольная группа, 2-й замер / Control group measurement 2	P
Гетероагрессия / Heteroaggression	3,333	2,867	0,084
Страх негативной оценки / Fear of negative evaluation	3,133	3,467	0,102
Конфликт с педагогами / Conflict with teachers	1,133	1,533	0,098
Настроение / Emotional state	3,893	4,127	0,019*

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

Примечание: «*» — различия значимы на уровне 0,05.
Note: «*» — differences are significant at 0,05.

Достоверные различия на уровне 0,05 показателей двух групп обнаружены только по показателю настроение. Данный показатель нельзя отнести к показателям суицидального риска, и его изменение может быть случайным, связанным с факторами, не зависящими от проведения исследования, например с усталостью после учебного занятия, на котором контрольной группе давалось прохождение опросников. Также обнаружено несколько тенденций: повысился страх негативной оценки, который мог возникнуть из-за того, что студенты не попали в экспериментальную группу и могли подумать, что их будут за это осуждать; показатель «конфликт с педагогами» мог повыситься по той же причине, что и страх негативной оценки; снизилась гетероагрессия. Все показатели на уровне тенденций, а не достоверных различий могут быть случайными.

Обсуждение результатов

После прохождения эксперимента у участников снизился уровень депрессии и тревожных руминаций на уровне значимости 0,05, что свидетельствует о снижении суицидального риска. Наша гипотеза о возможности применения технологий виртуальной реальности в психологической профилактике суицидального риска у представителей раннего юношеского возраста частично подтверждена, так как некоторые показатели суицидального риска снизились, хотя и не все. Однако мы считаем, что полученный результат достаточно интересен, потому что именно депрессия и тревожность рассматриваются как главные причины суицидальных намерений многими авторами (Казьмина и др., 2014).

Мы провели только одно профилактическое занятие, включив в него и завершение гештальта (проигрывание опасной для жизни ситуации в виртуальной реальности), и последующее расслабление на фоне красивых пейзажей (также в виртуальной реальности). Расслабление было необходимо, чтобы снять возможную тенденцию к аутоагрессии, поскольку многие исследования говорят, что аутоагрессивное поведение может становиться «деструктивно эффективным» и способствовать снижению внутреннего напряжения (Екимова, Голик, Левченко и др., 2025). В нашем исследовании для снятия внутреннего напряжения мы использовали красивые, природные пейзажи, поскольку есть данные, что пассивная изо-терапия может снимать стресс у студентов (Деулин и др., 2024).

Мы рассматриваем наши результаты только как часть будущей возможной психопрофилактической программы, которую нужно будет проводить силами подготовленных психологов.

Однако, на наш взгляд, эффективность предлагаемого нами приема в нашем исследовании подтвердилась, что позволяет нам рекомендовать его для дальнейшей работы.

Заключение

Подтверждена эффективность использования приема завершения гештальта (совершения опасного для жизни действия в виртуальной реальности) для профилактики суицидального

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

риска. После прохождения эксперимента у его участников снизился уровень депрессии и тревожных руминаций на уровне значимости 0,05. Наблюдался ряд позитивных тенденций: в частности, у них снизился показатель «конфликт в семье», а также повысились показатели жизнестойкости (функциональная семья, удовлетворенность жизнью, позитивный образ будущего). Полученные результаты говорят о снижении суицидального риска после прохождения игр в виртуальной реальности.

В контрольной группе студенты, которые посещали обычное учебное занятие, показатели или не изменились, или их изменения были разнонаправлены и связаны с текущим учебным занятием.

Перспективы исследования. Психологическая профилактика, основанная на технологиях виртуальной реальности, может использоваться в образовательных учреждениях, а также в учреждениях психологической помощи населению, для формирования у молодежи навыков эмоциональной саморегуляции и конструктивного реагирования на стресс. В частности, она может быть использована для лиц, подверженных суицидальному риску. В дальнейшем экспериментальная часть нашего исследования может быть включена в тренинг по профилактике суицидального риска. Тренинг может быть проведен на лицах других возрастных категорий, а эксперимент — на более обширной выборке, для оценки его эффективности.

Ограничения. Исследование носит предварительный характер. Проведена оценка эффективности только одного приема психологической профилактики суицидального риска. Мы рекомендуем использовать этот прием только в программе, совместно с другими психопрофилактическими методами. Проводить данный прием должен только квалифицированный психолог.

Limitations. This study is preliminary. An evaluation of the effectiveness of only one method of psychological prevention for suicidal risk has been conducted. We recommend using this method only as part of a program, in conjunction with other psychoprophylactic techniques. This method should be administered solely by a qualified psychologist.

Список источников / References

1. Березина, Т.Н., Завязкина, К.В., Литвинова, А.В., Гривенная, А.А. (2025). Физическая культура в виртуальной реальности: влияние на безопасность и здоровье студентов с ограниченными возможностями. *Перспективы науки и образования*, 5(77), 510—523. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.32>
Berezina, T.N., Zavyazkina, K.V., Litvinova, A.V., Grivennaya, A.A. (2025). Physical education in virtual reality: impact on the safety and health of students with disabilities. *Prospects of Science and Education*, 5(77), 510—523. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2025.5.32>
2. Березина, Т.Н., Симонова, М.М., Финогонова, Т.А. (2024). Психологическое насилие и угрозы безопасности обучающихся в американских школах и способы минимизации этих угроз. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 64—73. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130406>
Berezina, T. N., Simonova, M. M., Finogenova, T. A. (2024). Psychological violence and threats

Авилова А.-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A.-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

- to the safety of students in American schools and ways to minimize these threats. *Modern Foreign Psychology*, 13(4), 64—73. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130406>
3. Бузанов, К.Э., Боган, В.А. (2025). Психологическая подготовка курсантов Росгвардии к базовому обращению с оружием методами виртуальной реальности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(3), 66—81. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020304>
Buzanov, K.E., Bogan, V.A. (2025). Psychological training of Rosgvardia cadets for basic handling of weapons using virtual reality methods. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(3), 66—81. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020304>
 4. Воробьева, К.А. (2025). Девиантная активность обучающихся в виртуальной среде как фактор риска нарушения психологической безопасности личности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 44—60. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020203>
Vorobyova, K.A. (2025). Deviant activity of students in a virtual environment as a risk factor for personal psychological security violations. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 44—60. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020203>
 5. Деулин, Д.В., Петров, В.Е., Литвинова, А.В., Коджаспиров, А.Ю. (2024). Исследование возможностей метода пассивной изотерапии для снижения информационно-психологического стресса у студентов в период экзаменационной сессии. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 23—35. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0202>
Deulin, D.V., Petrov, V.E., Litvinova, A.V., Kodzhaspirov, A.Yu. (2024). Study of the possibilities of the passive isotherapy method for reducing informational and psychological stress in students during the examination session. *National Psychological Journal*, 19(2), 23—35. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0202>
 6. Дунаева, Н.И., Баранова, Ю.М., Бабинова, Н.С. (2021). Профилактика аутоагрессивного поведения студентов. *Проблемы современного педагогического образования*, 71-1, 294—297.
Dunaeva, N.I., Baranova, Yu.M., Babinova, N.S. (2021). Prevention of self-aggressive behavior in students. *Problems of modern teacher education*, 71-1, 294—297. (In Russ.)
 7. Екимова, В.И., Голик, Т.Ю., Левченко, А.В. (2025). Агрессия и аутоагрессия в зеркале самоотношения подростков. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 170—189. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020210>
Ekimova, V. I., Golik, T. Yu., Levchenko, A. V. (2025). Aggression and auto-aggression in the mirror of adolescents' self-attitude. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 170—189. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020210>
 8. Иванова, А.О., Завязкина, К.В. (2025). Коррекция тревожности и страхов студентов колледжа и вуза при помощи технологий виртуальной реальности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 138—153. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020208>
Ivanova, A.O., Zavyazkina, K.V. (2025). Correction of anxiety and fears of college and

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

- university students using virtual reality technologies. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 138—153. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020208>
9. Казьмина, О.Ю., Медведева, Т.И., Щелокова, О.А., Каледа, В.Г. (2014). Депрессии юношеского и молодого возраста: предикторы прогноза суицидального риска. *Психиатрия*, 4, 11—20.
Kazmina, O.Yu., Medvedeva, T.I., Shchelokova, O.A., Kaleda, V.G. (2014). Depression in adolescence and young adulthood: predictors of suicidal risk. *Psychiatry*, 4, 11—20. (In Russ.)
 10. Павлова, А.Б., Барышева, Е.В. (2024). Модель профилактического взаимодействия как способ превенции девиантного поведения в студенческой среде. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, 4, 93—98.
Pavlova, A. B., Barysheva, E. V. (2024). A model of preventive interaction as a way to prevent deviant behavior among students. *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*, 4, 93—98. (In Russ.)
 11. Польская, Н.А. (2016). Модели коррекции и профилактики самоповреждающего поведения. *Консультативная психология и психотерапия*, 24(3), 110—125. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240307>
Polskaya, N.A. (2016). Models of correction and prevention of self-harming behavior. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(3), 110—125. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240307>
 12. Пчелинцева, Ю.А., Марьин, М.И. (2025). Оценка эффективности специальной программы для профилактики межличностных конфликтов курсантов. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(2), 154—169. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020209>
Pchelintseva, Yu.A., Maryin, M.I. (2025). Evaluation of the effectiveness of a special program for the prevention of interpersonal conflicts among cadets. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(2), 154—169. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020209>
 13. Решетников, М.М. (2020). Себя не убивает тот, кто не хочет убить другого. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(1), 43—59. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-43-59>
Reshetnikov, M. M. (2020). Nobody Kills Himself if He Doesn't Want to Kill the Other. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(1), 43—59. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-1-43-59>
 14. Руженков, В.А., Боева, А.В. (2007). Психологические особенности детей, совершивших попытку самоубийства (стратегия оказания психотерапевтической помощи). *Врач*, 8, 75—76.
Ruzhenkov, V.A., Boeva, A.V. (2007). Psychological characteristics of children who attempted suicide (strategy for providing psychotherapeutic assistance). *Doctor*, 8, 75—76. (In Russ.)
 15. Семенова, А.В. (2020). Склонность к риску в подростковом и юношеском возрасте. *Педагогика: история, перспективы*, 3(5), 131—136. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2020-3-5-131-136>
Semenova, A.V. (2020). Risk-taking propensity in adolescence and young adulthood. *Pedagogy:*

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в виртуальной реальности как приема психологической профилактики суицидального риска в раннем юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности, 2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a method of psychological prevention of suicidal risk in early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

History, Prospects, 3(5), 131—136. (In Russ.) <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2020-3-5-131-136>

16. Скоробогатова, Т.Н., Марголин, А.Д. (2024). Психологическая подготовка студентов к экстремальным ситуациям средствами виртуальной реальности. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 1(4), 19—31. <https://doi.org/10.17759/epps.2024010402>
Skorobogatova, T.N., Margolin, A.D. (2024). Psychological preparation of students for extreme situations using virtual reality. *Extreme Psychology and Personal Safety*, 1(4), 19—31. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/epps.2024010402>
17. Шнейдер, Л.Б., Сургучева, Н.В. (2019). Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте. *Клиническая и специальная психология*, 8(1), 189—214. <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080112>
Schneider, L.B., Surgucheva, N.V. (2019). Ego-perception and thanatos-centering as sources of suicide in adolescence. *Clinical and Special Psychology*, 8(1), 189—214. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080112>
18. Berezina, T.N., Deulin, D.V., Sechko, A.V., Rosenova, M.I. (2025). Impact of safety in the educational environment on professional burnout among teachers. *Perspectives of Science and Education*, 73(1), 692—703. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.44>
19. Strandheim, A., Bjerkeset, O., Gunnell, D., et al. (2014). Risk factors for suicidal thoughts in adolescence — a prospective cohort study: The Young-HUNT Study. *BMJ Open*, 4(8), e005867. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2014-005867>

Информация об авторе

Анна-Мария Ильинична Авилова, магистр психологии, практикующий психолог, практикант ГБУ «Мой семейный центр “Диалог”», филиал «Северный», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3556-2546>, e-mail: rozaroza98@rambler.ru

Information about the author

Anna-Maria I. Avilova, Master of Psychology, Practicing Psychologist, Trainee at the State Budgetary Institution "My Family Center 'Dialogue'", Branch "Severny", Moscow, Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3556-2546>, e-mail: rozaroza98@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Авилова А-М.И. (2025)
Использование эффекта завершения гештальта в
виртуальной реальности как приема психологической
профилактики суицидального риска в раннем
юношеском возрасте
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 150—162.

Avilova A-M.I. (2025)
Using the gestalt completion effect in virtual reality as a
method of psychological prevention of suicidal risk in
early adolescence
Extreme Psychology and Personal Safety, 2(4), 150—162.

Исследование проведено в соответствии с Хельсинкской декларацией и одобрено этической комиссией ГБУ «Мой семейный центр “Диалог”», филиал «Северный» (протокол № 1 от 30.04.2024).

Ethics statement

The study was conducted in accordance with the Declaration of Helsinki and approved by the Ethics Committee of the State Budgetary Institution "My Family Center 'Dialogue'", Branch "Severny"(report no. 1, 2024/04/30).

Поступила в редакцию 18.11.2025
Поступила после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 07.12.2025
Опубликована 30.12.2025

Received 2025.11.18.
Revised 2025.11.20.
Accepted 2025.12.07.
Published 2025.12.30.